

А.П. Мельников
С.Ф. Сокол

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Минск, 2011

АННОТАЦИЯ

В учебном пособии рассматриваются понятие и сущность политической культуры, её структура, типология, национальные особенности. Значительное внимание уделяется вопросам взаимодействия политики и морали в реализации политической культуры, проблемам политического риска, а также культуре разрешения политических конфликтов.

Рекомендуется студентам высших учебных заведений при изучении курса «Политическая культура».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Понятие и сущность политической культуры	7
2. Структура политической культуры	41
3. Типология политической культуры	61
4. Национальные особенности политической культуры.....	90
5. Взаимодействие политики и морали в реализации политической культуры.....	123
6. Взаимодействие политической культуры с правовой культурой.....	136
7. Культура политического управления.....	146
8. Политический риск как феномен политической культуры.....	189
9. Культура разрешения политических конфликтов.....	228
Заключение	251
Литература	253

ВВЕДЕНИЕ

В трансформирующемся обществе, в условиях перехода к рыночным отношениям всё более актуальным становится вопрос о политической культуре. И это не случайно. Политическая культура, содержащая в себе образцы политического поведения и политического сознания, выступая важным фактором социализации личности, является важным инструментом общественных преобразований. Затрагивая проблемы власти и управления, участие людей в политике, она оказывает значительное воздействие не только на политическую действительность, но и на все другие сферы общественной жизни.

Анализ политической культуры и феноменов, с ней связанных, позволяет не только политически грамотно корректно интерпретировать процессы, происходящие в сфере общественного сознания, но и выяснять причины и следствия многих негативных явлений и проблемных ситуаций в политической сфере социума. Становление новой государственности, процесс поиска новых идеологических ориентиров сами по себе постоянно делают актуальными обращение к проблеме политической культуры.

Политическая культура, как и общая культура, представляет собой систему, в наименьшей степени подверженную изменениям. Благодаря этому неотъемлемому свойству, культура выполняет одну из важнейших функций – обеспечение социальной преемственности, - гарантируя тем самым, эволюционный ход общественного развития истории.

Наблюдающийся ныне повышенный интерес к проблемам политической культуры обусловлен происходящими в мире социокультурными и геополитическими сдвигами, расширением международных связей, возрастанием роли сознательного и ответственного выбора цели и средств преобразовательной деятельности. На повышение интереса к этой

проблематике оказали влияние военные столкновения, обостряющиеся противоречия идеологий, религий, этносов и т.д.

Изучение политической культуры общества позволяет глубже уяснить причины «сбоев» в работе политической системы, а также причины неудач реформ и иных масштабных социальных преобразований, дает возможность глубже понять мотивы политического поведения граждан и принятия политических решений государственными руководителями, причины многочисленных и разнообразных политических конфликтов, которые невозможно объяснить только борьбой за власть.

Понятие политической культуры активно используется в тех случаях, когда нужно объяснить, почему одни и те же политические институты по-иному работают в разных странах, почему те или иные политические новации и заимствования в одном месте прививаются легче, в другом – труднее. Человек не является автоматически действующим механизмом, он всегда активный интерпретатор осваиваемых или навязываемых ему ролей. Источником таких интерпретаций и выступает культура.

Политическая культура – это совокупность официально принятых и неофициально бытующих в данной стране политических норм, правил, принципов и обычаев, которые достаточно жёстко определяют, направляют, ограничивают политическое поведение как государственных деятелей, так и рядовых граждан. Нет политической культуры, единой для Европы, Азии и американского континента. Существуют многие типы и вариации политической культуры – региональные, национальные т.д. В каждой стране имеется её собственная базисная модель, которая проявляется в национально-специфических формах.

Характер политической культуры влияет на протекание политического процесса в любом обществе, повышая или, напротив, снижая вероятность согласования различных групповых интересов, политической предсказуемости, стабильности.

С точки зрения политологии, вопрос о культурном контексте связан с

выяснением значимости внеинституциональных аспектов политики: контролем за деятельностью тех или иных политических субъектов, за фасадом общественных институтов просматривается присутствие устойчивых традиционных архетипов или «канонов», не всегда осознаваемых, но неизменно действующих. Опыт социально-политической модернизации показывает, что не всегда новые технологии целесообразно произвольно пересаживать на любую культурную почву. Так, будучи импортированными, с Запада на Восток, в развивающиеся страны, они дают заметно меньший эффект, хуже «приживаются». Это тем более справедливо в отношении таких общественных институтов, как новые формы политической деятельности, политический маркетинг, «импортированная демократия» и др. Подчас они оставляют впечатление глубокой профанации общественной жизни. Поэтому изучение культурного контекста становится решающим условием успешности тех или иных социально-политических нововведений и преобразований.

Изучить политическую культуру – значит ответить на вопрос: как понимает себя общество. Культура – это первичный образ жизни общества, включающий как принятые способы мышления, убеждения, так и принятые способы поведения. Политическая культура есть те элементы культуры, которые имеют отношение к управлению и политике.

1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

В современной отечественной и зарубежной политической науке имеются различные подходы к трактовке, как самой политической культуры, так и её структурных элементов. Здесь существует широкий спектр определений и формулировок, примерно до пятидесяти. Термин «политическая культура» впервые употреблён в XVIII в. немецким философом и просветителем И.Гердером. Впоследствии данная категория не так уж часто использовалась учёными. И только в 1956г. понятие политической культуры получило глубокое осмысление в работе американского исследователя Г. Алмонда «Сравнительные политические системы». В дальнейшем значительный вклад в разработку теории политической культуры внесли С. Верба, Л. Пай, С. Липсет и другие. Отечественные обществоведы активно включились в разработку проблем политической культуры в начале 70-х годов XX в.

В 70-е годы в СССР приводились достаточно многочисленные исследования политической культуры советского общества. Среди авторов, уделявших значительное внимание теоретико-методологическим вопросам изучения политической культуры, можно назвать Э.Я. Баталова, Е.М. Бабосова, К.С. Гаджиева, Ф. М Бурлацкого, А.А. Галкина, А.И. Головнёва, А.В. Дмитриева, В.Н. Иванова., Н.М. Кейзерова, Л.Н. Когана, В.В. Смирнова, Ж.Т. Тощенко, Г. В. Осипова. Наряду с концептуальными разработками проблемы целый ряд работ имел эмпирическую направленность.

Теория политической культуры является одной из наиболее популярных и вместе с тем неоднозначных в современной политологии. В последнее десятилетие наблюдается активизация научных дебатов относительно содержания её составляющих, а также ряда новых приложений в рамках различных дисциплин. Термин «политическая культура» стал широко

использоваться не только в научном, но и политическом языке средств массовой информации. Поэтому в поисках ответов на практические вопросы мы с неизбежностью сталкиваемся с вопросами теоретико-методологического осмысления феномена политической культуры. Задача приобретает особую актуальность в связи с тем, что феномен политической культуры рассматривается в мировом обществоведении в рамках различных исследовательских парадигм. При этом определение данного понятия обычно не приводится, как если бы его содержание было общеизвестно и совершенно бесспорно. Однако это не совсем так. К обсуждению политической культуры часто прибегают, чтобы объяснить различия между политическими системами. О ней автоматически вспоминают также, когда некие политические действия и реакции на первый взгляд кажутся иррациональными, алогичными, отличными от ожидаемых, лишёнными закономерности. В таких случаях от специалиста ждут, что, либо он обнаружит закономерности там, где они имеются, либо как-то интерпретирует их отсутствие.

Поскольку понятие «политическая культура» имеет в своей основе как понятие «культура», так и понятие «политика», то необходимо остановиться подробнее на содержании и логике их интерпретации в науке.

Термин «культура» имеет латинское происхождение, и изначальный его смысл – возделывание, воспитание, образование, почитание.

В науке трудно найти категорию, которая могла бы сравниться с этим термином по многозначности толкования [26, с.51-52]. Существуют различные теории трактовки культуры. Одной из распространенных на протяжении уже длительного времени является предметно-ценностная концепция. Согласно этой концепции, культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики. Эта концепция получила название аксиологической. Достоинством ее является указание на связь культуры с результатами труда, для которых она становится формой, или точнее, предметной формой выражения. Человека окружает огромное количество

предметов, созданных не природой, а людьми. Весь этот мир, созданных вещей и предметов, или «вторая природа», является непосредственной, наглядно воспринимаемой формой культуры.

Понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей способствовало исследованию содержания и структуры данного явления, дало возможность выявить его свойство быть мерой овладения людьми общественным бытием. Аксиологическая концепция нацеливала и нацеливает ученых на изучение результатов и продуктов человеческой деятельности, на их качественный анализ, на выявление временных и пространственных параметров их возникновения и существования, на их определенную классификацию и систематизацию по разного рода признакам в зависимости от цели исследования.

Вместе с тем такой подход к пониманию культуры имеет и ряд существенных недостатков. Во-первых, при такой трактовке не учитывается процессуальный характер культуры, поскольку в нее включаются лишь готовые формы, результаты деятельности, и она представляет как нечто застывшее, статичное, а не как процесс. Говоря по-другому, культура, определяемая через систему социально принятых ценностных нормативов, рассматривается вне движения и развития и тем самым затрудняется анализ ее функционирования в обществе. Во-вторых, при таком подходе исчезает субъект культурно-исторического процесса – человек как культуросозидающий субъект.

Обстоятельная критика аксиологической концепции была дана на научных конференциях и в ряде работ российских ученых, что способствовало более углубленному изучению проблем культуры. Признавая справедливость этой критики, было бы неправильным, однако, отрицать на этом основании эвристическую значимость аксиологической концепции в целом. Аксиологический подход к культуре заслуживает критики не за саму попытку апеллировать к ценностям, а лишь за односторонность и неадекватное понимание самих ценностей. Этот подход не исчерпывает сущности культуры, однако, как подчеркивают специалисты, вряд ли правомерно лишь негативное

отношение к нему. Он вполне может быть использован в исследованиях, хотя его и не следует абсолютизировать.

Другой подход к пониманию сущности культуры трактует данный социальный феномен как специфический способ человеческой деятельности, «универсальную технологию» осуществления этой деятельности. Это деятельностный, функциональный подход. Он получил широкое признание и высокую оценку исследователей культуры. Наиболее полно он представлен в работах Э.С. Маркаряна, М.С. Кагана, В.Е. Давидовича, З.И. Файнбурга и др.

Существует несколько вариаций в рамках деятельностного подхода. Одни авторы связывают понимание культуры с любой человеческой деятельностью, другие – со способом деятельности, третьи – с характером только творческой деятельности.

Исследование культуры с точки зрения деятельностного подхода играет важную методологическую роль. Введение понятия «деятельность» позволило акцентировать внимание на субъективной стороне культурно-исторического процесса, а также непосредственной связи культуры с предметно-преобразующей деятельностью человека. Культура перестала рассматриваться как простая совокупность овеществленного труда.

Давая предельно общее, абстрактное представление о культуре, данная концепция глубока и продуктивна тем, что, во-первых, рассматривает культуру как сквозную систему, пронизывающую все без исключения сферы жизнедеятельности общества, во-вторых, нацеливает внимание на изучение культуры как исторического процесса.

Все эти достоинства деятельностного подхода к трактовке культуры несомненны. Вместе с тем данный подход имеет и уязвимые стороны. Прежде всего необходимо отметить, что он создает определенные трудности в разграничении культуры и общества, культурного и социального, которые в данном случае как бы сливаются в синкретическое единство.

Далее необходимо отметить, что, характеризуя культуру со стороны ее функций, деятельностный подход совершенно отвлекается от ценностного

компонента культуры, с чем тоже нельзя безоговорочно согласиться. Ограничение культуры только функциональным аспектом не позволяет полностью раскрыть специфику культуры, ее связь с сущностью человека, его интересами и т.д. При таком подходе субъект деятельности не включается в культуру, люди остаются за пределами способов деятельности. Человек и его развитие в таком случае оказывается чуть ли не чем-то второстепенным по отношению к «технологии» деятельности, т.е. культура выступает только в процессуальной форме, но никак не личностной.

Таким образом, деятельностная концепция культуры при всей своей теоретической основательности не исчерпывает всей той сложности, которой отличается культура. Она фиксирует внимание несомненно на важных аспектах, но при этом отодвигается на второй план сам человек как непосредственный создатель, творец культуры во всем объеме его творческих возможностей. Отсюда потребность в раскрытии главного назначения культуры как средства духовного обогащения индивида, более конкретного представления реальных форм связи культуры и человека, возможностей культуры в процессах формирования личности. В трудах многих исследователей культура рассматривается именно как личностный аспект человеческого бытия, как процесс взаимодействия общественного и личного, как развертывание потенций человека. В ряде случаев это представление конкретизируется через понятия «деятельность», «творчество», «духовное богатство» и др. Это личностная или деятельностно-личностная концепция культуры. Культура в ней характеризуется как степень творчества, раскрытия способностей и дарований человека, рассматриваемого в качестве субъекта общественно-исторического процесса. Запечатлевая творческую деятельность предшествующих поколений, культура воплощает созданные ими материальные и духовные ценности как реализацию их социальной сущности.

При таком подходе культура приобретает внутреннюю целостность и выступает сферой формирования личности, сферой выявления и реализации ее творческих сил, социальных потенций. Вместе с тем это не исключает

предметных форм бытия культуры, ибо последние представляют собой воплощенную в материальных и духовных ценностях творческую деятельность предшествующих поколений.

Несколько обособленно в культурологических исследованиях находится информационно-знаковая или семиотическая концепция культуры, представители которой рассматривают ее как информационный процесс, протекающий в форме трансляции программ деятельности, общения и поведения людей. Культурная информация представляется в данном случае в виде знаковой системы, в которой закрепляется разноплановый социальный опыт людей и происходит социализация индивидов. При этом информация запечатлевается не только в форме языка, но и в предметно-чувственных образах, в продуктах материальной культуры, которые, концентрируя в себе опыт предшествующей деятельности, выступают как средство хранения и передачи информации.

Говоря по-другому, семиотический подход к рассмотрению культуры связан с представлением о ней как о знаковой системе, сохраняющей в знаках и символах опыт поколений. Такое рассмотрение культуры позволяет по-своему выявить механизм социального наследования, через который каждое поколение людей усваивает важнейшие социальные качества, материальные и духовные ценности общества. Данное видение культуры особенно важно для дисциплин, имеющих отношение к изучению знаковых систем. Но несомненно также и то, что его теоретическая и эвристическая значимость как определения культуры имеет силу только для данного круга дисциплин. Таким образом, выявление механизмов культурной динамики в семиотическом подходе является в определенных аспектах в достаточной степени продуктивным, но вместе с тем оно не обеспечивает целостного, универсального осмысления культуры как человекотворческой деятельности.

Мы рассмотрели различные подходы к изучению содержания и сущности культуры. Каждый из них по своему раскрывает многогранность и сложность данного социального феномена и способствует более глубокому пониманию

его развития и функционирования. Культура, несомненно, представляет собой и совокупность материальных и духовных ценностей, и способ человеческой деятельности, и творческий процесс, и развитие человеческой личности, и т.д. Все эти стороны культуры неразрывно связаны между собой, их расчленение возможно лишь в абстракции. Следовательно, рассмотренные точки зрения нельзя считать альтернативными. Они не исключают, а скорее взаимно обогащают одна другую. Ценностный, деятельностный и личностный подходы следует рассматривать не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие. Все это означает, что современный уровень исследования культуры предполагает корректный синтез различных подходов и концепций, что дает возможность создать ее целостную модель.

Не вызывает сомнений положение о том, что культура должна рассматриваться как объективный социальный процесс, связанный с активной деятельностью человека. Поэтому признание непосредственной связи культуры с человеческой деятельностью представляется основополагающим для ее истолкования и играет ключевую методологическую роль в ее исследовании.

Деятельность является специфической человеческой формой активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Она выступает в качестве связующего элемента в системе «человек-природа» [104, с.67-68]. Проявляясь в этой системе в своей основной форме – трудовой деятельности, она есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость.

Благодаря деятельности, выступающей как единство опредмечивания и распредмечивания, природа предстает перед человеком как сфера реализации его творческих способностей. Мир со всеми его связями и отношениями, вещественными элементами и процессами становится сферой приложения человеческих сил, объектом активной деятельности. Природный мир «очеловечивается» в той мере, в какой он входит в сферу материальной и духовной деятельности человека. Вот этот деятельный способ освоения

человеком мира, включая как весь внешний мир – природу и общество, так и внутренний мир самого человека в смысле его формирования и развития, и есть культура [104, с.67].

Следовательно, культура – это различные виды, способы деятельности человека, как прошлой, воплощенной, опредмеченной в результатах его труда, так и настоящей, основывающейся на распредмечивании этих результатов, т.е. актуализирующей содержание исторического опыта человечества в способностях индивидов в процессе преобразования человеком мира.

Что же объединяет различные виды деятельности и ее результаты в единое явление культуры? По-видимому, прежде всего сущностные силы человека, т.е. те силы общества, которые воплощены в его социальном бытии и выражают социальную сущность человека. Сущностные силы – это главным образом не то, что присуще отдельному индивиду, а те социальные связи человека, посредством которых он включается в систему общественных отношений. В качестве таковых выступают, с одной стороны, свойства и особенности, присущие самому человеку, т.е. его способности, дарования, определяющие эффективность его участия в творческой деятельности, а с другой стороны – движущие силы этой деятельности, т.е. мотивы, интересы, потребности деятельности. Но главное – это то, что в культуре человек как бы находит самого себя, вступает в отношения со своими сущностными силами, представляющими по форме его отношение к другим. В свете всего сказанного культура предстает, с одной стороны, как созданная в результате деятельности исторически конкретная и развивающаяся система ценностей, а с другой как процесс, способ и мера реализации сущностных сил человека. Именно в культуре личность раскрывает свои социальные сущностные силы, участвуя в культуросозидающей деятельности по созданию предметов культуры и как участник культурного процесса.

Таким образом, всесторонний, интегративный подход к культуре выявляет ее органическую связь с деятельностью и формированием личности в конкретных исторических условиях, характеризует меру овладения личностью

социальными отношениями в соответствии с ее способностями, склонностями, знаниями и навыками. При этом мера прогресса культуры определяется мерой развития человека как субъекта общественно-исторического процесса.

В связи с различием сфер материального и духовного производства в соответствии с двумя типами деятельности, соотношением материальных и духовных начал в них можно выделить две основные сферы существования и развития культуры – материальную и духовную. Материальная культура связана с производством и освоением предметов и явлений материального мира, с изменениями физической природы человека. Сюда относятся прежде всего материально-технические средства труда, коммуникации, культурно-бытовые сооружения, материальные средства индивидуального пользования, а также производственный опыт, умения, навыки, знания людей, осуществляющих процесс производства. Духовная культура представляет собой совокупность духовных ценностей и социально обусловленной творческой деятельности по их производству, освоению и применению. Многообразие видов духовной культуры соответствует многообразию сущностных сил человека, его способностей и потребностей, проявляющихся в различных общественных отношениях.

Само собой разумеется, деление культуры на материальную и духовную весьма условно, так как провести грань между ними порой бывает очень сложно, потому что в «чистом» виде они просто не существуют. Материальная культура обязательно включает в себя элементы духовной: любой процесс материального производства не осуществим без замыслов человека. В свою очередь, духовная культура всегда имеет материальную основу, материальные элементы духовного творчества.

Какое же определение можно дать понятию культуры? Ценный конструктивный материал, накопленный в трудах отечественных и зарубежных ученых позволяют определить культуру в широком смысле как исторически обусловленный динамический комплекс постоянно обновляющихся во всех сферах общественной жизни форм, принципов, способов и результатов

активной творческой деятельности людей, служащей формированию определенного типа личности. Культура в этом плане выступает человекотворческим содержанием человеческой деятельности и формирующихся в результате ее общественных отношений. Иными словами, культура – это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни.

В этих неизбежно абстрактных формулировках, не претендуя на абсолютно исчерпывающее определение понятия культуры, подчеркивается, что культура как универсальная характеристика человеческого существования воплощает в себе творческие силы общества, производство, распространение и освоение в нем определенных ценностей, бесконечную передачу их из поколения в поколение. Культура характеризует уровень развития человека как общественного существа, степень развития его сущностных сил. Выступая в противоречивом единстве процесса и результата, взятых в их неразрывности, диалектическом тождестве, она является способом регуляции, воспроизведения и развития всей общественной жизни. Культура – это как бы качественная характеристика общества на каждом этапе развития.

Это что касается понятия культуры в целом, в широком смысле. Культуру в узком смысле слова или духовную культуру можно рассматривать как процесс активной творческой деятельности, в ходе которой создаются, распределяются и потребляются духовные ценности, а также развивающуюся совокупность самих этих ценностей, общий уровень интеллектуального, нравственного, эстетического развития людей. Говоря по-другому, духовная культура – это обусловленная в конечном счете характером материального производства, общественными отношениями система способов и результатов реализации творческих потенций человека в духовной деятельности. Она всегда выступает в единстве различных форм общественного сознания и практической деятельности, направленных на материальное и духовное воплощение идей, взглядов, ценностных ориентаций и т.д.

Культура играет огромную роль в жизни общества, оказывая на него всестороннее гуманизирующее, облагораживающее воздействие. Как отмечают исследователи, «культура как нормативная система, во-первых, информирует о том, на что можно надеяться, как себя вести, чтобы быть одобренным другими, и о том, что будет сочтено нежелательным; во-вторых, она побуждает, мотивирует человека к поведению, одобряемому в данной общности; в-третьих, она налагает ограничения, контролирует поведение людей, которые должны вести себя так, как считается принятым, приемлемым. Результатом формирования культуры является создание социального порядка, норм и ценностей, регулирующих повседневную жизнь, задающих направление человеческой деятельности и исключающих проявления дезорганизирующей стихии, основанной лишь на природных инстинктах. По мере использования людьми культурных элементов и комплексов возникает такое состояние, когда, помимо воли людей, культура начинает управлять их действиями, активно влиять на их поведение, участвовать в становлении упорядоченных социальных отношений. Так из потребностей рождаются требования, составляющие содержание социальных норм. Цель их – уберечь человеческие отношения от вырождения в «войну всех против всех» [24, с.42].

Духовная культура имеет сложную структуру, которая включает разнообразные проявления интеллекта и души человека: развивающиеся исторически мифологию, религию, философию, литературу и искусство в целом, язык и письменность, образование, просвещение, науку и формы вненаучного познания. Духовность воплощается в индивидуальном и групповом сознании; прежде всего в таких формах общественного сознания, как нравственное, художественное, правовое, религиозное, политическое, экологическое. Соответственно функционируют имеющие собственное содержание и элементную структуру культуры: нравственная, художественная, правовая, религиозная, политическая, экологическая и т.п.

Культура представляет собой исключительно многогранное явление. Она воплощается в самых различных сферах общественной и повседневной

жизни человека. Говорят о политической и управленческой, организационной технологической, письменной и устной культуре; о культуре быта, человеческого общения и поведения; о культуре мышления, любви, речи и диалога, одежды и т. д. Культура – это своего рода призма, сквозь которую преломляется и высвечивается все сущее для нас. Сам человек тоже есть феномен культуры.

А что такое политика? В буквальном переводе с древнегреческого языка данный термин означает искусство управления государством. Существует множество подходов к определению политики. С позиций левых сил, политика – это сфера, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, деятельность, направленная на защиту социальных интересов, сохранение и укрепление государственной власти тех или иных общественных групп или на создание благоприятных условий для их борьбы за власть государства. Это идейное направление и методы действий политических партий и государственной власти внутри страны и в отношениях с другими государствами. Иначе говоря, в сфере политики происходят столкновение и интеграция интересов различных социальных групп и общностей, принимаются решения по важнейшим аспектам внутренней и внешней деятельности, вырабатываются цели и установки для последующего развития общества, согласуются национальные интересы государств с определенными странами и мировым сообществом в целом.

В современной политологии политика иногда рассматривается как управление государственными делами со стороны правительства и других властных структур. Это характерно прежде всего для политологических школ США и Франции. Нередки определения политики, акцентирующие внимание на политическом поведении индивидов и социальных групп, участвующих в борьбе за власть и ее распределение. Это объясняется влиянием бихевиористских методик, широко используемых в западной политологии.

Определенное распространение имеют так называемые «конфликтные» трактовки политики, когда политическая жизнь представляется ареной

столкновения и борьбы различных групп, имеющих свои специфические интересы. Цель политической деятельности видится в урегулировании этих конфликтов и обеспечении определенного паритета между соперничающими группировками.

Даже небольшой перечень подходов к определению рассматриваемого феномена показывает, что политика – явление многогранное. Совершенно очевидно, что каждый из подходов отражает какую-либо одну из сторон политики. В этой связи можно выделить два основных момента, которые не противоречат всем трактовкам. Это то, что политика есть деятельность в сфере отношений между индивидами, социальными группами, общественными институтами и государствами, отстаивающими свои интересы, и что ее ядром является борьба за обладание политической властью.

Своеобразие политики в системе общественных связей определяется тем, что она призвана быть способом урегулирования с помощью государственной власти экономических, социальных и духовных отношений. Она может выступать и целью, и средством деятельности. При этом исторический опыт свидетельствует, что эффективной политика может быть лишь тогда, когда отказывается в равной мере как от абсолютизации интересов одной какой-либо социальной группы, так и от провозглашения некоего абстрактного «всеобщего» интереса и ориентируется на изучении и строгий учет разнообразных интересов, и их осуществления на основе консенсуса и принципов социальной справедливости.

Будучи средоточием социального начала, политика, играет структурообразующую роль в обществе. Общество по своей социальной природе является своего рода материей, которой политическая деятельность придает форму. В сфере политики концентрируются и осмысливаются все важнейшие социальные проблемы, как уже отмечалось, принимаются принципиальные решения и программы социальной жизнедеятельности в соответствии с интересами тех или иных социальных групп, этносов и т.д. Таким образом, политика – это отношение между социальными субъектами по

поводу власти и управления.

Сущность политики наиболее четко проявляется через её функции, а именно: формирования политического властвования, целеполагания, мобилизационную, организационную и объединительную.

Политические отношения, в зависимости от характера взаимодействия сторон, бывают двух видов – отношения сотрудничества и отношения борьбы. Политическое сотрудничество представляет собой конструктивное взаимодействие политических сил, преследующих полностью или частично совпадающие цели. Политическая борьба – это конфликтное взаимодействие политических сил, преследующих противоположные или расходящиеся цели. Эти два типа политических отношений редко существуют в «чистом» виде и чаще всего переплетаются друг с другом.

Субъектно-объектные политические отношения могут быть на двух уровнях: координационном и субординационном. На уровне координационных связей субъект выступает в качестве равнодействующей инициативной силы; и его возможности и способности влиять на объект встречают обратное действие последнего. Обратное действие объекта оказывает влияние на содержание деятельности субъекта, заставляет его учитывать это в политических действиях. На этом уровне содержание взаимодействия сторон подвижно, поэтому они могут меняться местами, чего нельзя сказать о субординационном уровне, построенном на иерархическом принципе взаимосвязи между ними.

В современных условиях, когда на передний план выходят общечеловеческие ценности, изменилось соотношение политики и морали. Идея о насилии в качестве «повивальной бабки истории» исчерпала себя, равно как и идея диктатуры, непосредственно опирающейся на насилие. Мораль выступает как критерий оценки политической деятельности, а политика руководствуется общечеловеческими моральными нормами. Взаимосвязь морали и политики выступает в виде диалектики политических целей и средств. Таким образом, политика и мораль должны быть неразрывно слиты, по крайней мере, тесно связаны. Более подробно взаимодействие политики и морали мы

будем рассматривать в пятом разделе.

Политика не может существовать без идеологии, которая, как и сама политика, социально обусловлена и выражает в теоретической форме определенные общественные интересы, формирует цели и программы деятельности тех или иных социальных сил. Любая политическая программа есть перенос в плоскость реальной практической деятельности идеологических концепций и социально-политических интересов тех или иных общественных групп. А вытекающие из политических программ действия относятся к сфере преобразования социальных отношений посредством различных политических форм и методов, присущих данному политическому субъекту.

Проблема взаимосвязи политики и идеологии не исчерпывается рассмотренным аспектом. Идеология легитимирует, оправдывает политическую власть, обосновывает её действия, апеллируя чаще всего ко всеобщему интересу. Поэтому борьба за власть неизбежно выливается в борьбу идеологий. При этом сама власть может полностью сливаться с идеологией, которую она поддерживает и на которую опирается.

Идеология служит инструментом политики, о чём свидетельствует формирование общественных позиций, содействующих реализации политических целей через распространение содержания и усиление влияния той или иной идеологии.

Наконец, достижение программных целей политической идеологии позволяет в контексте социальной практики проверить идеологическую концепцию на истинность её положений.

Всё вышеизложенное позволяет делать вывод о том, что понятие «политическое» подразумевает принадлежность к политической жизни общества. Политическое существует, воспроизводится, возникает в особой сфере жизнедеятельности людей – политической, хотя может присутствовать и в других сферах, если те имеют какое-либо отношение к политике.

Термин «политическое» выступает в единстве, по крайней мере, трёх своих значений: 1) это то, что является частью политической системы

общества; 2) это то, что имеет отношение к политической власти, прежде всего государственной; 3) это то, что связано с функционированием политических отношений.

На стыке политики, политического и культуры возникает феномен политической культуры. Можно сказать, что культура и политика соединяются и взаимообогащаются в политической культуре. Ибо политическая культура – это обширная сфера общей культуры, которая непосредственно связана с политикой, политической деятельностью, политическим поведением, политическим сознанием людей. Культура «включена» в мир политики своими представлениями об идеалах и нравственных эталонах политических отношений. Политика, в свою очередь, определяет содержание и направленность культурного развития общества, условия и возможности использования ее достижениями. Если политика как бы «вплетена» в культуру общества, то и политическая культура выступает ее интегральной составляющей.

Как уже отмечалось, в современной политической науке нет общепринятого понятия политической культуры. Можно выделить две основные группы базовых концепций этого явления политической жизни. К первой группе относится концепция Г. Алмонда. Под политической культурой Г. Алмонд представлял определённый образец ориентации на политические действия, отражающий особенности каждой политической системы. Позднее, в совместной работе с С. Вербой «Гражданская культура», это представление о политической культуре было уточнено. По мнению американских учёных понятие «политическая культура» указывает на специфические политические ориентации – установки в отношении политической системы и её различных частей и установки в отношении собственной роли в системе. Иными словами, политическая культура – это политическая система, интериоризованная, т.е. усвоенная и ставшая убеждениями, в знаниях, чувствах и оценках населения [3, с. 281 - 284].

Политическая культура в данном понимании – явление всецело

субъективное, связанное с сознанием и по природе своей индивидуальное. Из её состава исключены политические институты и организации, да и в целом вся совокупность объективированных элементов. Думается, что прав был Н.М. Кейзеров, критиковавший в своё время односторонность такого подхода [36, с. 65 – 66]. Понятия «политическое сознание» и «политическая культура» близки по своему содержанию, но не тождественны. Если с помощью первого раскрываются процессы отражения феномена политики в сознании людей, то с помощью второго показывается, как феномены самого политического сознания реализуются и закрепляются в образцах и нормах политической деятельности. Политическая культура предстаёт как единство социальных знаний, оценок, ориентаций людей и норм, навыков, образцов их политического поведения. Совокупное действие этих элементов политики и задаёт качественную определённую и устойчивость мышлению и деятельности её субъектов. Вместе с тем критика Н.М. Кейзерова страдала иной односторонностью. Автором, по сути, подвергался сомнению субъективный, в том числе личностный аспект политической культуры. А ведь он очевиден. Не считаясь с ним, невозможно осмыслить данный сложнейший феномен. Характерно, что первоначальным толчком к изучению политической культуры послужили опросы общественного мнения с целью выяснения индивидуального отношения граждан к политической системе в США и ряде некоторых других стран.

Тем не менее, если сводить политическую культуру лишь к субъективности, к индивидуальным позициям и ориентациям, то это лишает её накопленного народом той или иной страны опыта политического развития, а также выводит за рамки культуры собственно политическую систему как объективированную реальность.

Концепция Г. Алмонда и С. Вербы в дальнейшем получила развитие в работах С. Хантингтона, Д. Элазара, Х. Доменигера, А. Брауна и др. С их точки зрения, существует четыре уровня проявления политической культуры. Первым является уровень системы в целом. Здесь рассматриваются вопросы о знаниях и представлениях индивида об истории, конституционных характеристиках,

распределении властных ресурсов государства и политической системы. Вторым выступает уровень «процессов на входе» системы. Здесь находятся институты, организующие и направляющие поток требований от общества к государству, инициирующих преобразование этих требований во властные действия. Этот уровень включает политические партии, профсоюзы, другие группы давления, а также средства массовой информации. Третьим обозначен уровень «процессов на выходе», который охватывает деятельность бюрократии, судов и других институтов, включённых в процесс реализации властных решений. Четвёртым называется собственно индивидуальный уровень. Здесь рассматривается характер системы соотнесения личности с элементами политической структуры различного уровня.

Центральным, по мнению авторов, является вопрос о соотношении конкретной политической культуры и политических институтов для объяснения эффективности политической системы в целом. Наиболее оптимальным для демократии выступает принятие индивидами ценностей, находящихся своё непосредственное выражение в процессе функционирования системы. Кроме того, необходимо точное знание и понимание индивидами действия политической системы, а также положительное эмоциональное и оценочное к ней отношение. Отметим, что в целом для методологии концепции политической культуры присущи два познавательных момента. Один из них получил условное название сравнительного, другой – социологического. Под сравнительным использованием концепции политической культуры понимается не просто её направленность на сравнение, а рассмотрение её прежде всего в качестве самостоятельного фактора при объяснении различий в национальных политических структурах и действиях. Социологический акцент становится очевидным при изучении взаимосвязей переменных факторов внутри той или иной политической культуры. При этом предметом непосредственного анализа является уровень личности или группы, а не нации как таковой.

Вторую группу составляют исследования, которые включают в политическую культуру ещё и образцы политического поведения. Так,

американский политолог Д. Пол определяет политическую культуру как конфигурацию ценностей, лежащих в основе политики общества. У. Розенбаум понимает под политической культурой концептуальное обозначение чувств, мыслей и поведения, которые мы замечаем или выводим, наблюдая за людьми, живущими своей повседневной жизнью. Признанные образцы поведения, включает в содержание политической культуры и Р. Такер.

В российской и белорусской политической науке проблемы политической культуры начали изучаться сравнительно недавно. Как и в западной литературе, одни исследователи – Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин – ограничивают политическую культуру сферой политического сознания, не включая в её содержание образцы политического поведения. Другие – Е.М. Бабосов, Э.Я. Баталов, Е.А. Егоров, Н.М. Кейзеров – наоборот, включают образцы политического поведения в содержание политической культуры.

По мнению Э.Я. Баталова, политическая культура – это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности [9, с.25]. Это уже иной подход. В его основе – понимание политической культуры как субъективно-объективного феномена, как способа духовно-практической деятельности и отношений в сфере политики. На первый взгляд, такой подход абстрактен; он прямо не фиксирует личностный аспект культуры, чем отличаются определения Г. Алмонда, Г. Пауэлла и др. Однако в данном случае можно говорить о разумной абстракции методологического характера, позволяющей охватить наиболее существенные признаки исследуемой категории.

Деятельность людей в политической сфере всегда представлена системой политических идей, способов и норм поведения, а также специфическими учреждениями. Они есть результат исторического опыта, в них закрепляются память и навыки деятельности отдельных людей и

социальных групп по регулированию своих отношений в рамках политически организованного сообщества. Совокупность стереотипов политического сознания и поведения, присущих социальным субъектам и обществу в целом, и составляют политическую культуру, т.е. политическая культура есть исторически сложившиеся, относительно устойчивые политические представления, убеждения и ориентации, а также обусловленные ими модели и нормы политического поведения, проявляющиеся в действиях субъектов политических отношений. Именно постоянный процесс взаимовлияния политического сознания и поведения образует такую подвижную структуру, как политическая культура.

Поведенческий элемент в структуре политической культуры предполагает осознанное участие граждан в выборах, референдумах и плебисцитах, членство в политических партиях и движениях. На политическое поведение людей непосредственное воздействие оказывают не только личные взгляды и убеждения, политические симпатии и антипатии, но и зачастую подсознательные стереотипы и привычки, вырабатываемые под влиянием социальной среды и передаваемые из поколения в поколение.

На основании обобщения имеющихся подходов мы можем рассматривать политическую культуру как сложный феномен. В его основе лежат и ценности, и нормативные представления о власти, и модели политического устройства общества, рождающие в его сознании определённые ориентиры в политической жизни, и цели политической деятельности, которые затем трансформируются в знания о средствах, способах и навыках, необходимых для достижения этих целей в рамках определённых видов политической деятельности. Политическая культура – не механическая совокупность тех или иных ценностей, установок, ориентации, моделей поведения в отношении политических объектов. При определении политической культуры важно учитывать, как эти ценности, установки, ориентации, модели распространены в тех или иных политических структурах и какое влияние они оказывают на социально-политические процессы. Это

специфический способ и образ действия, что, прежде всего, отражает суть понятия культуры вообще и политической культуры в частности.

Специфической чертой отдельных подходов к исследованию политической культуры являются поиск основ политической жизни, вычленение смысловых аспектов политики. При этом используется широкий выбор приёмов анализа – начиная от разнообразных описаний и анализа фрагментов национальной истории до изучения образцов популярной культуры.

Основополагающими для некоторых исследований политической культуры являются индуктивные методы и идеи социальной антропологии. Здесь, как известно, символ трактуется в качестве ключевого элемента понимания культуры и, соответственно, природы и проявлений человеческого поведения. Так, американский исследователь К. Гирц определяет культуру как совокупность значений, воплощённых в символических формах, включая действия, высказывания и значащие объекты разного рода. Посредством этих форм индивиды общаются друг с другом, обмениваясь опытом, разделяя представления и верования. Основной задачей анализа культуры становится объяснение значений, интерпретационная экспликация значений, воплощённых в символических формах [22, с. 24 – 26]. Подобный анализ культуры оказывается сродни интерпретации литературного текста и не предполагает исследования эмпирических закономерностей. При изучении феноменов культуры, по Гирцу, от исследователя требуется не столько внимание к классификациям, количественным характеристикам, поиску функциональных взаимосвязей, сколько чувствительность к выявлению значений, отделению неясностей от смыслов, умение проникать в суть того образа жизни, который полон смыслов и значений для живущих им.

По мнению К. Гирца, предметом политической культуры должны быть не быстро меняющиеся психологические установки, а фундаментальные представления, лежащие в их основе. Другими словами, общий, интегральный смысл политической культуры состоит не только в выяснении того, например,

эффективна ли деятельность правительства. Речь должна идти о политической жизни в целом, начиная от смысла общественного бытия, общих социальных приоритетов и завершая актуальными вопросами политики.

Сторонниками К. Гирца выделяется четыре основных аспекта трактовки политической культуры. Во-первых, политическая культура рассматривается не как альтернатива рациональному поведению, а как форма рациональности как таковой — культурной рациональности. Во-вторых, формирование культуры происходит адаптивно. Люди формируют свою политическую культуру в процессе принятия решений. Постоянная актуализация и модификация отношений с властью и по поводу нее расставляет свои акценты в системе предпочтений. В-третьих, этносы в целом не являются представителями идеальных типов политических культур. Каждой нации присуща определенная комбинация их различных типов. В-четвертых, существует ограниченное число типов политических культур.

На формирование политической культуры данного общества оказывают влияние многие факторы. В их числе исторические предпосылки, уровень общей культуры страны, народа, ибо политическая культура - ее часть, она в любом случае аккумулирует в себе предшествующий опыт. Бесспорно, велико детерминирующее значение такого фактора, как социально-классовые интересы. Только не следует абсолютизировать их воздействие на культуру, что обычно делалось в марксистской литературе. Нелогичным было бы также отрицать детерминацию политической культуры географическими факторами. Геополитика – не последний элемент в стратегическом мышлении правящих кругов во всех государствах мира. Наконец, одним из существенных факторов формирования политической культуры общества является идеология.

Данные факторы составляют "атмосферу", в которой политическая культура формируется, изменяется и существует.

В качестве носителей политической культуры выступают субъекты политических отношений: прежде всего отдельные личности, социальные группы, классы, нации, общество в целом, а также институциональные

субъекты власти – государство, партии и т.п.

Таким образом, политическая культура личности формируется под воздействием политической культуры отдельных социальных общностей и общества в целом. Личность воспринимает стереотипы политического мышления, ориентации и поведения, свойственные социальной среде, в которой она находится. Вместе с тем политическая культура каждого человека характеризуется и индивидуальными чертами, в которых отражаются личностный опыт и психологические особенности. Политическая культура личности проявляется в уровне политических знаний, приверженности определенным ценностям, степени гражданской активности, в стиле поведения. Под политическим поведением понимается особая разновидность социальной активности субъектов, действия которых носят мотивированный характер и выражают реализацию ими своих политических статусов.

Характер политического поведения может варьироваться в диапазоне от деструктивно-отчужденного до инновационно-позитивного. При этом собственно культурный аспект политического поведения задаётся нормативным механизмом регуляции. Его ядром будут поведенческие стереотипы, которые в структуре традиции выступают как обычаи политической жизни. Кроме них важную регулирующую роль играют сознательно формулируемые нормы-предписания, призванные очертить идеальные модели политического поведения, как в виде прописанных правовых процедур, так и в форме собственно идеальных поведенческих схем. Вместе с тем важно помнить, что нормативная система соотносится с общественно-политическими ценностями и нуждается в ценностной легитимизации. Но поскольку сами общественно-политические ценности являются квинтэссенцией социально-приемлемых человеческих потребностей и интересов, постольку политическая нормативная система призвана также подавлять те социально-негативные стороны человеческой активности, которые несут в себе разрушительные импульсы индивидуального и коллективного

бессознательного: анархический негативизм, воинствующий максимализм, узкогрупповой эгоизм и т.д.

Политическое поведение выступает как интегральное производное вышеназванных сторон, оно ситуативно, стохастично, контекстуально, имеет личностное основание и коллективные формы выражения. Последние, собственно, и являются политическими институтами. С точки зрения институционального уровня политической культуры можно выделить следующие коллективные формы политической практики: способы управления политической системой, закрепленные в государственном строе, методы принятия политических решений и характер проведения их в жизнь, методы разрешения социально-политических конфликтов, тип электорального процесса, характер межпартийных отношений, способы лоббирования корпоративных интересов и др. Политико-культурное значение имеет и характер межинституционального взаимодействия, который выражается в иерархии прерогатив того или иного политического института при принятии наиболее важных политических решений, а также в ценностной легитимизации данной иерархии.

Политическая культура предстает как противоречивая система, в которой в динамичном отношении находятся прошлое, настоящее и прогнозируемое будущее. В этом смысле можно говорить о её своеобразии в любом обществе вне зависимости от определенного исторического этапа. Политическая культура — единая система, которая при заданных изначальных условиях дает на "выходе" те или иные результаты. Таким образом, политическая культура представляет собой динамическую модель, но эта динамика в меньшей степени проявляется на уровне всей системы и в большей мере — на уровне изменения значимости ("удельного веса") отдельных структурообразующих взаимосвязей и отношений между элементами и уровнями. В этом случае трансформация политической культуры заключается не в появлении качественно иной системы с абсолютно новыми элементами, а в переходе элементов с одного "уровня влияния" на другой. Это обеспечивает

преемственность политической истории, так как политическая культура является механизмом поддержания целостности всей политической системы. И чем сложнее и многограннее политическая культура, тем большими адаптационными ресурсами обладает политическая система.

Политическая культура относится к таким явлениям духовной жизни народа, которые оказывает существенное влияние на самые разные стороны его политической жизни и на основании которого можно судить об уровне политической зрелости общества. Поступательное развитие политической истории человеческого общества — это не только становление и развитие государств, утверждение и смена тех или иных форм их устройства, политических режимов и политических систем, но и развитие социальных субъектов политики — личности, различных социальных групп, общества в целом. В процессе этого развития у субъектов политики складывается тот или иной политический менталитет, который соответственно своему характеру оказывает воздействие на политическую жизнь, политический процесс, политическую организацию в целом, воздействие настолько сильное, что политологи считают политическую культуру составной частью политической системы общества

Хотелось бы обратить внимание на следующее: политическая культура, естественно, не единственный фактор, определяющий политическую жизнь и политическую систему общества свою роль здесь играют также социально-экономические интересы, нравственные нормы, идеология, образование, этнические факторы и другие особенности как отдельной личности, так и целых социальных групп. Однако при всем этом субъект политики лишь тогда может правильно оценить политическую жизнь и политическую систему, распорядиться характером и направленностью своего участия в них, когда овладеет основополагающими нормами политической культуры. В противном случае будут сплошные заблуждения, за которые рано или поздно придется расплачиваться. Политическая культура предоставляет возможность хорошо ориентироваться в политической ситуации, давать правильную оценку

происходящим событиям, умело определять кто есть кто, делать нужный выбор.

Воплощая ценностно-смысловую детерминацию политической активности человека, политическая культура характеризует его способность понимать специфику своих властно значимых интересов, действовать при достижении целей в соответствии с правилами политической игры, а также творчески перестраивать свою деятельность при изменении потребностей и внешних обстоятельств. Политическая культура может проявляться в форме духовных побуждений и ориентаций человека, в опредеченных формах его практической деятельности, а также в институционализированном виде, будучи закрепленной в структуре органов политического и государственного управления, их функциях. Поскольку не все ценности одновременно воплощаются практически, институционально, между вышеназванными формами проявления политической культуры всегда имеются определенные противоречия.

Как отмечает большинство исследователей, самые существенные изменения политическая культура претерпевает в так называемые переходные эпохи, в периоды революционных изменений или реформирования общества и государства, когда происходят определенные ценностные, идеологические сдвиги в массовом сознании, обусловленные резким изменением привычного образа жизни, повседневной практики. Однако при таком понимании динамики политической культуры становится невозможным прогнозирование социально-политических процессов, поскольку под воздействием новых условий каждый раз меняется политическая культура, что, в конечном счете, препятствует достижению стабильности. Напротив, учет особенностей политической культуры должен способствовать пониманию происходящих процессов. Только в этом случае можно рассчитывать на принятие оптимальных решений, которые именно в силу сложившейся определенной политической культуры могут быть реализованы на практике.

О высоком уровне политической культуры не может быть и речи без

глубокого научного подхода к оценке событий и выборе пути движения общества вперед. Особенно это важно для тех, кто стоит у руля государственного управления, кто руководит политическими партиями, организациями и движениями. Политическая культура не приемлет конъюнктурщины, забвения национально-государственных интересов ради достижения своих узко корыстных целей политическими лидерами. Пренебрежение этим со стороны последних чревато для политической культуры народа самыми негативными последствиями.

Политическому руководству следует учитывать уровень и характер политической культуры народа, чтобы проводить соответствующую политическую линию. Это, конечно, не означает, что власти должны плестись в хвосте политически малограмотных граждан своей страны. Но оно предполагает создание необходимых условий с тем, чтобы обеспечивались возможности для подъема политического сознания населения до такого уровня, при котором оно было бы способно самостоятельно разбираться в основополагающих вопросах политики. Естественно, что такие условия могут быть созданы лишь в демократическом государстве, где утвердившийся на практике принцип народовластия уже сам по себе неукоснительно требует соответствующей политической подготовки его граждан. При этом, конечно, само политическое руководство должно обладать соответствующим политическим менталитетом и соблюдать культуру властвования.

На вопрос, что главное в анализе политической культуры, правильным может быть только ответ, указывающий на её конкретного носителя. Если речь идет об индивидах и отдельных социальных группах, то главное — анализ усвоенных субъектом и ставших убеждениями ценностных, нормативных и мотивационных компонентов политической деятельности и соответствующих позиций по отношению к системе власти. В таком контексте вполне оправданно определять политическую культуру как совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан. Когда же мы говорим о культуре в связи с анализом политической системы в целом,

акцент переносится на качественное состояние образующих систему институтов власти и управления, на объяснения способов функционирования властных отношений. На первый план выдвигается культура властвования, характеризующая отношение политических институтов к членам общества

Понятие «культура властвования» отражает двуединые признаки политической системы: прежде всего совокупность объективированных в ней ценностей и основанных на них норм, определяющих характер и границы властного воздействия системы на граждан; и уровень соответствия фактического функционирования власти к нормативному должному. Первое включает, в частности, права и свободы человека, провозглашаемые и защищаемые системой, а также методы властвования, административно-управленческие и идеологические принципы государства, способы информирования граждан, методы согласования интересов и т. д. Второе выражает прежде всего характер легитимности власти: наличие или отсутствие согласованности ее нормативной базы с признанными в обществе ценностями.

Таким образом, категория политической культуры многоплановая. Она характеризует как образ поведения и деятельности индивидуальных и коллективных субъектов в сфере политики, так и способ функционирования и развития политических институтов и политической системы в целом. Эта категория фиксирует в теоретической форме исторически сложившееся политическое сознание, соответствующие ему механизмы мотивации и формы реализации политической активности членов общества, системы ценностей, норм и институтов, обеспечивающих осуществление политической власти как орудия регуляции и управления социальными процессами. Среди многочисленных определений политической культуры, существующих в современной специальной литературе, наиболее полной большинство исследователей считают определение, предложенное Э. Баталовым: «Политическую культуру можно охарактеризовать как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых и репрезентативных убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов и групп, а

также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих её основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности» [10, с. 116 – 117]. Если же давать краткое определение рассматриваемому понятию, то его можно сформулировать так: политическая культура – это совокупность политических знаний, убеждений и принципов, проявляющихся в способах и результатах политической деятельности людей.

Анализ категории политической культуры дает возможность определить ее функции. С точки зрения некоторых специалистов, они заключаются в следующем. Будучи сущностным признаком политической системы и вместе с тем выступая предпосылкой, и в определенной степени основой ее формирования, политическая культура выполняет, прежде всего, функцию интегратора всего политического опыта и механизма передачи его от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему.

Весь комплекс элементов политической культуры: представления о власти, ценности, нормы, образцы поведения, обычаи, стереотипы и другое — исторически сформировался как нормативно-регуляционная система. В этом состоит основополагающая функция культуры. А уровень ее реализации — главный критерий культурности политической жизни общества. Политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере, руководящие принципы политического поведения и деятельности.

Нормативно-регулятивная система политической культуры призвана обеспечить еще одну, не менее важную, функцию культуры — служить мотивационной базой политической деятельности субъектов всех уровней, быть средством включения членов общества в работу институтов власти и управления тем обществом, в котором они живут. Для каждого индивида политическая культура — не только знание быстротекущей политической жизни и не только

раз и навсегда усвоенные нормы отношения к структурам власти и поведения в политическом пространстве. Это еще в большей мере способность выбора для себя мотивов, ориентиров и форм участия или же непосредственной деятельности в институтах власти и управления общественными делами. Это также овладение навыками коллективной деятельности в сфере властвования и руководства обществом. Это, наконец, формирование самодисциплины, предполагающей добровольное следование общественным интересам, целям, реализуемым в политической деятельности. Высокая политическая культура — такая система ценностей, которая предписывает необходимость действовать на благо общества.

Некоторые исследователи выделяют интеграционную функцию политической культуры. Она состоит в мобилизации определенных кругов общественности вокруг политических ценностей и ориентаций, отражающих политические интересы больших социальных групп и признаваемых в качестве официальных норм и правил. Среди политических ценностей, которые играют важную роль в осуществлении интеграционной функции, можно выделить: во-первых, всеобщие ценности; во-вторых, такие, которые иерархично ставятся на первое место; в-третьих, нормы доминирующих социальных групп, которые проявляются через данную политическую систему даже в том случае, если они не поддержаны всеми общественными группами. Вместе с тем важно отметить, что в каждом обществе всегда проявляются различия интересов составляющих его групп. Поэтому полностью интеграционная функция культуры не может быть реализована [33, с. 97 - 98].

Поскольку политическая культура представляет собою реализацию политических знаний, образцов поведения социального субъекта, его ценностных ориентаций, то очевидна её воспитательная функция. Под ценностными ориентациями понимаются воспринятые человеком ценности, являющиеся целями его политических действий и основных средств их достижения; тем самым они приобретают функцию важнейшего регулятора индивидуального политического поведения. Как отражение фундаментальных интересов,

политических, мировоззренческих и нравственных убеждений человека, ценностные ориентации человека проявляют субъективные политические позиции людей, их понимание мира политики. Понятно, что каждый, кто включается в систему культуры, формирует в себе, или в нем формируют, соответствующие знания, ориентации, способности адаптироваться к установленным образцам и другим реалиям цивилизованного политического бытия. Политическая культура — это не свод правил, который можно выучить, раз в жизни и на все времена, а процесс постоянного познания, осмысления новых фактов и явлений и главное – следование этим правилам в своей практической деятельности.

Иначе говоря, воспитательная функция заложена в самой природе политической культуры и отражает её гуманистическую направленность. Человек, овладевая прошлым политическим опытом, современными знаниями в процессе мышления и практической деятельности, вырабатывает умения и навыки их рационального использования, которые постоянно совершенствует в общении с другими людьми. Тем самым он воспитывает себя как субъекта политики и оказывает влияние на воспитание других.

Коль скоро политическая культура есть способ существования политической системы, её функциональная характеристика, то и все описанные функции синтезируются в реализации ее защитительной и адаптационной ролей. В самом деле, каждый из элементов политической культуры нацелен на обеспечение функционирования властных институтов и управления системой в интересах господствующих классов, социальных групп или большинства населения. Каждая из ценностей и норм служит цели интеграции группы или общества в целом на базе данной политической системы. Весь комплекс ценностей, норм и институтов призван служить средством разрешения противоречий между общими и частными интересами и средством согласования этих интересов.

Политическая культура не только предохраняет данную систему от разрушения, но придает ей динамизм, насыщая систему механизмами

адаптации к изменяющимся социально-экономическим и иным условиям существования. Тот факт, что политические системы в развитых, цивилизованных странах не распались, как неоднократно прогнозировали приверженцы догматизированного марксизма, а постоянно совершенствовались и в настоящее время демонстрируют свою завидную стабильность, свидетельствует о высоком уровне политической культуры, сложившемся в недрах данного общества. И, наоборот, нестабильность политических режимов в развивающихся странах — очевидное доказательство низкой политической культуры, главным образом демократической, в этих обществах.

Такова одна из точек зрения по рассматриваемому вопросу.

Другие исследователи выделяют иные функции политической культуры:

1) идентификации – политическая культура закрепляет у человека сознание его принадлежности к обществу, стране или определенной социальной группе, помогает определить возможные средства и способы личных, групповых и общественных интересов через институты и механизмы политики;

2) ориентации – обеспечивает осмысленное восприятие человеком политических явлений, помогает ему лучше понять свое место и возможности в сфере политики, успешнее реализовать свои права и интересы в рамках конкретной политической системы;

3) адаптации (приспособления) – позволяет человеку приспособиться к изменяющейся политической обстановке, к новым возможностям, к тем или иным ограничениям в политической деятельности;

4) социализации – именно в процессе усвоения политической культуры своего общества человек овладевает навыками и средствами, позволяющими отстаивать свои интересы в политике (технологии проведения выборов и принятия политических решений, разнообразные способы давления на власть, навыки политического анализа, участия в голосовании и др.). Иными словами, осваивая господствующую в данном обществе политическую культуру, человек включается в многогранный и динамичный процесс властных отношений,

совершает акт воспроизводства себя как политико-культурного существа;

5) стабилизации политической жизни – именно политическая культура способствует формированию у членов общества позитивного отношения к существующей политической системе и ее институтам;

6) коммуникации – обеспечивает взаимодействие институтов власти и других субъектов политики (партий, движений, социальных слоев и групп) на основе принятия ими общих ценностей и «правил игры» в политике, а также за счёт использования общих понятий и символов;

7) обновления политической системы и политической жизни общества: сформировавшиеся и утвердившиеся в рамках политической культуры новые идеи об изменении политического устройства общества приводят к созданию новых политических институтов, процедур и механизмов (например, идеи конституционного ограничения полномочий монарха, разделения властей, всеобщего избирательного права и др.);

8) обеспечения преемственности в политическом устройстве и в политической жизни: политическая культура добивается этого, соединяя новые идеи с прежним политическим опытом.

Существуют и другие типологии функций политической культуры. Все они по-своему самодостаточны и вместе с тем в какой-то мере дополняют друг друга. Однако в учебных целях чаще всего выделяются такие функции, как познавательная, регулирующая, прогностическая, информационная и воспитательная.

Подводя итоги изложенному, следует сказать, что политическая культура – материя тонкая, изменчивая, чутко реагирующая на малейшие перемены в социуме. В ней слиты воедино принятые официально в обществе политические принципы, нормы, правила и существующие неофициальные установки, тенденции и обычаи, которые в значительной мере определяют политическое поведение, например электората. Помимо этого в ней присутствуют, взаимодействуя, общественно-политический опыт, настоящее и прошлое, национальное и региональное, личностное и групповое, определяя

политическое поведение субъектов политической культуры.

Таким образом, политическая культура – это совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни общества, нации, социальной группы, индивидов. Особенность политической культуры заключается в том, что она не просто составляет политику или политический процесс, но их осознание и объяснение: в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры, предпринятые государством, но и то, как они оцениваются и воспринимаются людьми. Политическую культуру можно рассматривать в качестве посредника между областями социальных отношений, культурными нормами и политическими процессами.

2. СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политическая культура – явление со сложной структурой, многоуровневое. Эта сложность определяется её многообразными связями с различными социальными и политическими процессами. Разнообразные внутренние подсистемы политической культуры отображают формирование поведения субъектов политики, этапы становления культурного целого, наличие множества различных культурных образований и т.д. Это значит, одни элементы отражают технологию формирования политического поведения субъектов, другие — этапы становления политической культуры в конкретной стране, третьи — те ценности, которыми руководствуются элиты и группы электората, этносы, жители отдельных регионов.

Самоидентификация и ориентация человека в политике основаны на использовании всех его личностных, антропологических характеристик. В этом смысле в политической культуре заложены рациональные и иррациональные компоненты. Если рациональные предполагают, что человек действует в соответствии со своими интересами, статусом, разумно соотносит цели и средства их достижения, то наличие неосознанных компонентов ориентации человека в политической сфере связано с его эмоционально-чувственным восприятием мира, некритическими архетипами мышления, воспроизводством предрассудков, предубеждений и т.д. Присутствие в сознании иррационального, задающего собственную, нередко искаженную логику поведения людей, сильно затрудняет объяснение процессов формирования и функционирования политической культуры.

Дополнительную сложность и противоречивость формированию и развитию политической культуры придает тот фактор, что отношение к конкретным политическим событиям изменяется, как правило, значительно быстрее, нежели мировоззренческие принципы, в силу чего восприятие новых целей и

ценностей, переосмысление истории и т.д. осуществляются крайне неравномерно. Отсюда большой разброс мнений по вопросу количества компонентов политической культуры. Авторы первой концепции политической культуры Г. Алмонд и С. Верба в качестве основных компонентов выделили три уровня политических ориентации. Познавательные ориентации включают знания и мнения субъекта о политической системе, ее ролях и носителях этих ролей, о ее "входах" и "выходах". Аффективные (эмоциональные) ориентации отражают чувства, испытываемые субъектом по отношению к политической системе, к ее роли и государственным служащим. Оценочные ориентации содержат суждения и мнения относительно политических объектов.

Сторонник более широкой трактовки политической культуры У. Розенбаум считал необходимым вычленять "компоненты ядра", т. е. те элементы, которые играют главенствующую роль в формировании политической культуры общества. Эти компоненты он разделил на три основные группы: 1) "ориентации в отношении правительственных структур" – отношение субъекта к политическому режиму, его символам, официальным лицам и нормам; 2) "политические идентификации", т. е. сопричастность индивида к "политическим единицам" – нациям, государству, городу; политическое доверие и "правила игры" (представления индивида о том, каким принципам он должен следовать в гражданской жизни); 3) "политические ориентации в отношении собственной политической деятельности" или "политическая компетентность" (участие индивида в жизни гражданского общества) и "политическая эффективность" (ощущение возможности оказать влияние на политический процесс) [9, с.27 – 28].

Российский политолог Э.Я.Баталов вычленяет четыре основные группы политических ориентации в структуре американской политической культуры. В первую группу он включает отношения неинституционального субъекта политического процесса к институциональному объекту (политической системе общества, его институтам: государству, партиям и т.д.). Вслед за Г.Алмондом и С. Вербой, политические ориентации неинституционального субъекта

подразделяются Э.Я. Баталовым на три вида: когнитивные (познавательные), эмоциональные (аффективные) и оценочные.

Во вторую группу Э.Я. Баталов включает отношения неинституционального субъекта политического процесса к самому себе. Эти отношения фиксируют индивидуальное и групповое политическое самосознание, а также отношение одного неинституционального субъекта к другим. Выделяются модели политической самоидентификации (соотнесение индивида с существующими в обществе реалиями и институтами). Так, для американцев характерна отчетливо выраженная центристская ориентация, четкая партийная приверженность. Политическое самосознание включает и представления субъекта о собственных политических возможностях – оказание влияния на решения правительства. Американская политическая культура характеризуется относительно высоким уровнем представлений американцев о своих политических возможностях.

В третью группу по Э.Я. Баталову входят отношения между институтами политической системы. Сюда входят более или менее устойчивые модели подготовки, принятия и осуществления политических решений, принципы регулирования отношений между государственными учреждениями и партиями. Анализ взаимоотношений институтов политической системы позволяет зафиксировать действующие в обществе правила политической игры на институциональном уровне.

Четвертую группу составляют отношения институционального субъекта к неинституциональному субъекту, т.е. политических институтов и организаций к социальным группам и слоям [9, с. 30 – 37].

По мысли некоторых исследователей, содержание политической культуры, вернее, ее структуру образуют четыре элемента:

1. Общезначимые политические знания, которые складываются из теоретических, т.е. научных сведений, и практических знаний, получаемых на основе текущей информации. Без теоретических знаний текущая информация не способна дать правдивую картину политической жизни, политических

процессов и событий. Но одни лишь теоретические знания без текущей информации мертвы. Текущая информация дает возможность правильно ориентироваться в переживаемой конкретной обстановке, принимать решения с учетом специфических задач времени.

2. Культура политического мышления — умения правильно ориентироваться в различных ситуациях, акцентировать внимание на главном в политической жизни, способность анализировать и систематизировать политические явления, давать правильную оценку политическим событиям и принимать в соответствии с нею те или иные решения.

3. Культура политических чувств — выдержка, хладнокровие, настойчивость, энергичность, сострадание, радость или наоборот — злоба, неприятие, жестокость, грубость, т.е. те качества, которые служат одним из главных механизмов регулирования политического поведения людей.

4. Культура политической деятельности, которая складывается под влиянием политических традиций в обществе, уровня политического сознания, культуры политического мышления и чувств.

Таким образом, культура политического поведения и деятельности выступает как следствие, как конечный результат проявления политической культуры, обусловленный долговременными политическими порядками в обществе и особенностями воплощения её в индивиде, социальной группе, субъектах политической жизни.

Политическая культура – неоднозначное явление. В структуре ее ценностных отношений можно выделить общекультурный аспект. Например, отношение к насилию и свободе, к индивидуальным и общественным ценностям, к светскому или религиозному сознанию, признанию либо неприятию идеологии и т.п. Далее можно вычленить аспект политической культуры, характеризующий отношение к государственной власти как публичному центру господства и подчинения. Например, признание приоритета государства над личностью, либо наоборот — признание приоритета прав личности над правами государства. С этим связано и другое — отношение к

пределам власти, к своим гражданским правам и обязанностям. Наконец, можно вести речь об аспекте политической культуры, раскрывающем отношение человека к разного рода политическим явлениям, к примеру, таким, как уже отмечалось, государство, политические партии, движения, общественные организации и т.д.

Политическая культура имеет несколько уровней. Выделяют политическую культуру всего общества, политическую культуру определенного социального слоя (группы) и политическую культуру отдельной личности.

Помимо этого, политическая культура, по мысли отдельных специалистов, может также подразделяться на следующие уровни:

1) мировоззренческий - к нему относятся представления общества, группы и отдельного человека о политике и политической картине мира, а также нормы, ценности, символы, установки и ориентиры, которыми руководствуются участники политической жизни. Мировоззренческий уровень является как бы цементирующим элементом политической культуры.

2) гражданский – включает в себя те мотивы, по которым люди идут в политику, навыки, средства и способы, с помощью которых граждане добиваются политических целей.

3) собственно политический уровень - его образуют позиции субъектов политики по конкретным вопросам, а именно их отношение к существующей политической системе и политическому режиму, к используемым властью средствам осуществления политики, к своим сторонникам и противникам.

Итак, структура политической культуры – весьма сложное образование. Исследователи выделяют в ней прежде всего субъект и объект. Так, субъектом политической культуры может выступать как индивид с его установками, ценностями, предпочтениями, так и малая или большая социальная группа, этнос, общество, регион, государство. При рассмотрении политической культуры по форме проявления на различных социальных уровнях, как мы уже отмечали, можно выделить политическую культуру общества, класса, слоя и

личности.

Политико-культурные характеристики каждой из названных социальных общностей складываются из анализа их политического поведения на выборах, референдумах, при опросах общественного мнения, из отношения к политическим институтам, из политического опыта, особенностей менталитета, политических ценностных ориентаций и готовности двигаться к лучшим образцам политического поведения. По мере движения от частного к общему индивидуальные особенности делаются все менее заметными, в то время как общие и общечеловеческие черты политической культуры проявляются отчетливей. Например, для политической культуры отдельной личности важна работа самой личности по извлечению политической информации. Для общества или социальной группы на первый план выходит уже система политической информированности и просвещения. Естественно, что применительно к различным социальным группам роль этого фактора будет различной. Одно дело – интеллигенция, которая сама активно участвует в политической жизни, что подразумевает определенный уровень политической информированности. Другое дело – такие социальные группы, как рабочие, крестьяне, которые не всегда имеют возможность доступа к политическим знаниям, и поэтому (а также по другим причинам) нередко относятся к политике, политической жизни негативно.

Для выяснения специфики каждого из указанных уровней необходимо исходить из диалектики общего, особенного и единичного. Однако существует точка зрения, что этот подход раскрывает только специфику общественного сознания субъектов политической культуры, тогда как переход к ее проблематике начинается с вопроса о включении индивида в политическую жизнь, политическую деятельность. Содержание политической культуры определяется политическим сознанием, а инструментальность – наличными политическими институтами как организационными, так и процедурными, в рамках которых и с использованием которых осуществляется политическая деятельность. Следовательно, политическая культура представляет собой

единство двух подсистем - содержательной и инструментальной. При этом инструментальная система при научном анализе изучается и оценивается с точки зрения ее способности удовлетворять политические потребности, содействовать духовному развитию человека, т.е. с точки зрения ее гуманистичности. Такой подход обуславливается тем, что вся культура представляет собой, с одной стороны, систему потребностей, а с другой – систему средств по их удовлетворению, определяющих универсальный способ деятельности человека по освоению мира и выявлению своих сущностных сил.

Не менее важен для понимания сущности политической культуры ответ на вопрос об ее объекте, на который направлены установки, ориентации и убеждения субъекта. Таким объектом могут служить сама политическая система и определенные ее компоненты: политический режим, политические институты, политические организации и партии. «Вокруг» этих объектов складываются и культура в целом и отдельные субкультуры, которые отражают неоднородность политической культуры в рамках не только одного региона, но и государственно- организованной национальной общности.

Если термин "политическая культура" применяется для характеристики политического потенциала общества, то соответствующие социальные изменения рассматриваются в рамках политической практики ее субъектов, политических отношений между ними, а также в соответствующих сферах общественного сознания. Политическая культура общества как динамическая система может изучаться как по суммарным показаниям уровней политических культур его членов – граждан, социальных групп и слоев, так и по показателям, характеризующим общество как единый социальный организм.

К различным видам политической культуры относятся: правовая культура, культура политического управления и политической деятельности, культура политического мышления и пр. Разрыв в развитии видов, компонентов политической культуры, если он не преодолевается, может привести к ее деформации, негативно сказываться на политическом сознании граждан, на системе управления социальными процессами. Поэтому

необходимо преодолевать противоречия между новым и старым в политической культуре, стремиться к ее исторически более зрелому, целостному виду.

Из названных видов культуры особо хотелось бы выделить правовую культуру. Правовая культура – это реализация правовых знаний и ориентаций, образцов поведения субъекта (общества, социальной группы, личности) в исторически определенной системе правовых отношений в процессе правовой деятельности. Она включает в себя зафиксированный в законах и обычаях правовой опыт социальных общностей, уровень их правовых представлений, способность дать правильную оценку политико-юридическим явлениям общественной жизни и занять соответствующую позицию, выраженную в конкретном варианте правового поведения. Подробнее об этом мы будем вести речь в шестом разделе.

В состав политической культуры включается вся совокупность как индивидуальных, так и коллективно-групповых ценностных ориентаций и образцов поведения участников политического процесса. Культура не сводится к индивидуальным свойствам. Ее характеризует не единичное, а массовое и типичное для данной социальной группы или общности.

Понимание политической культуры как специфического качества социального субъекта тесно связано с основным ее признаком. Она выступает как способ политической деятельности. Этим признаком охватываются все компоненты политической культуры: реализация политических знаний, ценностей, образцов поведения, опыт, зафиксированный в нормах, способности людей к политическому действию и т. п.

В процессе деятельности политическая культура субъекта выступает в форме исторически культурной творческой способности и в виде объективированных культурных ценностей, т. е. признанных обществом и существующих как реальность. Таким образом, состояние политической культуры и ее структура характеризуются, с одной стороны, совокупностью культурно-психологических, идейно-теоретических и поведенческих явлений в по-

литических действиях; с другой – объективированными результатами деятельности: ценностями, нормами, политическими институтами, включая интегрированный прошлый опыт, на которые ориентированы члены данного общества [55, с. 28].

Как уже отчасти отмечалось, политическая культура отдельных политических субъектов складывается из таких компонентов, как знания и ориентации в отношении политики и различных ветвей власти; характер отношений к другим политическим субъектам; политическая самоидентификация, т. е. отождествление себя с определенным политическим сообществом и др. Степень массового проявления каждого из компонентов влияет на состояние политической системы. Так, согласно данным Г. Алмонда и С. Вербы, слишком сильная приверженность граждан определенным политическим партиям и группам может привести к дестабилизации системы. Они полагают: чтобы граждане могли хоть в какой-то степени контролировать политические элиты, их преданность по отношению к этим элитам не должна быть абсолютно безусловной [3, с. 280 – 281].

Если говорить о культуре функционирования политических институтов, то следует отметить иные компоненты. В частности, культуру принятия политических решений, культуру электорального политического процесса, культуру восприятия и регулирования политических конфликтов, характер взаимодействия между политическими институтами, уровень их идеологизированности, политическую фразеологию и т. д. Скажем, западным демократическим институтам свойственна невысокая идеологизированность, пропитанность расплывчатыми и всеобъемлющими ценностями, значительный уровень толерантности по отношению к оппозиции, ориентация на состязательность в политическом процессе и т.п.

Проанализировав разработки специалистов в области политической культуры, можно выделить и иную компоновку её структурных элементов: прежде всего, познавательный, нравственно-оценочный, поведенческий компоненты и, наконец, ценностные отношения.

Познавательный элемент предполагает знание и понимание гражданами политических интересов — социально-групповых, государственных, общественных, региональных, глобальных; конституции и законов страны, программных положений основных политических партий и других общественно-политических сил; сложившихся в стране политических отношений, происходящих политических событий и явлений. В познавательный компонент входит знание сущности, функций и структуры главных государственных, партийных и общественных органов и организаций, основных политических норм и процедур; форм и способов участия граждан в общественно-политической жизни, в социальном управлении; основных политических процессов международной жизни.

Стереотипы политического сознания могут носить характер теоретических обобщений либо существовать в форме обыденных представлений. Во всех случаях источниками их формирования выступают как правдивая информация, так и непроверенные факты, слухи и дезинформация. Однако независимо от того, являются ли сложившиеся политические представления правдивыми или ложными, соответствующий носитель политической культуры руководствуется ими в своей деятельности как истинными. Устойчивые политические представления существенным образом влияют на развитие политического процесса. Они являются необходимой предпосылкой его определенности, последовательности и предсказуемости.

Таким образом, политическое сознание является важным элементом политической культуры, функционирующим и самовоспроизводящимся в определённой политико-культурной среде; его не следует отождествлять с политической культурой, что иногда встречается в научных публикациях. Между этими категориями и отражаемой ими реальностью существуют значительные различия. Понятие «политическая культура» значительно шире политического сознания, так как первая вбирает в себя не только политические знания и идеи, но и социально-политическую практику, весь спектр

политической жизни общества.

Важными характеристиками политической культуры выступают политические чувства, ценности, идеалы т. е. нравственно-оценочный элемент. Особое значение имеют оценочные суждения человека, выражающие его индивидуально-личностное отношение к явлениям политики и власти. В качестве составных элементов политическая культура включает в себя сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи и убеждения о взаимоотношениях между различными политическими институтами. Она включает определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства. Эти компоненты, обусловленные социальными, историческими и другими долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов общественного бытия.

Иными словами, эмоциональные чувства, психологические переживания составляют неотъемлемую сторону политического сознания и поведения. Сопровождая практически любые проявления социальной активности субъекта и направляя ее на достижение жизненно значимых целей, эмоции и чувства выступают одним из главных элементов механизма регулирования политических отношений. Развитая политическая культура предполагает формирование у ее носителей устойчивых стереотипов в области эмоций, чувств, переживаний. Отсюда политическую культуру можно охарактеризовать как ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества.

Важным элементом нормативно-оценочной составляющей политической культуры является такой её компонент, как политическая символика. Символ представляет собой концентрированное выражение основной идеи какого-либо явления или понятия. Это эмоционально насыщенный знак – образ, имеющий

зачастую бессознательное субстанциональное происхождение. Для того, чтобы постичь заложенную в символе идею, требуется активная работа ума воспринимающего субъекта. Символ одновременно является специфическим средством общения между людьми. Не случайно в энциклопедии Britannica символ определяется как «элемент коммуникации, который представляет или заменяет лицо, объект, группу, процесс или идею» [107, с. 100 –101].

Таким образом, под политическим символом следует понимать некий образ-знак, выражающий определённую идею, вещь, человека, отношение, политическую систему, страну, который наделен по своей природе конкретным смыслом, присущим только ему одному, и обладает свойственной данному символу художественной или другим образом выраженной структурой, которая знакома всем членам общества. К политической символике относятся следующие группы символов: национально-государственная символика (флаг, герб, гимн), политические ритуально-процессуальные церемонии (празднование исторических событий, проведение партийных съездов, демонстрации), скульптурно-архитектурная символика (правительственные здания, площади), знаки отличия и различия (ордена, медали, погоны), политическая топонимика (названия улиц, городов), наглядно-агитационная символика, политико-музыкальная символика и др. [8, с. 100 – 101].

В политической символике выражается смысловая идеологическая природа политической власти. Знаково-символический комплекс как бы создаёт ось координат для ориентации индивида в сложном мире политики. На поведение людей часто гораздо более сильное влияние могут оказать не столько сами действия правительства, политических партий и их лидеров, сколько господствующая в обществе система символики, ориентирующая людей на конкретный тип социальных отношений. Отличительной особенностью политической символики является её воздействие не только на разум, но и на чувства людей.

Структура политической культуры включает и поведенческий элемент, который предполагает осознанное участие граждан в обсуждении проектов

государственных документов, в референдумах и плебисцитах; в выборах субъектов законодательной, исполнительной и судебной власти; в работе государственных органов и организаций; в других конкретных видах общественно-политической деятельности, а также членство в политических партиях, организациях и движениях.

Поведенческий компонент политической культуры составляют политические установки и соответствующие стереотипы поведения, которые способствуют переводу представлений и ценностей в плоскость практической реализации. Политическая установка — это отношение субъекта к политическим явлениям, а политическое поведение — это тот или иной способ реагирования субъекта на происходящие события. Политическая установка и политическое поведение существуют в органическом единстве, их устойчивые стереотипы составляют непреходящий компонент политической культуры личности, социальной группы, нации или общества в целом.

Наконец, в структуре ценностных отношений политической культуры выделяют общекультурные ценностные ориентации, отношения к власти, политическим явлениям. Характер и направленность общекультурных ориентаций раскрывают место политических явлений в структуре ценностей личности, социальной группы и общества. Значение мировоззренческих ориентации состоит в том, насколько выбор политических позиций человека зависит от испытываемых им предпочтений к индивидуальным или коллективным ценностям. Так, история России, Беларуси показывает в отличие от государств Запада, испытавших на себе в полной мере воздействие капитализма, протестантской этики, что жители нашей страны веками ориентировались главным образом на нормы общинного коллективизма. Он воплощал в себе приоритет интересов коллектива, общины, сословия, государства, общества перед целями и ценностями отдельной личности, потребностями индивида. Интегративным показателем явилось то, что, среди важнейших ценностей для российского человека на первый план выдвигался идеал не свободы, а равенства. И эта традиция в советском обществе получила

дополнительный импульс со стороны тотального контроля государства над личностью и коллективистских начал, насаждаемых советской властью в общественной жизни. В настоящее время все чаще утверждается, особенно средствами массой информации, что на основе радикальных преобразований в обществе в направлении его капитализации в сознании человека уже произошла замена коллективистских установок на индивидуалистические, а идея справедливости вытеснена идеей свободы. Такие выводы, вероятно, преждевременны, особенно в отношении Беларуси. Правомерно говорить лишь о тенденции складывания предпосылок подобного процесса.

Аналогичную трактовку структуры политической культуры, но несколько по-иному, даёт Н.В. Скок. Она отмечает, что «политическая культура представляет собой целостную систему ценностных, познавательных поведенческих элементов, функционирующих в реальной окружающей среде» [87, с. 381].

Что представляет собой ценностный элемент? Это исторически сложившиеся социальные ценности, которыми руководствуются субъекты политической деятельности. Они отражают определенные архетипы поведения, служат ориентирами при выборе целей и средств их осуществления. К базисным ценностям относятся свобода, справедливость, равенство, безопасность, социальная ответственность, национальное единство и согласие. Обладая относительной устойчивостью и исторической преемственностью, они отражают общечеловеческие представления об идеальных моделях общественного устройства и поведенческих нормах, этически приемлемых способах политической деятельности.

Познавательный компонент составляют доминирующие в обществе или наиболее характерные для той или иной социальной группы типичные представления о разных аспектах политической жизни общества: о политике, политической власти, политической системе, политическом режиме; о механизме политического управления, принятии политических решений, политических лидерах; о собственном месте в политической жизни, об

эффективности участия в политической деятельности и т.д. Иначе говоря, в качестве познавательного компонента политической культуры выступают устойчивые стереотипы политического мышления, политического сознания во всех его формах и проявлениях.

Поведенческий элемент включает политические установки, типы, формы, стили, образцы общественно-политической деятельности, политическое поведение, которые способствуют переводу представлений и ценностей в плоскость практической реализации. Политическая установка – это отношение субъекта к политическим явлениям, а политическое поведение – это тот или иной способ реагирования субъекта на происходящие события. Политическая установка и политическое поведение существуют в органичном единстве, их устойчивые стереотипы составляют непреходящий компонент политической культуры личности, социальной группы, этноса или общества в целом.

Политическая культура предстает как результат длительного поиска различными поколениями политических ценностей и идеалов, тщательного их отбора в ходе апробации и закрепления на практике. Будучи целостной, монолитной, политическая культура вместе с тем выступает как внутренне противоречивое явление. В ней всегда представлено творческое новое и рутинное, остаточное от прошлого, устойчивое и изменчивое, целостное и частичное. Отражая поиск и отбор новых идеалов, путей и способов их реализации, она содержит массу конфликтов, противоречий между личным и общественным, идеалом и установкой, мотивом поведения и самим поведением. Благодаря этому она способна ориентировать людей на политические действия или бездействие.

Как мы уже отмечали, политическая культура может быть представлена на уровне общества, социальной группы и личности. На уровне личности её следует воспринимать как неотъемлемую составную часть общего культурного облика индивида. Политическая культура индивида – это одновременно и продукт его личного опыта и знаний, приобретённых в процессе ранней социализации и последующей жизни, и отражение на индивидуальном уровне

исторической памяти нации, и преломление на уровне конкретного индивида политической культуры данного общества в целом. Как и в политической культуре общества, в политической культуре личности есть элементы, которые единожды сформировавшись, сравнительно мало изменяются со временем, и компоненты, энергично реагирующие на изменяющиеся условия социальной среды.

На уровне личности наиболее адекватным выражением сущности политической культуры выступает правила ее поведения, стиль деятельности как участника политического процесса. Эти правила в конечном итоге обусловлены ее ценностными представлениями субъекта о политических явлениях и как таковые реализуются на практике. В нем одновременно присутствуют и общепринятые принципы, и индивидуально неповторимые моменты.

Исходя из наличествующей политической культуры личности, можно говорить о ее политической зрелости или незрелости. Политически зрелую личность отличают мировоззренческая убежденность, гражданственность, проявляющиеся в сознательном, постоянно присутствующем интересе к политическим процессам, событиям, в потребности в расширении и обновлении политических знаний, самостоятельности политического анализа и принятии индивидуального решения, в чувстве ответственности за судьбы своей страны и, наконец, в участии в политической жизни. И если общество со стабильной политической системой может позволить себе освободить часть своих граждан от прямого и непосредственного участия в политическом процессе, то для любого общества, находящегося на переходном этапе, а тем более в кризисном состоянии, политическая пассивность его граждан может привести к полному краху. Отсюда следует, что политическая культура населения — это тот фундамент, на основе которого должна строиться реальная практическая политика. Можно согласиться с мнением о том, что если политика не учитывает существующую в обществе политкультуру, то она либо отторгается населением, либо искажается до неузнаваемости.

Все рассмотренные элементы политической культуры относительно самостоятельны и вместе с тем взаимосвязаны, тесно переплетаются, образуя специфическую целостность. Характер политических знаний и представлений, ценностей и убеждений, эмоциональных состояний и психологических чувств, позиций и установок, преобладающих образцов политического поведения определяют содержание политической культуры, присущей данному социальному организму.

Рассматривая политическую культуру как способ воспроизводства политической жизни, мы должны выявить ее системообразующие свойства в различных аспектах по шкале уровней социальных субъектов. Собственно системный характер политическая культура обретает именно на уровне национальной политической культуры, который, в свою очередь, выступает частью совокупного адаптационного механизма конкретного народа к условиям своей жизнедеятельности. Политическая культура как бы растворена во всей совокупности общественных отношений, складывающихся в социуме. Системообразующим началом национальной политической культуры является общекультурный генотип, который включает в себя также и устойчивые способы политической самоорганизации той или иной этнической общности. Этот специфический стержень, называемый национальным характером, психическим складом, «архетипом» или же собственно «традицией», определяет политический менталитет каждого отдельного народа, задает ценностную легитимизацию соответствующего политического поведения. Политическая традиция обнаруживается в стереотипах восприятия политической жизни, в стереотипах политического поведения, в воспроизводимых схемах функционирования политических институтов. А поскольку политическая жизнь включает в себя, с одной стороны, соперничество различных групп за социальные блага, а с другой – распределение последних государством, постольку содержательная сторона национальной политики должна определяться характером выбранных предпочтений: допустимыми рамками социального неравенства;

закрепленными в обычаях и праве способами политического представительства и разрешения возникающих споров; механизмом определения верховного посредника и предпочтительными методами утверждения его авторитета; ролью различных социальных групп в принятии важнейших политических решений и т.д.

Приспособительный механизм политической традиции выявляет и интенсифицирует те модели поведения, которые определяют внутреннюю идентичность и комфортность национального бытия. Разумеется, национальная политическая традиция видоизменяется, так как меняются внешние и внутренние условия ее существования. Какие-то элементы, компоненты традиции уступают место новым ценностям и стандартам поведения, однако ядро традиции не исчезает, оно обновляет свою внешнюю сторону, а при глубинном кризисе – и внутреннюю структуру. Но и в последнем случае должны сохраниться важнейшие скрепы идентичности, национального менталитета, иначе политическая система распадется, что повлечет за собой разрушение собственно всех сфер общественной жизни. Таким образом, политическая культура в своем системном качестве является матрицей, т. е. совокупностью укорененных базовых ценностей и норм, обеспечивающих политическое единство общества.

Далее необходимо отметить, что политическая культура может структурироваться и на уровне политических субкультур. Этим понятием обозначаются системы политических ориентаций и моделей поведения, характерные для социальных групп и общностей, которые отличаются в этом качестве от других социальных субъектов и нации в целом. [29, с. 71]. Одно из наиболее распространенных определений данного понятия принадлежит У. Розенбауму. Он считает, что политическая субкультура, есть существующая в рамках политической системы совокупность индивидов, чьи политические ориентации заметно отличаются от ориентации значительного большинства в рамках данной культуры или, по крайней мере, от доминирующих в обществе культурных ориентаций.

Политические субкультуры порождаются социально-экономической, этнической, религиозной институциональной, территориальной, возрастной и собственно культурно-статусной стратификацией общества. Они могут быть связаны с идеологическими, поколенческими, географическими различиями и т.п. Традиционно в этой связи выделяются политико-культурные особенности элиты, среднего класса, низших страт и маргинальных слоев. Тем не менее, политологи пытаются выделить собственно специфические субкультурные комплексы, которые могут быть поняты в своей особой логике, не сводящейся к обычно фиксируемым сторонам социальной стратификации. Так, американский исследователь Д. Элазар полагает, что американская политическая культура – это синтез трех политических субкультур: «индивидуалиста», «моралиста» и «традиционалиста», каждая из которых особым образом адаптирует базовые ценности общеамериканской политической культуры – «рыночной площади» и «содружества» [9, с. 45 – 49].

Субкультуры функционируют в рамках доминантной политической культуры и не имеют автономии. Их культурный код формируется в пределах существующей культурной системы, с которой ведётся «диалог». Выработывая собственные нормы политического поведения, мировоззрение, которые будут отличать их от других субкультурных образований, они остаются в контексте более широкой политико-культурной среды и в отличие от контркультуры не вступают с ней в конфронтацию. Например, для большинства англичан, вне зависимости от партийной принадлежности, король или королева остаются важным и необходимым политическим символическим институтом, также и прецедент в английском праве для всех понятен и естественен. Но вместе с тем, представления лейбористов и консерваторов по отношению к возможности государственного вмешательства в экономическую или социальную сферы сильно разнятся.

Контркультура же как совокупность мировоззренческих установок и форм духовно-практического освоения мира является альтернативой, радикально противостоящей господствующей политической культуре. Строго

говоря, это не единое движение, а набор разнообразных инициатив, объединённых негативным отношением к существующей системе политических ценностей. В 60-е годы XX в. источником, определяющим поведение представителей контркультуры в молодёжной среде стали политикофилософские концепции Ницше, Кьеркегора, Маркузе, Гессе и др. Начавшись с индивидуального бунта, осознания нетождественности собственного Я и мира господствующих социальных отношений, неприятия существующего порядка вещей, это молодежное движение вылилось в поиск новых форм социализации, в том числе и политической, способных создать оптимальные условия для реализации прав человека.

Контркультура как возможность присутствует в любой политической системе, заявляя о себе в периоды политической нестабильности, кризиса официальной политической идеологии, политических установок, их неспособности адекватно отразить происходящие социально-политические процессы, происходящие в обществе.

В целом спектр различных классификаций структуры политической культуры достаточно широк. Все приведенные выше классификации являются основополагающими для понимания данного феномена. Однако чаще всего в его структуре вычленяются такие элементы, как культура политического сознания, культура политического поведения и культура функционирования политических институтов. Первый включает в себя политические установки, представления и убеждения, а также политические традиции, обычаи и нормы. Второй – культуру политического участия и политической деятельности. В культуру функционирования политических институтов входят: культура принятия и реализации политических решений, культура электорального процесса, а также культура восприятия и регулирования социально-политических конфликтов. Политическая культура оказывает значительное влияние на формы, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придаёт значимость и направление политическому процессу в целом.

3. ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В ходе своего исторического развития разнообразные сообщества выработали множество типов политической культуры, каждый из которых отражает преобладание в стиле поведения людей определенных ценностей, норм и стереотипов, форм властвования и взаимоотношений с правителями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием особых исторических, географических, экономических, духовных и прочих факторов. В основе, например, марксистского подхода к классификации политических культур находится то положение, что существующие в рамках одной и той же общественно-экономической формации политические культуры имеют общие существенные черты. Соответственно этому выделяются типы политических культур рабовладельческого, феодального, буржуазного и социалистического обществ.

Ныне формационный подход к периодизации исторического процесса устарел. Большинство учёных придерживается иного подхода, когда в основу периодизации истории человечества кладётся развитие цивилизаций и их культур. Это – цивилизационный подход. Оба подхода не лишены недостатков и вместе с тем имеют и положительные стороны. Цивилизационный подход отрицает общее в истории или, во всяком случае, его не обнаруживает. Формационный подход признавая общее в социальном развитии, в определённой мере «схватывает» его в производстве человеком собственной жизни, полагая при этом, что оно наиболее ярко проявляется в материальной деятельности человека, в конечном счёте, в его труде. Однако общее в истории понимается многими сторонниками формационной теории достаточно абстрактно как тождество индивидов, которое существует на любом этапе общественного развития, что не позволяет обнаружить его связь со всем многообразием особенного и уникального в истории. Точнее сказать, всё

обнаруживаемое многообразие особенного и уникального в истории оказывается понятым столь же абстрактно.

В процессе общественного развития происходит интеграция различных по уровню сложности форм общественной жизни. Каждая цивилизация (формация) имеет интегральную природу, поскольку в преобразованном и подчинённом виде включает в себя все предыдущие этапы развития. Любая цивилизация (формация) – интегрированная совокупность общественных укладов, каждый из которых имея качественную, только ему присущую определённость, тем не менее трансформирован сообразно высшему типу организации общества, высшим формам человеческой деятельности. Процесс интеграции общественной жизни имеет не только внутренний характер, но и внешнее выражение. Общества, принадлежащие к различным уровням исторического развития, составляют целостную систему, выстроенную на основе соподчинённости и взаимной зависимости простого и сложного в общественной жизни.

В рамках цивилизаций, или формаций, каждой политической системе соответствует особая, собственная базовая модель политической культуры, которая в каждой конкретной стране проявляется в национально-специфических формах. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентациями людей независимо от их национально-государственной принадлежности. В этом качестве в обобщенной, абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты политической культуры и разделяются большинством населения соответствующих стран.

С учётом всего изложенного наиболее разработана классификация типов политической культуры американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой в работе "Гражданская культура". Сопоставляя политические системы Великобритании, Италии, США, ФРГ и Мексики они выделили три основных типа политической культуры: приходский (парохиальный), подданнический и

активистский (политическая культура участия) [30, с. 274].

Приходская политическая культура характеризуется ориентацией на местные, национальные ценности и может проявляться в форме местного патриотизма, семейственности, коррупции, трайболизма. Член такого общества пассивен в политике, не участвует в ней даже в роли, например, избирателя. Данный тип культуры характерен для молодых независимых государств, в которых политическая культура оказывается наслоением множества более мелких субкультур. Иными словами, этот тип политической культуры определяется отрывом населения от политической жизни, отсутствием знаний о ней. В таком случае люди не выполняют свои политические функции, свойственные культуре более развитых обществ. Они уделяют максимальное влияние решению собственных бытовых проблем и всецело доверяют властным структурам. При этом социальные, правовые, экономические ценности и их требования часто заменяются так называемыми духовными, т.е. религиозными, националистическими и иными установками.

Подданническая политическая культура отличается сильной ориентацией социальных субъектов на политическую систему и результаты деятельности властей, но слабым участием в обеспечении функционирования этой системы. Носители подданнической политической культуры осознают существование специализированных политических институтов, имеют к ним негативное или позитивное отношение, но не склонны принимать участия в политической деятельности. От центральной власти, подданные в этом случае, ожидают либо наказания, либо поощрения.

Подданническая политическая культура предполагает пассивное и даже отстранённое отношение индивида к политической системе. Он ориентируется на традиции, хотя политически вроде бы сознателен. Подчиняясь власти, индивид ожидает от неё различных благ (социальных пособий, гарантий и т. д.) и опасается её диктата. Именно эта политическая культура доминировала в СССР, начиная с 20-30-х гг., и не только тогда, но и практически в течение всей истории Российского государства.

Политическая культура участия (активистская) отличается политической активностью населения. Граждане стремятся активно воздействовать на политическую систему, направлять её деятельность с помощью законных средств влияния – выборов, референдумов и т.д.

Важнейшая черта политической культуры данного типа – широкое распространение представлений об автономии интересов личности и государства. Оно исходит из понимания, что соединение общественного и частного может происходить не на путях самоотречения и абсолютизации одного и игнорирования другого, что неизбежно сопровождается ростом социальной напряжённости, политическими конфликтами и взаимными претензиями, но на основе формирования чёткого представления о существующей иерархии интересов, через которую и возможен выход деятельности субъекта на уровень реализации социальных потребностей.

Из смешения элементов этих трех чистых типов возникают еще три вида политической культуры: провинциалистско-подданническая, подданническо – партиципаторная и провинциалистско-партиципаторная [9, с. 41]. Именно эти смешанные типы политической культуры, по мнению Г. Алмонда и С. Вербы, преобладают в истории различных обществ.

Первый из них – провинциалистско-подданнический – характерен для обществ, которые переживают этап перехода от провинциализма к централизованной политической власти. Это было характерно, например, для Западной Европы в период становления абсолютных монархий. Члены общества отдавали предпочтение центральным институтам власти, а не местным.

Второй тип – подданнически-партиципаторный – характеризуется тем, что значительная часть населения становится активно ориентированной на более или менее демократическую политическую систему, хотя остальные продолжают оставаться лояльными по отношению к авторитарным формам и структурам правления. Например, политическая культура этого типа имела место во Франции, Германии и Италии конца XIX – начала XX вв.

Третий тип – провинциалистско-партиципаторный характерен для стран, которые только становятся на путь демократии. Политическая культура там отличается фрагментарностью. По мере продвижения политической системы в сторону демократии происходит адаптация патриархальной и подданнической культуры к так называемой партисипаторной.

Основной вывод исследователей заключался в том, что наиболее оптимальным для стран стабильной демократии является смешанный тип политической культуры, выявленный почему-то только в Великобритании и США, (а в ФРГ, Швеции и других странах? – А.М.,С.С.) — гражданская политическая культура, или политическая культура гражданственности [3, с. 274 – 283]. В рамках этой культуры многие граждане могут быть активными в политике, но многие другие играют более пассивную роль подданных. Даже у тех, кто исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан не полностью вытеснены. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и пассивную роль подданного. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов граждан, причем, как правило, не очень важную их часть. Сохранение других ориентаций ограничивает степень их включенности в политическую деятельность и удерживает в определённых рамках. Более того, ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, первичные связи важны в становлении типов гражданского сознания. Кроме того, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать на характер политических ориентаций – делают их менее определёнными.

Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, для гражданской культуры характерны два противоречия: 1) между высокой оценкой своего потенциального влияния на политические решения и более низким уровнем реального влияния; 2) между степенью распространения вербального признания обязательности участия граждан в политической жизни и реальной значимостью и объемом участия.

Эти противоречия, по мнению авторов «Гражданской культуры», помогают понять, каким образом в странах развитой демократии разрешается дилемма, оптимальное сочетание сторон которой крайне важно для поддержания стабильности: между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью, между властью правящей элиты и ее подконтрольностью и ответственностью. С одной стороны, бездеятельность обыкновенного человека помогает обеспечить правящие элиты властью в той мере, которая необходима для эффективного решения проблем. С другой стороны, роль гражданина как активного и влиятельного фактора, обеспечивающего ответственность элит, поддерживается благодаря его приверженности нормам активного гражданства и его убежденности, что он может быть влиятельным субъектом политики.

Таким образом, гражданин в стране с гражданской политической культурой является потенциально активным. Он не выступает как постоянный участник политического процесса, редко активен в политических группах, но при этом обладает резервом потенциальной влиятельности, т.е. он считает, что в случае необходимости может мобилизовать свое социальное окружение в политических целях. Гражданин, живущий в такой стране, в большей степени склонен поддерживать на высоком уровне политические связи, входить в какую-либо организацию и участвовать в неформальных политических дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в процессе принятия политических решений, но делают такое участие более вероятным.

Помимо приведённой классификации, ставшей уже «классической», в политической науке существует достаточно большое количество других типологий политической культуры. Например, выделяются гомогенный, фрагментированный (сегментированный), смешанный и тоталитарный ее типы. Каждый из них характеризуется своими особыми признаками.

Для гомогенного типа политической культуры существующего в англосаксонских странах с либерально - демократической системой,

характерны наличие в обществе большого количества различных, но мирно сосуществующих и в целом дополняющих друг друга ценностей и установок, по преимуществу ненасильственное разрешение политических конфликтов на основе норм права и с учетом интересов всех участвующих в конфликте сторон. Одновременно большинство общества принимает существующую политическую систему, ее институты и механизмы.

Фрагментированный тип политической культуры связан с наличием в обществе различных ценностей, идей и установок, с отсутствием общественного согласия относительно основных принципов политического устройства и правил поведения в политике, т.е. в стране могут существовать влиятельные политические силы, допускающие насильственное свержение политического строя. Данный тип политической культуры свойственен для слаборазвитых в социально - экономическом и культурном отношении стран и обществ, расколотых на враждующие группы по национальным, религиозным, культурным и политическим признакам (развивающиеся страны бывшего «третьего мира»).

Смешанный тип политической культуры сочетает в себе черты гомогенного и фрагментированного ее типов. Это значит, что по одним вопросам согласие в обществе существует, но по другим сохраняется жесткая конфронтация. Например, в некоторых из развитых и многонациональных стран Запада (Канада, Великобритания, Бельгия) имеется консенсус относительно существующей социально - экономической модели, но при этом сохраняются конфронтация и напряженность в межэтнических отношениях.

Тоталитарный тип политической культуры основывается на идеях о принципиальной одномерности социально-политической и духовной жизни общества. Эти идеи определяют практические установки на недопущение открытого проявления специфических целей и интересов различных социальных групп, на вытеснение из политической жизни возможности выбора, любой альтернативности.

Для данного типа культуры характерны преобладание в обществе

коллективистской психологии и ценностей, общая нетерпимость к инакомыслию, игнорирование отличных от "общенародных" индивидуальных и групповых интересов, культ неограниченной государственной власти, ставка на силу в разрешении конфликтов, поиск внутренних и внешних врагов, на которых с целью сплочения и мобилизации общества направляется всеобщая ненависть.

Известна ещё одна типология рассматриваемого феномена, разработанная Г. Алмондом. Он различает четыре типа политической культуры: англо-американскую, континентально-европейскую, доиндустриальную (авторитарно-патриархальную) и тоталитарную. Англо-американскую культуру отличают следующие черты. Во-первых, она является светской и прагматической: политика здесь выступает не в облики непримиримой борьбы сил добра и зла (прогресса и реакции), а всего лишь как столкновение групповых интересов, каждый из которых имеет право на существование. И поскольку здесь отвергается фаталистический принцип predetermined коллективной судьбы, который давал о себе знать в привычной для нас теории "непреложных исторических закономерностей", то политический процесс выступает как "процедура открытия" реальных возможностей и влияния различных общественных групп, а также как ограничитель их стихийной экспансии.

Во-вторых, эта культура отличается однородностью, т.е. общенациональным консенсусом по основным базовым ценностям и ненарушаемым правилам политической игры. Практическим тестом, подтверждающим наличие этого признака, является то обстоятельство, что здесь не только победившая партия признает законность и справедливость правил игры, в которой она победила, но и побежденная партия - тоже, хотя именно ей это признание дается труднее. Что дает побежденной стороне силы вынести свое поражение и не броситься в омут борьбы любыми средствами, не прибегнуть к тактике террора или саботажа? В первую очередь, прагматическое видение действительности: убеждение в том, что в ходе выборов сталкивались

не силы добра и зла, а всего лишь мирские земные интересы, каждый из которых законен. Далее, представление о том, что общественная жизнь не представляет собой игру с нулевой суммой, при которой благополучие одной стороны покупается ценой ущемления другой. Наконец, уверенность в том, что политические победы и поражения не являются окончательными: следует просто потерпеть до следующих выборов. Ясно, что такой культуре чужд политический романтизм: предчувствие конца мира, кануна "величайших переворотов", "окончательных развязок" истории и т.д.

В политическом спектре эта культура центристская. Ее олицетворяет "партия середины", которую в некоторых политических культурах презрительно называют «болотом». Электорат крупнейших партий всегда тяготеет к центру. Например, к «единороссам» в России, республиканцы, представляющие в США правый спектр, тяготеют к нему справа, а демократы, – слева. Поэтому и партийная политика балансирует вокруг центра: всякое смещение позиций в духе правого или левого радикализма угрожает политическим вакуумом; по краям политического спектра массовый избиратель, как говорится, "не водится".

В отдельные моменты истории традиция центризма может прерваться, в американской политической лексике это обозначается как "смена рубежей". Но если взять долговременный период, то доминанта политического центризма не вызывает сомнений. С этим связана высокая преемственность различных периодов в той же американской истории: приход новой администрации, столь же близкой к центру, как и предыдущая, не нарушает размеренной ритмики, не порождает ожиданий какого-то "нового порядка".

Анализируя континентально-европейскую политическую культуру, Алмонд указывает на ее смешанный, или переходный характер. Наряду с общепринятым восприятием политики как борьбы групповых интересов здесь сохраняет влияние ее понимание как борьбы идеалов, столкновения добра и зла. Эта традиция накладывает свой отпечаток на массовое восприятие политического процесса как борьбы политических деятелей за новые идеалы и

пути развития. Электорат здесь резко поляризуется на левых и правых при явной малочисленности центра. Поэтому и политическим лидерам невыгодно демонстрировать центризм, ибо это угрожает утратой массовой социальной базы и рождает презрительное неприятие с обеих сторон. В такой ситуации шанс на победу имеют только партии и коалиции с ярко выраженной правой или левой ориентацией. Поэтому и политическое время в континентальной культуре отличается выраженной цикличностью, прерывностью. Каждая победившая партия пытается как бы начать национальную историю "сначала" и «переделать» ее.

К политическому противнику здесь порой относятся как к неприятелю, с которым компромиссы не очень уместны. Поэтому важнейший из демократических принципов, касающийся охраны прав политического меньшинства, постоянно ставится под вопрос в качестве помехи для амбиций победившего "авангарда". Но тем самым в историю закладывается механизм цикла – побежденная сторона ждет своего часа, чтобы развернуть движение истории в ином направлении. Так, французские политологи подсчитали, что с 1789 по 1958 гг. Франция пережила 16 политических режимов и после каждого переворота французы чувствовали себя как помещенными в "новую историю". Только в последние годы французская политическая культура демонстрирует тенденцию к центризму.

Можно отметить, что политический центризм, принципы плюрализма, готовность защитить права политического меньшинства - это не что иное, как инструмент борьбы с так называемой цикличной историей. В самом деле, чем безусловнее победа одной стороны над другой, чем последовательнее возводится однопартийная "воля" в общеобязательный закон, тем и сильнее скажется в будущем эффект бумеранга, ударяющего по нынешним победителям или их наследникам. И наоборот, признав права и интересы другой стороны, сегодняшние победители расширяют горизонт предсказуемой и преемственной политики, предотвращая ее небезопасную цикличность.

Таким образом, сопоставление англо-американской и континентально-

европейской политических культур является в какой-то мере примечательным, чтобы быть принятым во внимание и у нас, вырабатывающих стратегию политической модернизации и сопоставляющих различные ее модели, хотя, конечно, дихотомия Алмонда должна быть переосмыслена применительно к нашей действительности, к нашим реалиям.

Что же касается авторитарно-патриархальной и тоталитарной политических культур, то о них речь шла выше.

Принимая во внимание то, что люди неодинаково осваивают ценности и нормы, присущие различным сообществам, специалисты выделяют консенсусную и поляризованную политические культуры. Консенсусная культура характеризуется значительной степенью сплоченности граждан вокруг основных ценностей общества, целей государства. Поэтому здесь, как правило, высока и лояльность граждан к правящим кругам, политическим ориентациям режима. При поляризованном типе сложившиеся в обществе субкультуры отличаются очевидным несовпадением базовых ценностей и ориентиров политической деятельности населения, элиты и электората. В странах с многосоставной политической культурой обычно отсутствует согласие между группами граждан относительно перспектив общественного развития, методов реформирования, моделей будущего.

Поскольку степени взаимонепонимания различаются в зависимости от страны, в рамках поляризованной культуры выделяются и особые подтипы. Например, в сегментированных культурах все-таки существует определенный консенсус относительно главных национальных ценностей. Вместе с тем здесь местная лояльность нередко преобладает над национальной, слаба действенность правовых, легитимных процедур, распространено весьма сильное недоверие социальных групп друг к другу, а приходящие к власти правительства нестабильны и недолговечны. Сегментированные политические культуры характерны для переходных обществ или тех государств, где идет процесс консолидации наций на базе основных этносов. Такому подтипу культуры присущи значительная доля апатичных и отчужденных от власти

групп населения и вместе с тем острые политические дискуссии о целях и способах общественных преобразований.

Типы политической культуры могут определяться и на более общих основаниях, указывающих на универсальные черты разнообразных стилей политического поведения людей в тех или иных странах. Например, ученые отмечают существование рыночной (где политика понимается как разновидность бизнеса) и этатистской (государственнической) политических культур (с главенствующей ролью государственных институтов в организации политической жизни и определении условий участия в ней индивидов) [15, с. 50].

Рыночная культура – это культура, ориентирующая на подход к политическим процессам и проблемам как к актам свободного обмена деятельностью и её продуктами между свободными товаропроизводителями. Политические решения с этой точки зрения есть разновидность, хотя и весьма своеобразная, торговой сделки. Основными элементами рыночной политической культуры являются: ориентация на конкурентную борьбу как универсальный принцип функционирования и развития общественного организма; индивидоцентристская установка, для которой высшей целью и ценностью является партикулярное (индивидуальное) существование; ориентация на спонтанность, естественность, саморегулирование в отправлениях политических и иных функций.

Этатистская политическая культура – это культура, связывающая решение политических проблем и контроль над политическими процессами с действием механизмов государственного регулирования. Это культура ограничения конкурентной борьбы, для которой интересы целого (государства, нации, класса, какой-либо организации) выше частных, индивидуальных интересов. Этатистская политическая культура ориентирована на регулирование со стороны государства всех политических процессов в обществе.

Таковы два полярных типа политкультур, которые в чистом виде почти

не встречаются, но логически образуют те полюса, между которыми располагаются, тянутся то к одному, то к другому полюсу реальные политические культуры.

В научной литературе встречается также дифференциация политкультуры на традиционную (соответствующую аграрному этапу развития общества), модернистскую (развивающую свои традиции и ценности на основе индустриального способа производства) и постмодернистскую (формирующую нормы, исходя из доминирования постиндустриальных ценностей, качественного повышения политической роли электронных СМИ, новейших информационных технологий).

Традиционный тип политической культуры характеризуется формированием предпосылок для возникновения политической системы, когда политики по сути дела ещё нет. В таких сообществах (африканские племена, местные автономные общины) не существует специализированных политических ролей. Политические ориентации людей растворены в социальных и религиозных установках и ценностях. Вожди, шаманы, старосты реализуют одновременно политические, экономические и религиозные функции. Преобладает территориальная и социально-культурная идентификация: человек идентифицирует себя, в первую очередь, как член локального сообщества (рода, деревни и т.п.). По сути дела идёт процесс только зарождения политической культуры.

Модернистскую политическую культуру специалисты связывают с промышленной революцией XVIII в., которая положила начало переходу европейских стран на путь индустриального развития. В соответствии с этим, а также благодаря буржуазным революциям, произошли большие перемены в их политической и социальной жизни. Население ряда стран добилось расширения политических прав и свобод. Размывались сословные барьеры, усилилась социальная мобильность населения.

Общества с модернистской политической культурой характеризуются относительно высокой степенью функциональной дифференциации: различные

сферы общественной жизни относительно автономны, подсистемы (в частности, политическая подсистема) достаточно развиты и наличествуют позитивные ориентации граждан на все политические объекты.

Политическая культура в таких обществах воплощается в правовых идеях, ценностях, установках и институтах, властных отношениях и т.д., которые регулируют сознание, поведение, поступки людей. При этом фактор «настроения масс» становится неотъемлемым элементом политической практики властвующих элит.

Во второй половине XX в. в индустриально развитых, демократических странах осуществился переход к постмодернистской, постматериалистической политической культуре [30, с. 286 - 291]. Этот переход обусловили два сдвига. Первый – в системе ценностей: такие нормы индустриализма, как материалистические ценности, дисциплина, самоотверженность, достижения в обществе, уступают место нормам постиндустриализма: широкой свободе, выбору жизненного стиля, индивидуальному самовыражению, качеству жизни в целом. И второй сдвиг – в институциональной структуре. Постиндустриальные, постмодернистские ценности изменяют социальные отношения внутри индустриальных, иерархических, бюрократизированных организаций, служащих опорой индустриализму. Меняются и государство, и политические партии, и сборочные линии массового конвейера, и структура промышленных корпораций и торговых фирм. Все они подошли как к пределам своей эффективности, так и к пределам их массового принятия.

Таким образом, основным содержанием ценностно-структурного сдвига, как утверждает Инглхарт, является переход от материалистических ценностей к ценностям постматериальным. С переориентацией на ценности постматериализма заметные изменения происходят в политической системе и политической культуре, а именно: падает уважение к власти и политическим авторитетам; усиливается акцент на политическое участие не через политические партии, а к более автономным его видам; политические конфликты теряют классовый характер и фокусируются вокруг проблем

культуры и качества жизни. Всё это способствует демократизации авторитарных политических культур и большей партисипаторности в демократических политических системах [30, с.296 – 301].

Итак, политическая культура — многосложный и неоднородный комплекс. В нем представлены различные уровни и типы культуры: личностный, групповой, классовый, регионально-национальный, общественной системы в целом. В отличие от культуры общества выделяются, как уже отмечалось, политические субкультуры, присущие отдельным группам населения или же частям системы. Так, в белорусском обществе достаточно отчетливо видятся субкультуры молодежи и ветеранов войны, так называемой номенклатуры и интеллектуальной элиты (научной и художественной интеллигенции), партий, национальных групп, формирующегося слоя предпринимателей.

Мы уже приводили определение политической субкультуры У. Розенбаума. Понятие "политическая субкультура" можно определить и по-другому: как совокупность ценностей, норм, моделей поведения, ориентаций в политике, входящих в качестве подсистемы в политическую культуру социума в целом и характеризующихся наличием ряда устойчивых и специфичных признаков, благодаря которым их можно отличить от других аналогичных подсистем. Данная специфика обуславливается прежде всего тем, что субкультура базируется на определенной социальной, территориальной, профессиональной, экономической, религиозной или иной общности её носителей. Существование субкультур характеризует неоднородность самого общества, тех условий бытия, в которых протекает жизнь различных его групп. В свою очередь, это вносит неоднородность в процесс преемственности, формирования и заимствования тех или иных компонентов как духовной культуры в целом, так и политической культуры.

Различают политическую культуру молодёжи, женщин, интеллигенции, творческой элиты, служащих государственного аппарата, деревенскую, городскую, этническую субкультуры и др.

Наличие в обществе множества политических субкультур может оказаться источником дестабилизации общественно-политической жизни. Иногда отдельные субкультуры настолько отличаются от общей политической культуры, что могут рассматриваться в качестве самостоятельных контркультур. Стабильности общества способствует единство его политической культуры. Видимо, нереальной является задача преодоления множественности политических субкультур. Однако можно и следует стремиться к совместимости между различными субкультурами, к согласованию взглядов всех социальных групп по основополагающим, коренным вопросам жизни общества.

В мире существует определенное количество стран, в которых вообще отсутствует общенациональная политическая культура и поэтому невозможно выделить субкультуры. Например, Нигерия, где вражда между различными племенами и народностями уже приводила к затяжным конфликтам и даже войне, или Северная Ирландия (Ольстер), где существуют непримиримые противоречия католической и протестантской общин, способные при соответствующих условиях вылиться во взаимное истребление и гражданскую войну, что уже имело место в их истории.

Обычно же носителями политических субкультур выступают группы, проживающие в определенной части страны. Например, франкоязычные жители Канады (провинция Квебек), баски в Испании, жители южных штатов США и шахтерских городков на северо-западе Англии, различные территориальные группы казаков (донские, терские, уральские, сибирские) и др.

В то же время, как мы уже отмечали, существуют субкультуры, сформировавшиеся не по территориальному, а по религиозному, социально - бытовому либо половозрастному признаку, и распространенные в самых разных регионах отдельных государств. Например, связанная со многими радикальными идеями молодежная субкультура 60-х гг., распространенная во многих странах Запада.

В целом же существование в обществе политических субкультур – явление вполне нормальное, естественное, однако лишь при наличии следующих условий: 1) если ценности и нормы определенной субкультуры не вступают в непримиримый антагонизм с цивилизованными средствами конфликт с ценностями общенациональной политической культуры; 2) если её носители терпимо и с уважением относятся к субкультурам и ценностям других социальных групп; 3) если в рамках общества и общенациональной политической культуры существуют общие ценности и нормы, разделяемые носителями различных субкультур. Например, уважение к институтам демократии, к правам и свободам человека

Возвращаясь к типологии политической культуры в целом, следует отметить, что в содержательном отношении существуют самые общие критерии её типологизации, заданные спецификой цивилизационного устройства отдельных регионов – Запада и Востока (либо Севера и Юга), ценности и традиции, которых формируют основы почти всех её видов. Идеалы и нормы политической культуры западного типа воплощают ценности гуманизма, человеческой свободы, плюрализма мнений и убеждений. Они базируются на индивидуализме как мировоззренческой и поведенческой позиции, когда абсолютным приоритетом обладают самоценность человека, его личная свобода и автономия, ответственность за собственное благополучие и долг перед государством. В политику такие принципы привнесла философия, для которой право — важнейший инструмент властвования, формирующий его стиль, гарантирующий самоопределение личности, развитие свободного рынка и статус государства как нейтрального, подчиненного гражданскому обществу органа регулирования. Этот философский подход предполагает широкий идеологический и политический плюрализм, выборность представителей всех ветвей и уровней власти при систематическом контроле общественности за ними, наличие механизмов, уравнивающих различные элитарные группировки и центры власти.

Ориентируясь на рациональную организацию политики, эти идеалы и

принципы воплощают ценности политического диалога, достижения компромисса и уважения к партнеру. С течением времени такой подход помог превратить политический мир Запада из сферы борьбы непримиримых ценностей и целей в пространство прагматичного согласования интересов, где главное место заняли институты и структуры центристского, умиротворяющего и стабилизирующего толка.

Экономическим фундаментом западного образа жизни стал индустриальный тип производственных отношений, который вместе с духовным влиянием католицизма и особенно протестантизма утвердил важнейшие принципы политического взаимодействия. Для человека западно-европейских стран базис его мировоззрения образует понимание труда как залога жизненного успеха, рациональное восприятие жизни, идея состязательности, стремление к прогрессу. «Трудись и преуспеешь», «соревнуйся и прославишься» — вот этические нормы, которые господствуют в отношениях государства и общества, продолжают двигать развитие цивилизации Запада, заставляют его постоянно совершенствовать производство, обуславливают рост благосостояния живущих там людей.

В результате таких особенностей цивилизационного развития ценностные ориентации политической культуры Запада прежде всего выражают понимание самодостаточности человека для осуществления власти и взгляд на политику как на разновидность рационально организованной деятельности, когда люди выполняют различные роли и функции. Государство в западной традиции издавна воспринимается в качестве института защиты прав и свобод человека, поддерживающего его социальные инициативы. В итоге это обусловило развитие демократической формы власти, позволило западным странам хорошо адаптироваться ко многим вызовам времени, разумно разрешать конфликты и использовать такие достижения для всё большей консолидации общества.

Восточные политико-культурные нормы и традиции были предопределены особенностями жизнедеятельности обширных структур

аграрных социумов Азии, на которые воздействовали ценности арабско-мусульманской, конфуцианской и индо-буддистской культур. Базовые ориентации людей этой части мира формировались под влиянием деспотического господства над обществом властвующих групп, главенства коллективистских форм организации частной жизни, а также при подавлении централизованными структурами условий для индивидуальной предпринимательской деятельности, т.е. для беспрепятственного развития частной инициативы.

Непререкаемое верховенство религиозных учений, воплощавших не только сакральные идеи, но и предписывавших принципы морали, права, социальных и политических концепций, привело к тому, что в восточных странах верования фактически поглотили критическое начало светской философской науки. Разрешение конфликтов в таких условиях предусматривает не обращение к правовым документам, а апелляцию к моральному авторитету властителей, руководителей, вообще всех старших. Поэтому этической нормой политической культуры восточного типа стали обычаи, а не закон, мнение начальства, а не конституция. Длительное закрепление патриархально-клановой структуры общества определило довольно низкие, слабые позиции человека в сравнении с общиной и особенно государством. Статус человека зависит от его полезности для конкретного социума. Поэтому на Востоке властвование и политика в целом издавна воспринимаются как сфера деятельности героев, выдающихся деятелей. Всё изложенное предопределило в качестве основных ценностных ориентаций восточной политической культуры следующее: убеждения в необходимости обязательного посредника (гуру, учителя, старшего) между простым человеком и властью; понимание политической власти как области божественного правления; исключение свободы, плюрализма, состязательности из мира политики; признание главенствующей роли элит при отсутствии не только намерений, но и потребности в контроле за их деятельностью; предписание человеку сугубо исполнительских функций. Неудивительно, что такое

толкование ценностей обусловило изоляцию верхов от низов, патернализм, авторитарные тенденции, упрощенные формы организации власти и политических отношений.

Наиболее существенные различия ценностных ориентации граждан в политической жизни Запада и Востока проявляются в следующем [46. с. 20].

1) Запад: убежденность, что власть может покоиться на физическом, духовном или ином превосходстве человека над человеком. Восток: уверенность в божественном происхождении власти, не связанном ни с каким человеческими достоинствами.

2) Запад: отношение к политике как к разновидности конфликтной социальной деятельности, которая строится на принципах честной игры и равенства граждан перед законом. Восток: отношение к политике как к подвижнической, не доступной каждому деятельности, подчиненной кодексу поведения героев и принципам божественного правления; отрицание случайности политических событий и понимание политики как средства утверждения гармонии и мира.

3) Запад: осознание самодостаточности личности для осуществления властных полномочий, отношение к политическим правам как к условию укрепления права собственности; примат идеалов индивидуальной свободы. Восток: отрицание самодостаточности личности для осуществления властных полномочий, потребность в посреднике в отношениях между индивидом и властью; приоритет идеалов справедливости; политическая индифферентность личности.

4) Запад: признание индивида главным субъектом и источником политики, отношение к государству как к институту, зависимому от гражданского общества, гаранту прав и свобод личности, орудию предпринимательской деятельности индивида и социальной группы. Восток: признание главенствующей роли в политике элит и государства, предпочтение патроната государства над личностью; признание приоритета над человеком руководителей общин, сообществ, групп; доминирование ценностей

корпоративизма.

5) Запад: предпочтение личностью множественности форм политической жизни, состязательного типа участия во власти, плюрализма и демократии; приоритет усложненной организации власти (наличия партий, разнообразных групп давления и т.д.). Восток: предпочтение личностью исполнительских функций в политической жизни и коллективных форм политического участия, лишенных индивидуальной ответственности; тяготение к авторитарному типу правления, упрощенным формам политических отношений, поиску харизматического лидера.

6) Запад: рациональное отношение к исполнению правящими элитами и лидерами своих функций по управлению социальными процессами, понимание необходимости контроля за их деятельностью и соблюдения правил контрактной этики. Восток: обожествление правителей и их деятельности по управлению обществом, отсутствие убежденности в необходимости их контроля.

7) Запад: приоритет общегосударственных законов и установлений над частными нормами и правилами поведения, понимание различий в моральной и правовой мотивации политических действий граждан. Восток: приоритет местных правил и обычаев местного права над формальными установлениями государства, тенденция сглаживания противоречий между нравственными традициями сообществ и законодательными установлениями как мотивами политического поведения.

8) Запад: достаточно ощутимая идеологизированность политических позиций граждан. Восток: менее выраженная идеологизированность позиций населения.

9) Для западной цивилизации присуще быстрая, скачкообразная смена культур. Новое отрицает старое в самой сущности явлений и процессов культуры, основные компоненты социокультурной системы демонстрируют неспособность к адаптации нового без разрушения прежних структур и связей, культурные традиции могут «пересекаться» в течение одной смены поколений.

Восточные цивилизации имеют эволюционную систему развития, сохраняют относительную стабильность, устойчивость духовной основы общества. Основные социокультурные системы демонстрируют способность к адаптации нового без разрушения прежних структур и связей, культурные традиции исключительно устойчивы.

Ю.В. Ирхин даёт другую градацию особенностей политической культуры западной и восточной цивилизаций [31, с. 132 – 133; 32, с. 294]

ЗАПАД	ВОСТОК
1.Преимущественно «партиципаторная» модель участия.	1.Преимущественно «подданническо-партиципаторная» политическая культура.
2.Основные элементы политики – индивиды, различные политические объединения.	2.Существеннейший элемент политики – общность (клановая, этническая, семейная).
3.Устойчивые традиции политической демократии.	3.Устойчивые традиции авторитарного правления.
4.Индивид во многом «пресыщен» политикой.	4.Индивид недостаточно приобщен к политике.
5.Западные религии формируют открытый тип участия в политике, ориентированный на изменения, легко усваивающий новые элементы культуры и политики.	5.Восточные религии формируют отношение к политике, нацеленное на воссоздание традиционных отношений; возрастает роль ислама в политике и культуре.
6.Диалектика модернизма и традиций в политической культуре западного общества.	6.Основополагающая роль тысячелетних традиций в развитии политической культуры.
7.Важная роль национальных	7.Приоритетная роль национально-

меньшинств; большинство государств является моноэтническими или с одной доминирующей нацией.	этнического фактора и сознания; большинство государств являются полиэтническими.
8. «Консенсус» между государством и гражданским обществом. Наличие в обществе многочисленного среднего класса, высокий материальный уровень.	8. Приоритет государства над формирующимся гражданским обществом. Значительный имущественный «разрыв» между элитами и массами.

По сути обе градации взаимодополняют друг друга и дают наглядное представление о специфике политической культуры столь различных регионов нашей планеты, которым по сомнительному выражению Р. Киплинга «не сойтись никогда». В Японии как раз «сошлись» ценности либеральной, западной политкультуры с наследием восточных традиций. Со временем глобализация еще больше усилит эти тенденции. Однако, пока что названные ценности и традиции взаимодействия человека и власти формируют органически противоположные политические культуры (например, в США и Иране, Франции и Камбодже). И даже перестройка политических институтов по образцам одного типа культуры не может порой поколебать устойчивость отдельных ценностей прежней культуры. К примеру, в Индии, где в наследство от колониального владычества Великобритании страна получила достаточно развитую партийную систему, парламентские институты и прочее, по-прежнему доминируют архетипы восточного менталитета. И поэтому на выборах главную роль играют не партийные программы, а мнения деревенских старост, глав аристократических родов, руководителей религиозных общин и т.д. В свою очередь в ряде западноевропейских стран повышенный интерес к религиям и образу жизни на Востоке тоже никак не сказывается на изменении параметров их политической культуры.

Правда, в некоторых государствах все-таки сформировался некий синтез

ценностей западного и восточного типов. Мы уже приводили пример с Японией, технологический рывок которой в клуб ведущих индустриальных держав, а также политические последствия послевоенной оккупации страны позволили укоренить в ее политической культуре значительную долю либерально-демократических ценностей и образцов политического поведения граждан. Весьма интенсивное взаимодействие Запада и Востока протекает также в политической жизни стран, занимающих срединное геополитическое положение. Например, в России, Казахстане, может быть отчасти в Беларуси. Здесь формируется определенный симбиоз ценностных ориентации и способов политического участия граждан.

О политической культуре Беларуси мы будем вести речь в следующем разделе нашей работы. Здесь же хотелось бы остановиться на национальной идее белорусского народа. Эта идея в целостном виде длительное время отсутствовала у белорусов. Имеется в виду стремление к независимости, претензии на историческую активность по поводу собственной судьбы. Как таковая эта идея стала формироваться в определенных исторических и геополитических условиях, с появлением этнического, а затем и национального самосознания. Первые проявления этнического сознания, можно наблюдать уже в деятельности таких представителей белорусского народа, как Ф. Скорина, В. Тяпинский, Л. Сапега и др. Появление же целостной системы национального самосознания белорусов, включающей этническую самоидентификацию, выраженную через этноним «белорусы», представления об особенностях своей этнической территории, культуре, историческом прошлом, этнических интересах, в том числе этнополитических, относится к концу XIX - началу XX в.

Как пишет Л.Г. Титаренко, «процесс формирования национальной идентичности белорусов происходил иначе, нежели в странах, следовавших классической модели формирования идентичности в эпоху формирования национальных государств: если там общая территория и язык были важными признаками государства, а оно само навязывало так называемую национальную

идентичность, то у белорусов её раньше в подобной форме просто не существовало» [92, с.11]. До этого и белорусская национальная культура не существовала в целостном виде как единство важнейших форм жизнедеятельности народа, а была представлена лишь отдельными слагаемыми, фрагментами – духовно-нравственными, художественными, традициями фольклора, крайне суженой сферой бытования национального самосознания, языка, литературы, театра. И тем не менее, национальное самосознание пусть и медленно, вначале как этническое, формировалось, о чём свидетельствует хотя бы самоназвание «тутэйшыя». Позже, в процессе консолидации белорусской нации этническое самосознание переросло в национальное.

Национальная идея имеется у каждой нации, в том числе и у русского народа, столь тесно связанного с белорусским. Однако там национальная идея несколько иная, основывается на соборности. В противоположность западной цивилизации с её апологетикой индивидуализма, меркантилизма, протестантизма русская и белорусская национальные идеи имеют немало общего, наиболее адекватно выражающего и мироощущение, и мировосприятие двух народов. Но вместе с тем они и отличаются друг от друга, так как формировались и осмысливались в контекстах не совсем одинаковых мировоззренческих установок, основывались во многом на разных культурно-исторических и политических традициях.

Историко-философский подход к рассматриваемой проблеме сводится к анализу уровня и способа постижения национальной идеи в пределах определенного мироощущения. Ее следует анализировать как составляющую соответствующего мирозерцания, которое, в свою очередь, основывается на тех или иных общефилософских принципах. Становление белорусской национальной идеи проходило в пределах установки, основывающейся на антропоцентризме, христоцентризме и белорусоцентризме. Патриотическая белорусская идея, начиная с этнического самосознания в белорусских летописях и хрониках и до концепций национальной независимости XX в., проходит через всю письменную культуру Беларуси. В

летописях патриотизм считается одним из главных положительных качеств человека, необходимой предпосылкой принятия им правильных и разумных решений. Вплоть до XVIII в. в Великом Княжестве Литовском патриотические настроения поддерживались государственным статусом белорусского языка, всей совокупностью местного быта. Последующие полонизация, а затем и русификация нанесли значительный ущерб национально-политическому сознанию белорусов. И тем не менее «белорусскость» не была убита.

Белорусский народ – часть славянства, наделенная индивидуальными чертами. Он призван выполнить свою миссию, но не по отношению ко всему человечеству, а лишь по отношению к славянству, в пределах славянского мира. Эта миссия определяется не божественным промыслом, а историческими традициями народа, которые белорусские летописи связывают, с одной стороны, с идеей свободы, а с другой – с отстаиванием своей веры. Утверждение идеалов свободы и равенство славянских народов – вот в чем видят авторы белорусских хроник служение, призвание, миссию Беларуси. В полном смысле белорусское этнонациональное движение началось только в 30-е годы XIX века. Его первые проявления можно обнаружить в литературных трудах Каэтана Кассовича в газете «Молва» (1835г.). Затем нельзя не вспомнить литературную и общественную деятельность братьев Гримоловских - Валериана, Клеменса и Юлиана. Они были первыми, кто опубликовал свои стихотворения на белорусском языке (1837г.). Однако наиболее плодотворной в разработке белорусской национальной идеи была литературная и общественная деятельность Яна Борщевского, непосредственным продолжателем которого в 50-е годы XIX века стал витебчанин Артем Вярига — Даревский. Еще большее развитие белорусская национальная идея получила во второй половине XIX века. В 60-е годы она находит свое реальное практическое воплощение в деятельности революционных демократов во главе с К. Калиновским. В этот период белорусская национальная идея включала в себя тезисы о воссоздании независимого государства Беларуси и Литвы, придании белорусскому языку статуса литературного и государственного, о поддержке униатства как

«белорусской» ветви христианства. Однако завершение формирования белорусской национальной идеи происходит только в 80-е годы. Окончательно ее формируют теоретически и как определенную политическую программу белорусские народники, объединенные вокруг журнала «Гоман» (1882-1884гг.). Гомановцы глубоко осмыслили аутентичность национальной индивидуальности своего народа, его потенциальные возможности, увязав национальные интересы Беларуси с общими задачами борьбы против абсолютистского режима [54, с. 94].

Неблагоприятные политические условия последней трети XIX — начала XX века вынудили гомановцев и нашенивцев (1906-1915гг.) выдвинуть на первый план идею политической автономии Беларуси в составе Российской империи, однако, когда ситуация изменилась, белорусские деятели вновь вернулись к идее К.Калиновского о полной независимости Беларуси. Дальнейшее развитие белорусская национальная идея получила в произведениях Ф.Богушевича, М.Богдановича, Я.Купалы, Я.Коласа, М.Горецкого, А.Луцкевича, В. Ластовского, Я.Лёсика и др.

Таким образом, белорусская национальная идея, как и политическая культура белорусов в целом, прошла длительный путь становления: от слабо осознанных, недостаточно оформленных представлений об особенностях территории Беларуси и ее населения до четко выраженного стремления к созданию национального белорусского государства, в рамках которого белорусы смогут с наибольшей эффективностью развивать свою государственность, экономику и культуру, взаимодействуя с другими народами, широко используя их опыт, а также обогащая их своими собственными достижениями.

Каково же содержание белорусской политической национальной идеи на современном этапе? Ответ на этот вопрос, несомненно, связан с изучением и учетом такого явления, как общенациональные цели, на которых базируется национальная идея. В качестве таковых на сегодняшний день бесспорными являются: обеспечение суверенитета, национальной безопасности государства и его граждан, поддержание динамической стабильности общества, проведение

сильной социальной политики внутри страны, сохранение генофонда нации, обеспечение необходимого качества окружающей среды. Если говорить о национальной идее в общем плане, то в системе сегодняшних задач общенародное значение приобретает возрождение национального духовного наследия в широком смысле, национальных начал, возвращение белорусов к самим себе, т.е. формирование концептуально определенных взглядов на судьбу народа, создание на определенных объективных исторических фактах самой «теории» существования родины. Осуществление такой грандиозной задачи – важнейшее условие сохранения и упрочнения политической независимости молодого белорусского государства. Это главное. Во всяком случае, это ядро национальных целей, принимаемых подавляющим большинством населения страны. Можно не сомневаться, что при всем многообразии, несовпадении и даже конфронтации частных и временных целевых ориентаций общенациональные цели могут быть дополнены вполне определенной совокупностью более конкретных установок в социально-политической, экономической, культурной областях, также принимаемых большинством граждан.

Что же касается национальной идеи в международном аспекте, то, с учётом всего исторического опыта и традиций Беларуси, в качестве таковой следует признать строительство духовно-культурного и геополитического «моста» между Западом и Востоком, Западной и Центральной Европой, с одной стороны, и российской Евро-Азией – с другой.

Белорусская национальная идея - это осознание себя самостоятельным этносоциальным образованием; это философия, мировоззрение белоруса, осознание им своего национального и морального идеала. Нам необходимо разбудить национальную гордость, патриотизм и самоуважение народа, поднять белорусскую культуру, в том числе и политическую, до уровня других национальных политкультур.

Исторический опыт, мировая практика этнического развития, национальных отношений показывают, что только с помощью национальных

идей можно подняться до уровня идей общечеловеческих, общечеловеческой политической культуры. Национальная идея белорусского народа в наши дни — это, как уже отмечалось, идея национального суверенитета, независимости, национальной государственности, развития национальной культуры и языка, народных традиций и быта. Базовыми скрепами белорусской национальной идеи, политической культуры, по-видимому, можно считать принципы толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения в отношениях между народами. Историческое прошлое предоставляет нам немало свидетельств этнической и религиозной терпимости у наших предков, которая пережила века и оставила глубокий след в современном духовном, политическом облике белорусского народа.

Таким образом, концептуальное содержание национальной идеи складывается из познания истоков своей этнической ментальности, глубокого знания своей культуры, традиций, истории своего народа, из объективного установления особенностей национального характера, из глубокого осмысления современного геополитического положения нации, ее взаимоотношений с соседними народами и всем миром.

Главные проблемы современной политической культуры белорусов связаны с тем, что она является отчасти расколотой, в ней сосуществуют нормы и ценности подданнической культуры в смешении с элементами современной гражданской культуры. Иными словами, если определять тип политической культуры в Беларуси с помощью типологии Г. Алмонда и С. Вербы, то можно говорить о том, что в республике переплетаются подданнической черты и активистской культур. Однако более подробно об этом – в следующем разделе.

4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как мы уже отмечали, для политической культуры любого общества характерны свои особенности, которые отражают присущие только данному обществу нормы, ценности, стереотипы, формы политического участия и властных отношений. На политическую культуру накладывают отпечаток исторические условия и национальные традиции, мировоззренческие установки и религиозные верования, особенности геополитического положения того или иного этноса. Она является продуктом цивилизационного развития, восхождения человечества на все более высокие ступени культурного и нравственного бытия. Значительную роль здесь играет достигнутый уровень социально-экономического прогресса общества, политический режим, законодательная обеспеченность осуществления политических и гражданских прав, уровень образования, правовой культуры населения и многое другое.

В конечном счете все это наряду с общекультурным генотипом, который включает в себя устойчивые способы политической самоорганизации этнической общности, является системообразующим началом национальной политической культуры. Этот специфический стержень, называемый «архетипом», «генетическим кодом» или собственно «традицией», определяет национальный характер, политический менталитет каждой отдельной нации, задает ценностную легитимизацию соответствующего политического поведения. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности, политические культуры разных народов не являются замкнутыми. Претерпевая эволюцию и вбирая в себя свойства и достижения других культур, они несут на себе отпечаток всего политико-культурного многообразия человечества. «В современном мире не существует культурной чистоты, – пишет английский философ С. Бенхабиб. – Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных исключительно собственной внутренней логике, несостоятельна» [12, с. 122]. Этот процесс

взаимопроникновения и взаимообогащения усиливается в условиях глобализации, активизации диалога культур. Поэтому определить особенности, своеобразие, специфику политических культур различных народов довольно не просто. Необходимо учитывать множество взаимопересекающихся, переплетающихся факторов и моментов.

Возьмем, например, политическую культуру США. Что для нее характерно? Политическая культура этой страны во многом определяется традициями, принесенными с европейского континента первыми поколениями переселенцев. Иначе говоря, английские традиции стали одной из основ, на которых происходило становление американской политической культуры. Ко времени начала заселения колоний Англия была страной с давними, вековыми традициями парламентаризма. Идеи представительного правления, верховенства закона, традиции гражданских свобод и местного самоуправления, утвердившиеся здесь, были успешно перенесены на новую почву.

Основной стабильности политической системы США является Конституция, принятая более 200 лет назад, в 1787 г., и действующая поныне, в то время как в других странах конституции менялись не однажды. Причины такого «долгожительства» заключаются в том, что, с одной стороны, многие статьи Конституции США изложены очень коротко, гибкими формулировками, что позволяет по-разному трактовать конституционные нормы в зависимости от исторической обстановки. С другой стороны, в конституции заключена система поправок, что дает возможность дополнять ее новыми нормами и положениями. Большую роль в американской политической системе играет прецедент – понятие, унаследованное переселенцами от древней англосаксонской традиции, на основе которого в американском законодательстве возникли многие нормы, формально не являющиеся частью конституции, но имеющие силу конституционного закона.

Американцы гордятся своей конституцией, своей демократией по так называемым правилам «честной игры». В мире существуют различные, порой

диаметрально противоположные, скептические мнения по поводу этой демократии, но нельзя не признать, что в американской политической системе заложено много элементов, способствующих ее стабильности. Ее невозможно расшатать усилиями каких-либо деструктивных внутренних сил.

В целом следует отметить, что для политической культуры Соединенных Штатов характерно представление об особой значимости американской демократии, ее истории и принципов, ее превосходстве по отношению к политическим системам других стран. Здесь сформировалась идея об особой миссии, «предназначении судьбы» Америки, короче, идея о национальной исключительности американского народа как оплота свободы, хранителя демократических устоев. Убежденность в избранности Америки стала неотъемлемым элементом того сплава представлений, чувств и символов, который принято называть «американизмом».

Истоки «американской идеи» восходят еще к доктрине Монро – декларации принципов внешней политики США, провозглашенной в 1823г. президентом Джеймсом Монро. Доктрина предупреждала европейские державы о том, что любая их экспансионистская деятельность как в Северной, так и в Южной Америке будет расцениваться как угроза жизненным интересам США [71, с. 353]. Впоследствии она неоднократно использовалась для оправдания вмешательства США во внутреннюю политику латиноамериканских стран, т.е. фактически превратилась в инструмент завоевания пространства и превращения этого пространства в американскую континентальную империю.

Таким образом, идею «американской исключительности» можно свести к следующим положениям. США – уникальная страна, потому что она изначально развивалась особым путем, отличающимся от других стран. Благодаря этому именно там сложились наилучшие политические, экономические и культурные отношения для развития и реализации способностей человека, и потому США могут служить своего рода образцом для других государств. Поскольку американские ценности, такие как

демократия, свобода, права личности, являются лучшими и несут универсальный характер, то их должны заимствовать другие государства. Именно в этом заключается особое предназначение Америки – служить образцом для других народов и всячески способствовать распространению своих политических, культурных и иных ценностей в других странах, не останавливаясь вплоть до «принуждения к демократии».

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо отметить еще один важный момент: нетерпимость, которая присутствует в политической культуре США, но особенно остро проявляется в период кризисов, направляется на те группы граждан, чьи взгляды рассматриваются как антиамериканские. Эту норму американской политической культуры можно определить как нетерпимость ко всем взглядам и представлениям, не вписывающимся в рамки официальных представлений.

Говоря об особенностях американской политической культуры, необходимо отметить прежде всего ее прагматический характер: политика здесь выступает не в борьбе абстрактных сил добра и зла, а как столкновение групповых интересов, каждый из которых имеет право на существование. Главное, чтобы противоборство этих интересов осуществлялось по общепринятым здесь правилам.

Отличительной особенностью этой политической культуры является приверженность консенсусу по основополагающим базовым ценностям. Отсюда и стабильность данной политической системы.

Не менее важной чертой американской политической культуры является законопослушность граждан. Американцы уважают закон и ревностно следят за тем, чтобы власть тоже его уважала. Особенно жесткие требования предъявляются к высшим должностным лицам, которым неминуемо грозит отставка в случае вступления их в конфликт с законом, равно как и в случае нарушения моральных норм. Общественное мнение, средства массовой информации не допустят «спустить вопрос на тормозах».

Своеобразным моментом в политической культуре США выступает афроамериканский фактор, вернее, участие афроамериканцев в политике. По утверждению СМИ, именно афроамериканские организации и женское движение конкурируют сегодня между собой по степени влияния на социально-политические процессы в Америке. Темнокожие американцы по-прежнему продолжают активно отстаивать свои гражданские права; заметно также возрастание влияния ислама на афроамериканскую общину Соединенных Штатов [98, с. 112].

Так что эффект «плавительного тигля» не всегда просматривается в политической культуре Соединенных Штатов. Об этом с тревогой пишут многие американские исследователи: «Распространенные в свое время в США упования на то, что все группы иммигрантов будут ассимилированы в единую американскую культуру не оправдались. Так, многие американцы английского, ирландского, немецкого, скандинавского, еврейского, итальянского, африканского, мексиканского или азиатского происхождения сохраняют в вопросах политики и политического курса те же пристрастия, что и их этнические братья» [4, с. 105].

И в этом нет ничего необычного. В полиэтничном обществе, по видимому, и не может быть иначе. Главное – чтобы было согласие по основным, базовым ценностям в политике.

Несмотря на гомогенный в целом характер политической культуры США, специалисты выделяют в ней три специфические субкультуры: моралистическую, традиционалистскую и индивидуалистическую. Морализм предполагает оценку всего происходящего вокруг индивида сквозь призму этических норм. Обращение к ним происходит как при оценке собственных действий и намерений, так и поступков и взглядов других людей. Восходящая к пуританской традиции моралистическая субкультура рассматривает единение и сотрудничество членов общины как основу демократизации; активное участие в делах местного сообщества она полагает необходимым для всех граждан.

Установка на моральные оценки распространяется в американском менталитете и за пределы межличностных отношений. События политического характера также оцениваются сквозь призму нравственных категорий. Этот феномен был отмечен еще А. Токвилем [93, с. 222 – 228].

В южных штатах США сохранились элементы традиционалистской субкультуры, что проявляется в признании социальной иерархии, особом взгляде на отношения элиты и покровительствуемых ее социальных групп. В политическом процессе на Юге особое значение придается семейным, дружественным связям; здесь предпочитают иметь дело не с безличной «партийной машиной», а действовать через традиционные кланы. Немалую роль играет принадлежность политика к определенному социальному кругу, к семье с аристократическими традициями и т.д.

Индивидуалистическая политическая субкультура. Индивидуализм является самой яркой, доминирующей чертой американского национального менталитета. Именно индивид, а не общество, государство или семья рассматривается здесь как главная ценность. Политика понимается здесь как разновидность бизнеса, род политического торга, в котором стороны имеют взаимные обязательства, но каждая действует, исходя из собственных интересов.

Утверждению индивидуализма как ценности в общественном сознании способствовала прежде всего психология иммигрантов, которые, по различным причинам покинув родину, могли рассчитывать только сами на себя. Само собой разумеется, индивидуализм присущ не только американской культуре, но и европейской. Однако в Европе его развитию противодействовали феодальные традиции и связанные с ними корпоративизм и общинность. В Америке таковых не было, поэтому здесь так ярко проявился индивидуализм. В связи с этим невольно возникает вопрос: как же сочетаются в политической культуре американцев индивидуализм и морализм? Несмотря на взаимоисключающий характер, они уживаются в общественном сознании, поскольку оперирование этими понятиями происходит в разных обстоятельствах и сферах.

Индивидуализмом руководствуются тогда, когда надо что-то делать, а морализмом – когда надо рассуждать о том, как следует поступать правильно и справедливо.

А теперь обратимся к политической культуре Великобритании. Великобритания стала первой страной, где сформировалась политическая культура, в рамках которой начали эффективно функционировать политические институты и ценности либеральной демократии. Это государство с сильными традициями парламентаризма, которое характеризуется развитым гражданским обществом. Революция и гражданские войны XVII в., диктатура Кромвеля навсегда внушили британцам опасение перед радикальными формами социальных преобразований, научили ценить стабильность и порядок в жизни общества. С тех пор британскую политическую систему всегда характеризовало равновесие между правительственной властью и ограничениями, налагаемыми на эту власть. Ограничения выступали в форме широко понимаемых правил игры, например, оппозиции в парламенте; подотчетности сильной исполнительной власти парламенту и в конечном счете избирателям; различных политических и социальных, экономических сдержек и противовесов. Они позволяли поддерживать баланс между принципами свободы и порядка, между эффективностью действий правительства и его подотчетностью.

В Великобритании формально нет конституции. Как отмечают исследователи, «специфический характер британской конституции состоит в ее неписанном характере, а следовательно в особой системе регулирования отношений законодательной и исполнительной властей – не путем зафиксированных в конституции юридических норм, а фактически путем обычно-правовых прецедентов или система так называемых парламентских соглашений» [84, с. 71].

Отличительной особенностью политической культуры Великобритании является легитимность социально-политической системы, обусловленная не в последнюю очередь соответствующей социальной политикой государства.

Отсюда высокий уровень лояльности граждан к государственным политическим структурам, чувство гордости за отлаженный механизм их функционирования. По сравнению с другими странами Британию отличает низкий уровень политического насилия. Подчинение режиму основано на совокупности мотивов и санкций – привычке законопослушания, лояльности по отношению к нации и государству, личном интересе, вере в справедливость закона и неотвратимости наказания. Большинство британцев не представляет себе, что закон может быть не справедливым, не соответствовать нормам морали и т.д. Здесь нет зазора между нормами права и нравственностью, поэтому просто непонятны поговорки типа: «Как вас судить: по совести или по закону?», «От тюрьмы и от сумы не зарекайся» и некоторые другие. Здесь настолько велико убеждение в незыблемости закона, что, как показывают социологические исследования, около половины опрошенных высказывают убежденность в том, что закону надо подчиняться, даже если он ошибочен.

Политическое поведение англичан отличается, с одной стороны, их уверенностью в своей способности влиять на власти, с другой – определенной пассивностью, поскольку, доверяя правительству, они готовы воздержаться от активных политических действий. Правительство, таким образом, обладает достаточной самостоятельностью, чтобы действовать эффективно, оставаясь в то же время подотчетным гражданам. Вообще же из всех форм индивидуальных и коллективных действий британцы в основном ограничиваются голосованием, тем более что во время выборов проходит интенсивная политическая мобилизация избирателей политическими партиями [84, с. 86].

В целом же характер политического участия англичан обусловлен тем, что в британской политической культуре преобладает либеральная концепция гражданства как статуса, в которой акцент сделан на правах. Это облегчает выбор форм политического участия – преимущественно голосования и обращения к политическим лидерам. Изучение политического поведения показывает, что британских граждан нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо

активными. Г. Алмонд и С. Верба обнаружили несоответствие между политическим поведением опрошенных, с одной стороны, и их восприятием своей способности и обязанности действовать – с другой. По мнению исследователей, именно это позволяет сохранить баланс между властью правительственной элиты и ее ответственностью, поскольку принимающим решения необходимо верить в то, что обычные граждане обладают политическим влиянием [2, с. 124 – 125].

Знаковым элементом политической культуры Великобритании выступает парламент. Зародившись еще в Средневековье, в XIII в. как орган сословного представительства, в глазах монархической Европы английский парламент выглядел символом вольнодумства, свободомыслия и непозволительной демократии. В этой связи хочется привести цитату из романа В. Пикуля «Нечистая сила» о впечатлении, какое произвел английский законодательный орган на делегацию Российской Государственной Думы во главе с Протопоповым, побывавшей в начале XX в. в Лондоне: «Английский парламент и его нравы, – пишет В. Пикуль, – потрясли русских думцев. Впереди спикера бежали герольды, согласно древней традиции кричавшие: «Пусть иностранцы уходят! Пусть они уйдут...» Хвост черной мантии спикера несли пажи, на головах секретарей качались седые букли париков времен Кромвеля. Спикер садился на мешок с шерстью, а депутаты располагались на длинных скамьях, говоря свои речи – без вставания. И никто не кричал ораторам: «Федька, кончай трепаться... Ты опять выпил!» На все запросы парламента был готов ответ правительства, и невольно вспоминался Штюмер, ходивший в павильоне Таврического дворца по стеночке, крадучись, будто кому-то должен, но вернуть долг не в состоянии. Министры, отвечая парламенту, опирались на ящик, в котором лежали Евангелие и клятва говорить правду, только правду, еще раз правду! А вечером, напомнив легенды старого Лондона с ужасами убийств и грабежей, прошли по коридорам солидные привратники, выкрикивая старинный вопрос: «Кто идет домой? Кого проводить до дому?...»

Английские министры спрашивали Протопопова:

– Как могло случиться, что ваша страна, в которой все есть, ничего не имеет и постоянно содрогается в конвульсиях?» [69, с. 636].

То, что российским парламентариям казалось экзотикой, было данью уважения традициям парламентской процедуры и являлось вполне привычным, рутинным делом для самих англичан. Британцы всегда уважительно относились к своим традициям, к своему законодательному органу. Даже в трудные годы нынешнего финансового и экономического кризиса только менее 10 процентов опрошенных считают, что парламент работает плохо. Англичане видят в парламенте залог легитимности и стабильности политической системы, политических отношений. В общественном сознании здесь утвердилось мнение, что меры государственной политики не считаются легитимными, пока не одобрены парламентом. В политической культуре страны предпочтение отдается сильной исполнительной власти, но только в пределах, установленных парламентом.

Таким образом, основными особенностями политической культуры англичан являются приверженность демократии, ориентация на конституционные пути защиты своих интересов, лояльность к властям. Стабильность британского общества покоится на согласии относительно основополагающих ценностей общества, его целей и путей их достижения. Ориентиры основных политических сил – смешанная экономика, полная занятость, «государство всеобщего благосостояния». Согласие граждан с законами и нормативная поддержка режима, т.е. правление правительства с общего согласия граждан – ключ к легитимности политической системы.

Характерной чертой британской политической культуры является активная деятельность политических партий, общественных объединений и групп. Однако в наши дни граница между традиционными ценностями правых и левых сил оказываются настолько размытыми, что идеологические ориентиры лейбористов и консерваторов трудно различить. Их цели становятся все более прагматичными, сводятся к обсуждению различных сторон

управления, мелочей и деталей, а не к каким-либо радикальным планам перемен. Поэтому Великобритания является классическим типом стабильной двухпартийной системы «идеального типа» западной демократии [66, с. 104].

Немаловажно отметить и такую черту английской политической культуры, как постепенный, эволюционный характер развития страны. После XVII в. здесь не было никаких переворотов, революций и «скачков». Новые политические элементы органично включились в традиционные политические структуры. Такие демократические институты, как монархия и палата лордов, обычное право и наследственное пэрство были сохранены и приспособлены к новым условиям, а не упразднены. Не случайно Великобританию принято считать моделью политической модернизации с «низкими издержками».

Иной, нестабильный характер носит политическая культура Франции, что обусловлено историческими условиями, парламентной нестабильностью политической системы этого государства. Эта нестабильность проявляется в том, что, во-первых, в истории страны сменилось немало форм правления. Во-вторых, как мы уже отмечали, за последние двести лет государство сменило полтора десятка конституционных актов и избирательных систем. В-третьих, весьма разнообразны были способы замены одного режима другим: и революции, и перевороты, и вмешательство армии, и парламентская борьба. В-четвертых, исключительно подвижной выступает партийная система Франции. Все это не могло не наложить отпечатка на политическую культуру французского общества.

Французы гордятся своей революционной историей, борьбой за идеалы свободы и справедливости, своей длительной политической и идейной гегемонией в Европе, своим вкладом в развитие общечеловеческой культуры в целом. Лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство» надолго стал выразителем чаяний, символом борьбы за свободу миллионов масс во многих регионах планеты. Центральным элементом политической культуры Франции являлась республика как форма политического устройства. Республиканская традиция всегда содержит в себе

начала политического и социального согласия, уважения прав меньшинства и оппозиции, противодействия политическому экстремизму. В этом заслуга политической культуры Франции перед мировой политической культурой. Как пишет А.М. Салмин, «политическая культура Франции с ее наиболее «чистыми» и разнообразными формами политического поведения многие десятилетия была образцом для других стран: этим формам подражали, от них отталкивались, на них учились. Не случайно термины французского политического лексикона, потеряв связи с породившей их почвой, составляли и составляют по сей день основную часть общеевропейского и – шире – общезападного политического словаря. Чистота, отработанность, рациональность, но также и многообразие политических форм во Франции являлись основной причиной того, что значительная часть политических культур, весьма непохожих на французскую, продолжает говорить о себе «по-французски» [82, с. 195].

Во Франции во время Великой французской революции зародились понятия «правые» и «левые» политические силы, когда при обсуждении проекта Конституции на заседании Учредительного собрания 11 сентября 1789 г. депутаты, желавшие, чтобы король мог налагать вето на решение Законодательного собрания, сели справа от председателя, а противники королевского вето – слева. Этот символический эпизод имел далеко идущие последствия в противоборстве демократических и консервативных сил. И демократия во Франции развивалась совсем по иному сценарию, нежели в англосаксонских или скандинавских странах. Там она базировалась на непрерывно действующем избирательном механизме. Французская же демократия «на протяжении 200 лет действовала не столько в рамках существующих форм, сколько «через их голову», время от времени ломая одни формы и создавая другие» [82, с. 194]. Отсюда и определенная фрагментарность формы традиционной политической культуры Франции. Устойчивые расхождения по отношению к основным институтам политической системы долго не могли обеспечить ее стабильность и устойчивость

демократического процесса. Однако ныне эта фрагментарность не исчерпывает ее содержания. Устойчивые мировоззренческие позиции, обуславливающие политическое противостояние, все больше уравниваются в ней не менее прочными установками, препятствующими социальному расколу, ограничивающие опасный для общества идеологический активизм. Во французском обществе заметно падение интереса к так называемой «революционной политической культуре». Радикальные доктрины и идеологии находят все более отрицательный отклик в общественном сознании. Французские политологи пишут о возможности покончить с дихотомией разделения политических сил на правых и левых. Падает престиж так называемых коллективистских ценностей даже в «международной политической культуре Франции» [100, с. 146 – 147].

Во французском обществе на современном этапе хорошо заметно явное снижение интереса к политическим партиям. Граждане предпочитают создавать различные непартийные организации, ассоциации и объединения по интересам. На выборах «избиратели и левых, и правых партий при определении своего конкретного выбора оценивают не столько идеологическое обрамление того или иного правительственного курса, сколько его конкретное воздействие на повседневную жизнь, воспринимают его сквозь призму своих личных интересов и стремлений» [84, с. 118]. Это значит, что политическая культура Франции становится все более гомогенной.

Теперь о политической культуре Германии. Что касается политической культуры этой страны после Второй мировой войны, то в целом она характеризовалась глубокой аполитичностью граждан. Это явилось результатом чрезмерной «политизации» населения в период нацизма, разочарованием в прежних идеалах, что впоследствии породило негативное отношение ко всему, что связано с политикой. Политика стала рассматриваться не как потенциальное дело всего народа, а как дело тех, кому надлежит ею вестись. Подобные настроения отчетливо проявились как у лиц старшего поколения, так и у молодежи. Для последней особенно заметной стала

ориентация на ценности постиндустриального общества, в качестве основополагающей идеи которого на первый план выступает свободное самоопределение человека и идея качества жизни. Этому способствовало исключительно успешное экономическое развитие ФРГ, так называемое «экономическое чудо», интеграция страны в западное сообщество наций. Все это привело к значительному расширению слоев населения, обладающих средним достатком. Отсюда – высокая удовлетворенность уровнем и качеством жизни, существующей политической системой и демократией.

В ГДР в это время формировалась социалистическая политическая культура, хотя население в целом оставалось индифферентным к новым политическим идеалам и ценностям. Интересы людей замыкались на интересах семьи, друзей, знакомых по работе. Берлинская стена разделяла нацию надвое, что оказывало сильное влияние на политическое сознание граждан ГДР. Руководству страны так и не удалось навязать народу требуемую политическую культуру. Наряду с официальной социалистической политической культурой возникла реальная политическая культура в поведении и позициях большинства граждан ГДР, которая заметно отличалась от норм официальной политической культуры. Восточные немцы завидовали гражданам ФРГ, уровню их благосостояния.

Падение Берлинской стены и объединение двух Германий породило новые проблемы в политической культуре немецкого общества. «Сращивание» двух культур происходит не безболезненно, восточные немцы чувствуют себя как бы неравноправными, ущемленными, «нахлебниками» своих западных сограждан, в чем те не стесняются их упрекать. Отсюда и замедленность процессов интеграции [50, с. 66]. Сказывается различие того, что можно было бы назвать политическим менталитетом. Почти полувековое господство иного политического режима, иной идеологии не могли не сказаться на политическом мироощущении восточных немцев. Как отмечают исследователи, они «более авторитарны, чем западные немцы, в меньшей степени ценят права и свободы конституции и больше ждут от государства, которое они считают

ответственным за все проблемы. Экономическое положение дополнительно затрудняет идентификацию с новой системой. В то время как в Западной Германии с 1945г. экономическое и демократическое строительство шло рука об руку, современное введение демократии на востоке Германии означало введение безработицы, структурного кризиса и большого социального неравенства. Поэтому неудивительно, что в этих условиях уважение к демократии на востоке Германии выражено более слабо, чем на Западе. И все же подавляющее большинство бывших граждан ГДР против возврата к своей прежней системе. Они хотели бы пойти по «третьему пути», который интегрировал бы все преимущества западногерманской и восточногерманской моделей, т.е. демократическую свободу и высокий уровень жизни, всеобъемлющее социальное обеспечение и спокойную повседневную жизнь. Разумеется, такого рода «третий путь» является утопией» [84, с. 146 – 147].

Таким образом, политическая культура современной Германии представляет собой противоречивое явление. Она включает в себя элементы разных политических культур. Воссоединение обоих германских государств должно превратить их в единую политическую культуру. Этот процесс гораздо более длительный, чем экономическая и социальная инкорпорация бывшей ГДР в Федеративную Республику, ибо изменить давно практикуемый образ мышления и поведения гораздо труднее, чем учреждения. В этом деле определяющую роль играют условия жизни людей. Чем быстрее условия жизни в бывших землях ГДР сравняются с жизненными условиями остальной части Федеративной Республики, тем скорее и политическая культура бывшей ГДР приблизится в доминирующей политической культуре ФРГ.

Весьма своеобразно шел процесс становления политической культуры России. Огромное влияние на нее оказало географическое положение страны, которая расположена на пересечении двух типов цивилизаций: западной и восточной. Если для первой – европейской, как уже отмечалось, доминантной ценностью являлась личность, ее естественные права и свободы, то для второй – азиатской, была характерна социоцентрическая ориентация на общество,

коллектив, государство. Взаимодействие этих двух социокультурных типов неизбежно порождает борьбу между ними, а в условиях огромных территориальных пространств России с разнообразными типами этнических культур это способствовало формированию этатистской политической культуры, ибо только сильная государственная власть могла предотвратить опасность дезинтеграции. Государственность оборачивалась сакрализацией верховной власти, т.е. стойким ее восприятием как санкционированной некими внешними высшими силами. От отца-государя зависит благосостояние народа. Таким образом, истоки патернализма в политической культуре России – в ее историческом прошлом, в крестьянской общине, которая препятствовала становлению индивидуального начала в хозяйственной и духовной жизни. Отсюда – патриархальный характер российской политической культуры, вера в доброго царя, ожидание благ сверху, слабая ориентация на политические действия и т.д.

Значительное влияние на российскую политическую культуру оказала православная церковь с ее идеями соборности, государственной религии, государственной церкви. Являясь последовательницей византийской цивилизации, Россия восприняла от нее не только религию, но и культуру, в том числе мессианскую, имперскую идею, реализация которой привела к превращению страны в многонациональную империю. Мессианская направленность российской политической культуры после падения Константинополя проявилась в провозглашении Москвы как наследницы Византии Третьим Римом, а «четвертому не бывать».

Кроме влияния византийского наследия, специфика российской политической культуры определяется и отсутствием в России в прошлом таких социокультурных явлений как Возрождение и Реформация, оказавших огромное влияние на культуру западноевропейских стран в плане придания ей светскости, раскрепощения личности, формирования гуманистического мировоззрения и проч. В России же ценности индивидуализма, свободы совести, толерантности, компромисса не получили достаточного развития [46,

с. 23]. В результате всю политическую историю России можно представить как постоянное противоборство либеральных и патриархально-традиционных ценностей: с одной стороны – частная инициатива, стремление к самоутверждению в соревновании с другими, свобода совести и трудолюбие, ограничение роли государства в обществе; с другой – постоянные ограничения, общинность, соборность, коллективизм, при одновременной склонности к авторитаризму, лидерству харизматического типа, сильному государству. Отсюда и раскол в политической культуре, который начался с преобразований Петра I.

Революция 1917 г. еще больше усилила этатизацию всех сфер общественной жизни. Политическая культура приобрела полностью авторитарный характер. Роль и функции, которые в обоснование российской государственности выполняло православие, перешли к марксизму-ленинизму, ставшему единственной государственной идеологией. Интересы отдельной личности были полностью подчинены государству. На первый план выдвигались идеалы не свободы, а равенства. У людей формировались двойственные моральные принципы, конформизм, «идеология винтиков», убежденность в своей незначительности в делах общества и государства.

На современном этапе, в условиях перехода к рыночным отношениям, трансформации всех сфер общественного бытия формируется новая политическая культура россиян, однако происходит этот процесс не гладко и безболезненно, а с большими трудностями. И причины этих трудностей – в сложности осуществляемых экономических и социально-политических преобразований. Не прошло и десяти лет, как, эмоционально восприняв реформы в начале 1990-х годов, российские граждане стали настороженно относиться к либерально-демократическим ценностям, прежде всего потому, что не почувствовали улучшения своего материального положения; более того, часть населения просто обнищала. Так что настороженность имеет объективные социальные основания. По данным экономистов, после всех этапов проведенных экономических реформ и результатов приватизации на

сегодняшний день в России 15% населения имеют 92% всех доходов от собственности, а 85% населения не имеет практически ничего. И это при традиционном существовании в российском менталитете такой черты, как стремление к общему благу. За 15 лет реформ (1990 – 2005 гг.) доходы 3/4 части населения уменьшились в 5,5 раза, а государственных чиновников – увеличились в 1,3 раза. Стоимость самого необходимого социального набора выросла более чем в 100 раз [83, с. 3]. Как отмечают исследователи, «в период после 1991 г., вопреки надеждам первых лет перестройки, разрыв между властью и обществом, вероятно, достиг критических пределов. Обещания демократических руководителей во многих случаях оказались на деле не более чем лицемерной демагогией, а избранный курс реформ довел престиж власти в глазах большинства россиян до катастрофически низкого уровня» [15, с. 11].

Фактором, затрудняющим формирование новой политической культуры в России, является также кризис политической социализации. Одной из основных причин данного кризиса стало не только отсутствие «национальной идеи» и ценностных ориентиров, интегрирующих граждан в новое социально-политическое пространство, но и отказ государства с самого начала реформ от выполнения своих непосредственных социализационных функций, в том числе по обеспечению условий функционирования институтов политической социализации.

Как известно, законодательством многих стран предусматриваются меры против безответственности политиков, высших должностных лиц – парламентариев, членов правительства, президента. В новейшей истории немало примеров того, как «неуспешных» политиков, не говоря уже о нарушивших закон, отправляли в отставку. В России же, как отмечают исследователи, ни правительство, ни Федеральное собрание, ни губернаторы фактически не перед кем не несут ответственности за свои дела: «Отсутствует всякая система ответственности власти. Предусмотренная Конституцией ответственность за злоупотребления, беды, несчастья, которые приносит власть, сопровождается отсылками к федеральным законам, которых не

существует в природе. Политическая реальность, совокупная правовая база в России, деятельность части СМИ препятствуют реализации принципа ответственности высших должностных лиц и ведущих политиков. Отсутствует практика отчетов президента, главы правительства, депутатов перед избирателями и т.д. Не действует норма досрочного отзыва депутатов за бездействие или низкую эффективность работы. Не существует и института отставки политиков, должностных лиц как формы ответственности – они в основном либо снимаются с должности, либо уходят со своих постов по иным причинам. Ответственность за содеянное здесь не фигурирует. Утвердившаяся привычка возлагать ответственность за провалы политики на важные по отношению к власти факторы – на «родимые пятна» социализма, прошлых властей и лидеров, сменившиеся правительства, исчезнувшие партии, на российский народ, климат и т.д. – свидетельствует о незрелости власти и политиков, их инфантильности и неспособности взять на себя ответственность за собственные дела» [58, с. 38].

Отсюда недоверие к власти, политическая апатия, пассивность, нежелание участвовать даже в выборах. Об этом свидетельствует наблюдающаяся из года в год тенденция увеличения уровня абсентеизма [77, с. 60]. Граждане просто не верят в возможность с помощью выборов что-либо изменить, решить свои проблемы. Поэтому для предотвращения срыва выборов из избирательного законодательства был исключен порог явки избирателей на голосование. Теперь выборы депутатов Государственной Думы РФ считаются состоявшимися при любом числе избирателей, принявших участие в голосовании.

С одной стороны, невысокую политическую активность российских граждан можно объяснить отсутствием исторических традиций политического участия. За многие века власти приучили народ относиться к политике как к уделу только правящей элиты. Но, с другой стороны, снижение политического участия российских граждан объясняется и отсутствием открытых и действенных каналов взаимодействия между обществом и государством. Когда

результаты выборов становятся предсказуемыми и predetermined, то граждане просто отказываются принимать участие в заранее разработанном сценарии, имитирующем функционирование в обществе демократических структур.

Все это свидетельствует об отчуждении населения от власти, политических институтов, отстраненность масс от политической жизни, об убежденности людей в том, что рядовые граждане едва ли могут повлиять на проводимую властями политику.

Граждане хотели бы жить достойно в цивилизованном и стабильном обществе, где соблюдаются законы и порядок. «Нельзя не отметить, – пишут российские исследователи, – что после радикально-либеральных экспериментов 1990-х гг., обусловивших российскую государственность, значительная часть населения страны рассматривает восстановление и даже ужесточение властной вертикали как необходимую компенсацию за разгул анархии и вседозволенности. Современное российское общество устало от неупорядоченности и беззакония. Не получив гарантии общественной стабильности от «демократических реформ», большинство общества разочаровалось в подобной демократии и готово предпочесть такую форму правления, которая обеспечит долгожданный порядок [15, с. 11]. По данным опроса Аналитического центра Левады, в ответ на вопрос, что для вас важнее – порядок или демократия? – 70% респондентов назвали порядок и только 27% отдали предпочтение демократии [41, с. 262].

Какой вывод можно сделать, суммируя все изложенное? Вывод напрашивается сам собой. В России существуют все типы политической культуры и ее субкультур: и патриархальная, и подданническая, и активистская. Однако, по мнению исследователей, доминирует патриархально-подданническая и подданническо-активистская. Что касается политических субкультур, то в соответствии с особенностями социальной структуры общества выделяют политическую субкультуру молодежи, женщин, интеллигенции, творческой элиты, служащих государственного аппарата,

деревенскую, городскую, этническую субкультуру и т.д. По другим основаниям выделяют авторитарную и демократическую, массовую и элитарную, либеральную, консервативную и социалистическую политические культуры. Последнюю градацию, на наш взгляд, больше можно отнести к типологии.

Однако особенность современного этапа политической культуры российского общества не столько в разнообразии субкультур, сколько в том, что многие из них охвачены скрытой и явной борьбой, столкновением. Основными линиями конфронтации выступают демократизм-авторитаризм, социализм-капитализм, центризм-регионализм, глобализация-изоляция и т.д. Многообразие таких линий свидетельствует об отсутствии политического базового консенсуса, общенационального согласия, о разладе между социальными слоями общества.

Существуют и другие типологии российской политической культуры. Например, В.И. Костенко и В.Д. Перевалов пишут о ее расколе на два вида: «Уже в начале XXI в. перед нами собственно два блока политических культур. Из общего исторического корня появляется блок политических субкультур социально-политических верхов и массовая политическая культура низов. Причем попытки нового прозападно ориентированного слоя служивых людей превратиться в управляющее сословие начались еще в первой половине 90-х XX в. Так, «Демократический выбор в России» в 1993 г. организовал и возглавил Е. Гайдар, бывший председатель Правительства РФ. К партиям низов традиционно относят КПРФ, Аграрную партию и ряд других. Политическая культура верхов, прозападная, маргинальная, возникает как вариант западной трансформации российского общества; народная политическая культура – почвенная. Раскол между ними постоянно увеличивается, как бы повторяя рисунок светской и народной политической культуры XVIII – XIX вв. Это начало цивилизационного раскола. Ощущая его, многие авторы обвиняют в этом традиционную народную культуру, которая якобы не поддается никаким трансформациям. Такая мысль звучит в работах В. Булгакова, Т. Малова, И.К. Пантина, Л. Шевцовой, Е.Б. Шестопала, Ю.С. Пивоварова и многих других»

[39, с. 45]. Среди последних работ этих других можно назвать статью Э.В. Рогозина «Традиционная политическая культура, ее функции и роль в политических процессах современной России» [78, с. 134].

О политической культуре «верхов» и «низов» в России, условно называя первую «нефтегазовой», а вторую – культурой «резервации», пишут и другие исследователи, например, И.И. Глебова, А.В. Бондар. Что раскол между этими двумя типами культуры столь же глубок, как в дореволюционной России и его нельзя свести к обычному противостоянию верхов и низов, характерному для любого общества. Что этот раскол воссоздал ситуацию двух России и обрек их на борьбу по фундаментальным вопросам общественного бытия. Что высший слой полностью замкнулся в себе и на себя, его не волнует «почва», ее проблемы, интересы, ценности и то, как она выживает [23, с. 34; 15; с. 9].

О необходимости примирения западников и почвенников говорил бывший митрополит Смоленский и Калининградский, а ныне Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая в июне 2006 г. с лекцией в Российском государственном гуманитарном университете. Для этого, указывал владыка, почвенникам необходимо отказаться от «совершенно особого» русского пути экономической модернизации России, именно экономической модернизации, потому что такого особого пути просто не существует. А либералам, западникам следует перестать отождествлять модернизацию в вестернизацией страны. Перенимать чужой опыт россияне должны критически, рационально, чтобы Россия осталась Россией, не утратила «свою национальную самоидентификацию» [106].

Если попытаться определить основные особенности российской политической культуры в историческом плане, то сами российские политологи часто говорят о гетерогенности, антиномичности, многослойности национальной политической культуры. Большинство ученых обнаруживают в российской истории устойчивые базовые характеристики политического устройства, в основе которого лежали авторитаризм, персонализм, вождизм. Исторические особенности обусловили также появление таких черт

национальной политической культуры, как этатизм, вытекающий из доминирующей роли государства по отношению к обществу, патернализм и клиентелизм, «выключенность» широких масс из повседневного политического процесса, правовой нигилизм как «низов», так и «верхов». Особенности российской политической культуры традиционно связывают и с длительным господством коллективных форм жизни, незначительной политической ролью механизмов самоуправления и самоорганизации общества.

Что касается характерных черт политической культуры современной России, то общепризнанными являются прежде всего ценности коммунитаризма, т.е. приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы, персонализированное восприятие власти, предрасположенность к конформизму, подданническое отношение к власти, правовой нигилизм, некритическое восприятие зарубежного опыта и некоторые другие.

Таким образом, политическая культура современного российского общества находится в состоянии своего становления, испытывая серьезное воздействие со стороны геополитических, исторических факторов и радикальных преобразований, происходящих в нем сегодня. Она внутренне не просто дифференцирована, но даже расколота на противостоящие, конфронтующие образования. Такая расколотость, внутренняя противоречивость политической культуры не может быть основой стабильного развития общества и государства. Свое предназначение в качестве инструмента консолидации общества и его переустройства политическая культура может выполнить лишь при условии преодоления конфронтации различных в ней направлений, взаимодействия их на основе некой общей объединяющей национальной идеи. В сложившихся условиях актуальной задачей, стоящей перед политической и интеллектуальной элитой российского общества является формирование национальной идеи, государственной идеологии, ценностей и норм, которые могли бы объединить общество, преодолеть его раскол.

Что касается политической культуры Беларуси, то здесь необходимо отметить, что она тоже формировалась на пограничье западной и восточной цивилизаций, на основе взаимодействия с культурами многих этносов: литовцев, поляков, русских, евреев, татар и др. Белорусские земли входили в состав различных полиэтнических государственных образований – Древнерусское государство, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитую, Российскую империю, СССР. На формирование политической культуры Беларуси оказал влияние и такой фактор, как существовавшие на ее территории этносов разных религиозных и духовно-культурных ориентаций: православной, католической, протестантской, иудейской и проч.

Существование на белорусских землях этих далеких от согласия между собой конфессий отрицательно сказывалось на формировании этнического самосознания белорусов, и по этой причине на их духовной и политической культуре. Благодаря религиозному плюрализму многие ученые и в России, и в Польше не видели в коренном населении Беларуси целостного этноса, единой политико-культурной общности.

Не имея своей подлинной национальной государственности, входя в состав различных государственных формирований, белорусский народ подвергался национальному, религиозному, культурному и языковому насилию и гнету. Не случайно много веков подряд у коренного населения Беларуси отсутствовало даже единое самоназвание (этноним). Наши предки называли себя литвинами, русинами, западными русскими, белорусами, а часто просто тутэйшыми, т.е. местными, о чем писал еще Я. Купала.

Об уровне национального самосознания белорусов свидетельствует хотя бы то, что после распада СССР Беларусь оказалась, пожалуй, единственной республикой на постсоветском пространстве, где не наблюдалось проявлений национализма, где население предпочитает общаться на неродном языке. Скажем, у литовцев, эстонцев, украинцев проявления националистических настроений имели место даже во времена СССР. Мы оставляем в стороне вопрос о том, хорошо это или плохо, но примечательно,

что уже в наши дни некоторые польские, российские, да и наши ученые считают, что процесс консолидации белорусов в нацию еще не завершен.

Значительное влияние на формирование этнического менталитета белорусов, а следовательно, и их политической культуры, оказало господство в Беларуси в течение длительного времени общинных, коллективистских начал общежития и образа жизни, основанных на взаимопомощи в взаимоподдержке, доминирование принципа групповой справедливости над принципами индивидуальной свободы и самоопределения, характерного для западной цивилизации. Такое положение было вызвано экстремальными условиями существования в зоне рискованного земледелия, длительным сохранением сельской общины, которую не могла разрушить до конца даже столыпинская аграрная реформа начала XX в.

Таким образом, формирование политической культуры Беларуси на стыке двух цивилизаций – западной и восточнославянской имело и отрицательные, и положительные последствия. С одной стороны, это выразилось в подавлении национального начала более сильными соседями, с другой – это способствовало формированию самобытной культуры, которая интегрировала, вобрала в себя лучшие достижения восточной и западной культур, исключая все негативное, например, проявления как тотального экспансионизма, так и крайнего индивидуализма. Синтез признаков различных систем часто дает жизнеспособные организмы. Как отмечает В.В. Кириенко, «этнообразующие, природно-климатические, геополитические и социокультурные условия, формирующие белорусский этнос, отличающиеся от условий формирования других, в том числе и родственных, славянских – великорусского, малоросского и польского этносов, предопределили не только общие славянские, но и специфически-национальные, белорусские ментальные характеристики» [38, с. 303].

Если бросить ретроспективный взгляд на формирование политической культуры на землях Беларуси, то следует сказать, что в условиях феодальной раздробленности в ней наличествовали в основном элементы патриархальной,

подданической культуры. Неграмотное крестьянство, лишенное информации о жизни общества, проявляло слабый интерес к политике. В большей степени этот интерес обнаруживался в среде богатой части населения, магнатов, шляхты и т.д.

В эпоху белорусского Возрождения и Реформации (XIV – XVII вв.), которая совпала со становлением и расцветом Великого Княжества Литовского, был заложен фундамент не только белорусского культуры в целом, но и самобытной политической культуры в частности. В этот период сформировались устойчивые черты национального характера, менталитета белорусов, отражающиеся в их политической культуре.

Вхождение белорусских земель в состав Речи Посполитой (1569 – 1795 гг.) оказало двойное влияние на дальнейшее формирование политической культуры Беларуси. С одной стороны, с подписанием Люблинской унии в 1569 г. в Беларуси пришли польское право, польская культура, польский язык, которые стали постепенно вытеснять национальную культуру, право и язык. Власть с помощью католической церкви стремилась ассимилировать белорусов путем полонизации, устранения языка, традиций, обычаев, национального самосознания. С другой стороны, нахождение белорусских земель в составе Речи Посполитой способствовало проникновению в нее либерально-демократических ценностей Западной Европы: индивидуализма, парламентаризма, идеи свободы, личной независимости и проч.

И все же доминирующим оказался процесс денационализации. Если на начальных этапах процесс консолидации белорусского этноса шел по европейскому образцу, имея в качестве социальной основы магнатов, шляхту, горожан, то в последствии в XVIII в. его социальная структура сильно изменилась. Белорусов среди полонизированной шляхты «третьего сословия», горожан почти не осталось. Не было национальной интеллигенции, купечества и офицерства, которые могли бы стать авторитетными творцами и носителями национальной идеи. Мелетий Смотрицкий еще в 1610 г., оценивая факт перехода отечественных князей из веры предков в «латинскую веру»,

вопрошал: «Где нынче князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские?» [88, с. 631]. Как известно, они «перестроились» в соответствии с «законом диалога культур», стали польскими князьями. То же самое можно сказать о небезызвестных представителях родов Хадкевичей, Сапег, Воловичей, Тышкевичей и др.

Хранители белорусской культуры, языка и традиций оказалось лишь белорусское крестьянство. Об этом разрыве в развитии белорусской культуры с горечью писал еще М. Богданович. В статье «Белорусское возрождение» он показал, что белорусская культура, развивавшись «на древнеславянских корнях», в XIV – XV вв. сблизилась с западноевропейской культурой, пережила в XVI столетии свой «золотой век». За ним последовал период упадка и «к концу XVII столетия летаргия белорусской национальной жизни обозначилась вполне ощутительно». Это была та самая ситуация разрыва в развитии культуры, вызванная «денационализацией белорусской шляхты и мещанства, в результате которой «белорусский народ не только не смог продолжить развитие своей культуры, но не был в состоянии даже просто сберечь уже добытое раньше [14, с. 262 – 263].

С конца XVIII в. белорусские земли стали неотъемлемой частью Российского государства. Влияние российской политической культуры не могло не оставить свой отпечаток на политическом сознании и поведении белорусов. Индивид и общество рассматривалось здесь как пассивные субъекты социально-политического процесса. К тому же по отношению к населению Северо-Западного края, т.е. к белорусам, проводилась русификаторская политика. В 1832 г. в делопроизводство края был введен русский язык, а в 1840 г. вышел закон, отменивший местное право для всех западных губерний России. Предполагалось, что это усилит здесь три опоры царизма: самодержавие, православие, народность. Однако идеи национальной независимости, по крайней мере, национально-культурной автономии, никогда не затухали в сознании белорусского народа. А в последней трети XIX – начале XX в. политической культуре Беларуси произошли значительные сдвиги:

возникает национально-сознательная интеллигенция. По данным переписи 1897 г., к белорусам причисляли себя 40% чиновников, 10% юристов, 20% врачей и 60% учителей [84, с. 200]. В начале XX в. были созданы первые политические партии, началась разработка национальной идеи.

Таким образом, со времен Великого Княжества Литовского политическая культура Беларуси характеризуется определенным дуализмом. В ней присутствовали элементы патриархальной, подданической и отчасти активистской культур. Она представляет собой взаимодействие двух социокультурных и политических потоков, ориентирующихся главным образом на ценности корпоративизма, соборности, справедливости, равенства, отличается приверженностью патриархальным традициям, безропотным подчинением властям, почитанием верховного правителя. Другой социокультурный поток, другая политическая культура белорусского общества больше опиралась на демократические традиции, содержала ценности свободы, индивидуализма, плюрализма, прав человека, возможности для рядовых жителей принимать участие в местной общественной жизни посредством таких демократических институтов средневековья, как вече, городское самоуправление, предоставленное многим городам Беларуси согласно магдебургскому праву, общинное управление, эпизодические формы республиканского правления, опыт либеральных реформ, парламентаризм и даже многопартийность в XX веке.

Большое воздействие на политическую культуру белорусского народа, как и всех народов бывшего СССР, оказала практика строительства и функционирования социалистического общества, а также монопольное господство коммунистической идеологии. Это нашло отражение в дальнейшем утверждении коллективистских этатистско-патерналистских ценностей, отказе от принципов индивидуализма, частнособственнических отношений и религиозных воззрений. Иначе говоря, политическая культура Беларуси развивалась в русле тех политических и культурных процессов, которые происходили под влиянием КПСС и руководства советского государства. Это

означало дальнейшее ослабление национальных черт белорусской культуры, в том числе политической.

Таким образом, длительное господство авторитарных режимов на территории Беларуси, преобладание государственных форм регулирования общественной жизни приводило к ограничению индивидуальной свободы, инициативы и политической активности, снижению чувства личной ответственности и самостоятельности, формированию ориентации при решении личных проблем на государство и харизматического лидера.

Развитие политической культуры Беларуси в нынешних условиях представляет собой сложный и противоречивый процесс. Политическую культуру белорусского общества можно охарактеризовать как неоднородную, гетерогенную структуру переходного типа, включающую в себя различные политические установки, ориентации, взгляды и устремления. Часть населения ориентируется на традиционные ценности – стабильность, порядок, социальную справедливость, государственное регулирование основных сфер общественной жизни. Другие отдают предпочтение либерально-демократическим ценностям: утверждению прав и свобод, созданию правового государства и гражданского общества, свободе частного предпринимательства, конкуренции. И вместе с тем в политической культуре Беларуси можно выделить основополагающие, доминирующие особенности или черты, характерные для большинства граждан. Эти особенности обуславливаются в конечном счете национальным характером народа.

Что такое национальный характер? Национальный характер включает глубинные, базовые социально-психологические черты, мировоззренческие архетипы, определяющие мироощущение человека, его восприятие окружающей действительности и себя в ней. Национальный характер белорусов сложился под влиянием соответствующих природно-климатических условий и географического положения Беларуси на пересечении европейских дорог. На ее территории произошло огромное количество войн, но это были чаще всего «внешние войны», которые велись за интересы сопредельных

государств. Это повлияло на формирование у наших предков немилитаристского сознания. Известная покладистость белорусов, их спокойствие, уравновешенность, хозяйственность, бережливость, законопослушание, бесконфликтность, религиозная терпимость – эти качества в определенной мере формировались как приспособительные механизмы в условиях частных войн и лишений. У белорусов отсутствует чувство национального превосходства над представителями других национальностей. Вместе с тем для значительной части наших граждан характерны пассивность и нерешительность, отсутствие настойчивости и рискованности. Многие исследователи отличают такую черту современных белорусов, как упорный повседневный труд. Во многом эти черты влияют в настоящее время на политическое поведение граждан.

Одной из главных черт политической культуры белорусов является толерантность, т.е. высокая степень национальной, расовой, политической, конфессиональной и других видов терпимости. В науке под толерантностью понимается «готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных. При этом даже в том случае, когда эти убеждения, взгляды тобою не разделяются и не одобряются [94, с.9].

Говоря о толерантности белорусов, обычно выделяют такие черты, как рассудительность и поиск справедливости без насилия, стремление к разумному компромиссу, терпимость, чуткость, уважение людей с иным мировосприятием и стилем мышления. В этой связи необходимо обратить внимание еще на одну особенность политической культуры белорусов – тяготение к политическому и идеологическому центру в спектре политических предпочтений. Даже в период обострения политических противоречий и подъема массовых движений в 1990-е годы численность радикально настроенных лиц здесь была небольшой. То же самое можно сказать и об ориентации граждан на использование ненасильственных средств при разрешении внутривнутриполитических конфликтов.

Наряду с толерантностью необходимо также отметить интровертный, так сказать, характер политической культуры белорусов, который проявляется в определенном консерватизме их политического бытия. Люди здесь тяготеют больше к малым социальным группам, нежели к большим политическим объединениям – партиям, общественным организациям и политическим движениям. Поэтому белорусский социум не готов к быстрым и радикальным переменам. Это является одной из причин постепенного реформирования политической системы и экономики страны.

Как уже отмечалось, развитие политической культуры в Беларуси в нынешних условиях представляет собой сложный и противоречивый процесс. Доминировавший в советский период тип политической культуры пришел в противоречие с современными тенденциями общественного прогресса. Необходимо формирование новой, демократической политической культуры, которая бы отвечала современным реалиям, основному вектору, тенденциям социально-экономического развития общества. А каковы эти тенденции? Как показывают данные социологических исследований, проведенных В.В. Кириенко, эти тенденции видятся гражданам в движении вперед через социально-экономическое реформирование и утверждение частной собственности. Опросы показали, что респондентов, предпочитающих двигаться вперед, по пути реформ, в 9 раз больше тех, кто хотел бы возврата к прошлому [38, с. 301]. Вместе с тем, приходит к выводу автор, «в мировоззренческой картине современных белорусов нет места для двух крайних путей общественного реформирования: как вульгарного уравнилельного социализма, так и примитивного «дикого» капитализма. Из двух рыночных путей общественного реформирования явное предпочтение отдается социально ориентированной рыночной экономике» [38, с. 294]. И дальше автор пишет: «Опираясь на мнение респондентов, схематично контур белорусской модели можно сформулировать следующим образом: через социально-экономическое реформирование, утверждение частной собственности; в движении на Восток, прежде всего через восстановление

необоснованно разорванных и формирование новых связей с братскими, прежде всего славянскими народами, так и на Запад, в мировое хозяйство, интеграцию в европейские, евразийские экономические и геополитические организации; через усиление дисциплины, порядка, ответственности на основе современной законодательной базы; через устранение уравнилельного принципа в распределении материальных благ и усиление защитных социальных механизмов недееспособных граждан» [38, с. 302].

Нарисованная картина полностью соответствует социал-демократической модели развития общества. Тот же эволюционно-реформистский путь движения вперед; компромиссность (взять все хорошее от капитализма и социализма); плюрализм различных форм хозяйствования будет способствовать становлению социально-ориентированной рыночной экономики.

В соответствии с социально-экономической и политической моделью развития общества будет развиваться и политическая культура. Она должна складываться как сложноструктурное сочетание характерных для нас национально-культурных и общедемократических ориентаций и ценностей. Как пишет М. Н. Кустовский и Б. М. Соколов, «политическая культура белорусского общества формируется на основе трех источников. Первый источник это политическая практика, включающая нормативные акты, государственные программы, неформализованные традиции политической жизни. Второй источник – зарубежный опыт и гражданская политическая культура, выросшая на основе традиций, рожденных европейскими революциями, в том числе и Октябрьской. Проблема в том, как идет заимствование из этого источника: хаотично или сознательно, с пониманием, что именно подходит для Беларуси. Третий источник – национальные политические традиции» [44, с. 115].

Носителем политической культуры является прежде всего индивид, личность как субъект политического процесса. В связи с этим встает задача воспитания политически грамотного человека, который за внешними

проявлениями способен видеть глубинные причины, основания и взаимосвязи политических отношений. Индивид способен стать подлинным субъектом политики, только овладев всем богатством политической культуры.

Процесс формирования политической культуры – это непрерывный процесс, осуществляемый как государственными, так и общественными институтами. Многое здесь зависит от средств массовой информации и системы образования всех уровней от школы до вуза. Нельзя сбрасывать со счетов и стихийные процессы политической социализации, т.е. постоянное воздействие на человека окружающей среды, накопление собственного политического опыта.

Немаловажную роль в формировании политической культуры играет идеологическая составляющая нашего государства. В этом плане для нас важен поиск идентичной, адекватной современному белорусскому обществу идеологии. Думается, что процесс определения идеологических приоритетов и консолидирующих общество идей у нас до сих пор не завершен. В этой связи нашему политическому истеблишменту и интеллектуальной элите предстоит немалая работа.

5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современная наука стремится изучать политическую жизнь на уровне публичных, сущностных оснований. Важнейшим направлением в этом контексте выступают исследования проблемы взаимовлияния политики и морали, в политической культуре, нравственных отношений в политической сфере, политической жизнедеятельности. «Сегодня, – отмечает немецкий политический философ Клаус Оффе, – необходимо слияние и взаимопроникновение политических и нравственных категорий, так как разделенность права и этики становится опасной» [67, с.6].

Нравственность – это то главное, что делает человека человеком. Не только «валовой продукт на душу населения» должен быть мерилем прогресса, но и «нравственность на душу населения», ибо все «прогрессы рушатся», если деградирует мораль. Лев Толстой в свое время писал: «Мы привыкли думать, что нравственное учение есть самая пошлая и скучная вещь, в которой не может быть ничего нового и интересного; а между тем вся жизнь человеческая, со всеми столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми от нравственности деятельностями, – и государственная, и научная, и художественная, и торговая – не имеют другой цели, как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины» [95, с.209].

Все эти вопросы о месте и роли нравственности в жизни человека и общества и особенно вопрос о взаимосвязи, взаимовлиянии политики и морали в наши дни вызывают живой интерес, никого не оставляют равнодушным, ибо касаются всех, не только ученых. Отсюда – многочисленные дискуссии, столкновение различных позиций, точек зрения, мнений.

Вопрос о содержании политики мы уже рассмотрели. А что такое мораль? В самом общем плане мораль – это воплощение гуманизма. Гуманизм с древних времен оказывал реальное воздействие на общество и политику

прежде всего через нравственность, мораль и право. Что такое гуманизм? Понятие гуманизма восходит к латинскому слову *humanus* – человеческий, человечный. Оно означает признание самоценности человеческой личности, её права на свободное развитие и проявление своих способностей, стремление к счастью, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Иначе говоря, в современных условиях под гуманизмом понимается не только мировоззрение, связанное с определенным взглядом на место и роль человека в мире, но и определенный образ жизнедеятельности человека и общества [42, с. 18].

Идеи гуманизма составляют ядро, общечеловеческое содержание морали. Воплощаясь в нравственном сознании и получая положительную и нравственную оценку, они становятся ориентирами и регуляторами деятельности людей, а некоторые из них затем получают юридическое закрепление в праве.

Мораль – один из основных способов нормативной регуляции и действий человека в обществе, система норм и правил поведения, определяющих обязанности индивида по отношению к другим людям и обществу в целом. Мораль регулирует поведение человека во всех сферах общественной жизни – в быту, труде, социальных отношениях, в том числе в политике, в категориях «должное – недолжное», «добро – зло», «право – не право» и др. Являясь формой нормативной регуляции и действий человека, мораль, в отличие от других подобных форм, например, права, осуществляется без посредства специальных учреждений. Выполнение требований морали может контролироваться любым человеком – авторитет какого-либо лица в отношении морали связан с его же моральными качествами, а не с официальными полномочиями.

Мораль – постоянное нормотворчество людей, жизненный процесс, в котором основная фигура – сам индивид, человек, творец своего бытия. Руководствуясь общечеловеческими нравственными требованиями в качестве идеально-должного он самостоятельно делает выбор своего поведения,

поступка, намечает цели и средства её достижения, исходя из реальных возможностей и конкретной ситуации. Отсюда ответственность за моральность выбора и деятельности человека.

Иными словами, мораль выступает как специфический тип регуляции поведения людей, направленный на его гуманизацию и получающий идейное выражение в общих фиксированных представлениях, заповедях, принципах о том, как должно поступать. Нельзя не согласиться с С.А. Азаренко, который подчеркивает, что принципы морали имеют всеобщее значение и распространяются на всех людей, фиксируя в себе то общее и основное, что составляет культуру межчеловеческих взаимоотношений, ценностный базис общества [1, с. 516].

Какова же взаимосвязь политики и морали, которая находит столь зримое проявление в политической культуре? Эта проблема во все времена привлекала внимание мыслителей и общественных деятелей. К этим вопросам обращались Платон и Аристотель, Макиавелли и Кант, философы эпохи Возрождения, Реформации, Нового времени, М.Ганди, Д. Неру, А. Швейцер, И. Бентам, Ж.-П. Сартр, Г. Маркузе и многие другие. Связь между этими, казалось бы, разнородными явлениями заключается в следующем. Политика представляет собой глобальный механизм, который способен изменять социальные отношения, создавать те или иные условия жизни для определенных групп населения и общества в целом. Она призвана согласовывать частные и общие интересы, разрешать и урегулировать противоречия и конфликты. В то же время реализация интересов людей непосредственно связана с нравственно-гуманистическими ценностями, которые призваны определять степень дозволенного при использовании властвующей элитой политических средств и методов.

В содержании политики и морали имеются и общие черты и отличия. С одной стороны, можно выделить такие общие содержательные свойства политики и морали, как универсальность, т.е. всеохватывающий характер, инклюзивность – возможность включения и проникновения в другие сферы, а

также атрибутивность – способность сочетаться с неполитическими и неморальными факторами. С другой стороны, можно выделить их общие функциональные свойства – социализация личности, регуляция поведения. И политика, и мораль имеют основание претендовать на защиту общего блага и социальной справедливости, хотя политика очень часто весьма далека от выполнения этих гуманных задач. Но возникла она всё-таки вследствие регулятивной недостаточности морали после распада родового строя, как её специфическое дополнение. Не случайно мыслители древности рассматривали политику как одну из ветвей этики. Разделение политики и морали и учений о них произошло лишь к концу Средневековья.

Несмотря на элементы общности, у политики и морали имеются и существенные различия. Важнейшим из них является конфликтность политики. Как уже отмечалось, политика представляет собой деятельность, направленную на разрешение социальных конфликтов, затрагивающих всё общество и требующих применения власти. Мораль же характеризует повседневные индивидуальные отношения между людьми, частным случаем которых являются конфликты, обычно не достигающие политической остроты.

Нравственность, в отличие от политики, не относительная, а постоянная величина. Это абсолютный закон, обязательный для совести всегда, везде и во все времена. Человек не может от него отказаться, не отрекаясь от высшего своего достоинства как разумно-нравственного существа. Осознание этого закона может быть недостаточно осмысленным, недостаточно прояснённым, но это не мешает ему быть безусловным мерилем человеческих действий, по которому современники и потомки будут оценивать поступки политических деятелей. В этой оценке политическое суждение и нравственное не всегда совпадают. Политика оправдывает успех, нравственная оценка может быть иная.

Несмотря на общность многих свойств, характеристик политики и морали, проявление этих взаимнопересекающихся характеристик в политике и морали опять-таки специфично, что во многом определяется местом и ролью

институциональных факторов в той или иной сфере. Функционирование политики во многом определяется такими институтами, как государство, власть, партии и другие политические объединения и структуры. Что же касается моральных норм, то они формируются в самой практике массового поведения, в процессе взаимного общения людей и находят отражение непосредственно в коллективных и индивидуальных представлениях, чувствах и воле. «Моральные нормы воспроизводятся повседневно силой массовых привычек, велений и оценок общественного мнения, воспитываемых в индивиде убеждений и побуждений». [1, с.517]

Объекты и субъекты политики тоже существенно отличаются от объектов и субъектов нравственности – общепризнанных норм отношений между людьми. Если бы все волнующие людей проблемы могли быть решены на основе моральных норм, то не было бы надобности ни в административно-правовом управлении, ни в политике. Однако в политике приходится считаться с тем, что нормы нравственности устойчивее и влиятельнее, меняются гораздо реже политических интересов, и политические проблемы люди обычно воспринимают с этической точки зрения. К политическим деятелям, их политической культуре предъявляются моральные требования. Поэтому всякая политика апеллирует к нравственности и каждый субъект политики стремится доказать, что его цели и средства наиболее нравственны. Более того, «политика апеллирует к морали, широко пользуется этической терминологией, лучше сказать, эксплуатирует её, ибо без этого невозможно превратить особенную волю во всеобщую, соединить всегда конкретный и строго персонифицированный властный интерес с безличным всеобщим благом» [59, с.135].

Говоря о различии политики и морали, нельзя не отметить также, что отличительной особенностью политики является опора на силу, использование принудительных санкций за невыполнение тех или иных требований. Политика, писал М. Вебер, «оперирует при помощи весьма специфического

средства – власти, за которой стоит насилие» [19, с.694]. Мораль же в принципе осуждает насилие и опирается главным образом на совесть.

Существенные различия между политикой и моралью неизбежно вызывают вопрос: возможна ли нравственная политика? Существуют различные подходы к трактовке взаимоотношения политики и морали, однако все их можно свести к двум основным. Первый – априорно рассматривает политику и мораль как вещи несовместимые: мораль имеет дело с абсолютными ценностями, это дело личной ответственности, политика оперирует целями и средствами, это область противоборства групповых интересов; она по определению не может быть нравственной, ибо это обрекает её на неэффективность. Эти взгляды восходят к макиавеллизму. Макиавелли утверждал, что политика должна учитывать конкретное состояние общественных нравов. Человек, желающий делать добро при безнравственном окружении ничего не добьется, не будучи реалистом, и погибнет. Поэтому ради спасения государства и порядка государь вправе использовать любые средства [48, с.58 – 63]. В наши дни, несмотря на объективную исчерпанность макиавеллистского подхода, его несовместимость с современным уровнем политической культуры, он по-прежнему жив, а некоторые политики даже не стесняются его открыто поддерживать.

Второй подход – политика и мораль совместимы – восходит к учению Аристотеля, видевшего в политике приложение этики к публичной сфере и рассматривавший этику как политическую науку [6, с.143 – 144]. Для Аристотеля забота каждого гражданина о благе своего полиса является естественным проявлением его природы в силу того, что мораль включена здесь в часть такой традиционной практики жизни, в которой стремление быть совершенным в своем деле не подвергается сомнению. Совершенство составляет неотъемлемый элемент счастья, и именно поэтому счастье есть жизнь в соответствии с добродетелью. В конечном счёте у Аристотеля всё определяется стремлением каждого явления к тому, чтобы соответствовать своему божественному предназначению. Политика в таком случае может быть

представлена в свете общего согласия по поводу оптимального устройства совместной жизни, и она в принципе не должна опираться на насилие.

Почему же политика часто представляется «грязным делом», злом, несовместимым с нравственностью? В жизни иногда получается так, что даже честные и благородные люди, попадая в политику, утрачивают свои лучшие качества, деградируют сами и ведут к деградации других. Объяснить подобные трансформации можно разными причинами. С одной стороны, опережающий рост потребностей человека наталкивается на ограниченные возможности их удовлетворения, порождая желание жить за счёт других. Политика открывает такую возможность, поскольку именно здесь происходит распределение и перераспределение ресурсов и благ, статусов и привилегий с помощью власти. И далеко не каждый выдерживает испытания, но поддаётся искушениям. С другой стороны, такого рода трансформации можно объяснить противоречием между личными и общественными интересами. Человек живёт в обществе и вынужден подчиняться тем правилам, которые сложились в нём. Тем самым общество контролирует, как бы ограничивает, «прессингует» личность. Возможность выйти за пределы этого контроля и предоставляет политика. И многие «выходят», если «позволяет» уровень политической культуры.

Отступлению от морали в политике способствуют также безличность, представительность и опосредованность осуществления политических решений. Эти решения обычно принимаются от имени народа, нации, избирателей, партии и т.д. И касаются они часто не конкретных личностей, а больших социальных групп и объединений. Те, кто принимает решения, сам непосредственно их не исполняет и подчас не видит и не чувствует негативных последствий своей политики, а если и видит, то они не затрагивают его личных интересов. Это тоже способствует негативному восприятию политики и соответствующему отношению к ней со стороны многих.

Думается, что утверждения о якобы несовместимости политики и морали принципиально расходятся с фундаментальным назначением политики как таковой и имеют не бескорыстную мотивацию. Они служат как бы

индальгенцией определенного рода политикам. Такие представления маскируют границу между политикой в подлинном смысле слова и политиканством, т.е. политикой, которая проводится, осуществляется не во имя общих интересов, а во имя интересов личных, шкурных, групповых, клановых.

Те, кто оправдывает игнорирование в политике нравственных ценностей, ищет моральное оправдание своим безнравственным поступкам и взглядам. Безнравственно, например:

- прививать народу мысль, что если в стране рынок, то всё остальное сложится и приложится само собой;

- считать нравственным всё то, что экономически выгодно;

- называть вора эффективным собственником;

- утверждать: «Что не запрещено, то разрешено», подменяя моральные отношения правовыми;

- полагать, что нахальство и наглость – это талант и конкурентное преимущество;

- цинизм, эгоизм и распущенность воспринимать как внутреннюю свободу;

- исключить из жизни понятие морального долга друг перед другом и обществом, заменяя его отношениями выгоды;

- считать, что хитрость и беспринципность – это ум и т. д.

В конце XX – начале XXI века, в наши дни, когда политика становится всё более публичной и народ стремится реализовать своё право и обязанность непосредственно участвовать в ней, политические деятели всё более осознают необходимость ориентации на проведение нравственной политики. Само собой разумеется, и в наше время политика плохо согласуется с моральными правилами абсолютного характера, например, с евангельской заповедью не противиться злу насилием. Политик в силу своих профессиональных занятий должен бороться со злом, в противном случае он несёт ответственность за его победу. И тем не менее имморализм, аморальность в политике не пользуются популярностью, по крайней мере, внешне, на словах. Морально оправданной

считается та политика, которая учитывает как частные интересы, так и волю всего общества, по крайней мере, большинства граждан. Правда, предполагается, что это большинство действует не только в своих интересах, но и в интересах меньшинства. Последнее, в свою очередь, признает решение большинства в расчёте на то, что в будущем его мнение и воля могут обрести статус большинства, хотя это далеко не всегда оправдывается.

Пример с евангельской проповедью о непротивлении злу насилием может вызвать представление о бессилии морали, её неспособности оказывать реальное влияние на политику. Однако в действительности это не так. Во-первых, современная политическая этика не отказывается от абсолютного, она учит видеть абсолютное за пределами относительного. Во-вторых, этика работает и с областью относительных ценностей. Задачей политической этики как раз и является разграничение таких принципов, которые нельзя нарушать ни при каких условиях, и таких, которые можно частично нарушать, выстраивать их определенную иерархию. Это своего рода компромиссный подход. Один из виднейших представителей этого подхода является М. Вебер. Он считал, что не следует полностью разделять этику и политику, хотя необходимо внимательно учитывать особенности последней, допуская возможность легитимного насилия в политике [19, с.701].

Для того, чтобы очертить границу влияния нравственности на политику, М. Вебер разделяет мораль на этику убеждений и этику ответственности. Этика убеждений означает неотступное следование нравственным принципам, независимо от того, к каким результатам это приведёт, не считаясь с затратами и жертвами. Этика ответственности, напротив, предполагает учёт конкретной обстановки, ориентацию политики в первую очередь на её последствия, ответственность политиков за результаты своих действий, провал или успех предпринятых начинаний.

По-иному рассматривает проведение справедливой, нравственной политики в обществе Дж. Ролз. Он предлагает два принципа справедливости. «Первый принцип: каждый должен иметь равные права в отношении наиболее

обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было разумно ожидать преимущества для всех, б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем» [79, с.66].

Разделение этих процессов основано на разделении условий: на те, которые являются одинаковыми для всех (общие гарантии основных прав человека), и те, которые отражают неравенство отдельных людей. Однако это неравенство организовано так, что оно служит общему благу, причем не в абстрактном смысле – благу всего общества, а конкретному благу каждого из его членов. Ролз считает, что возрастание степени неравенства в обществе допустимо, но при условии, во-первых, что не нарушаются незыблемые принципы, связанные с основными правами (например, не используется рабский труд), и, во-вторых, что в каждом конкретном случае от возрастания неравенства становится лучше и самому неимущему классу.

В проведении гуманной, нравственной политики в обществе, формировании соответствующей политической культуры немаловажная роль принадлежит государству. Именно государственные структуры определяют общенациональные интересы и цели. Поэтому важно, чтобы эти цели были нравственными. Не всякий государственный или народный интерес имеет нравственное право на существование. Народу, вернее, одной его части может быть выгодно кого-то притеснять, жить за счет других членов общества, но перед нравственным судом интересы притеснителей стоят на одной доске с интересами поработителей. В данном случае политическая и нравственная точки зрения не совпадают .

Но даже если цель сама по себе законна и возвышенна, требуется ответить на вопрос: действительно ли нужны были те безнравственные средства, которые были использованы для её достижения? С точки зрения практической политики этот вопрос излишний. Совершившиеся факты следует принимать, как они есть; политические процессы не знают сослагательного

наклонения; толкование о разных возможностях ничего не изменит. Однако с нравственной точки зрения эти вопросы нельзя обходить стороной. Исторический опыт свидетельствует, что нравственной государственная политика может быть лишь тогда, когда она отказывается в равной мере как от абсолютизации интересов одного класса, так и от провозглашения какого-либо надуманного «всеобщего» интереса, и ориентируется на изучение и строгий учет реальных интересов всех социальных групп и их осуществление на основе консенсуса и принципов социальной справедливости.

Каковы же пути «поощрения» нравственной политики в обществе? Во-первых, повышать значение морального подхода в политике можно с помощью контроля со стороны общества за деятельностью политических институтов. Тогда можно надеяться, что политика и мораль будут гармонично сочетаться в деятельности политиков, ответственных за судьбы общества. Во-вторых, поощрять проявление нравственности в политике можно с помощью права, установив универсальный критерий гуманности политики и зафиксировав его в конституции. Такое институциональное закрепление морали – одно из важнейших условий гуманизации политики. Политико-государственные институты могут как стимулировать нравственность в политике, так и препятствовать ее влиянию. Как отмечает немецкий исследователь Б. Сутор, для гуманизации политики и укрепления нравственности лучшим является не тот строй, «который предъявляет к своим гражданам более высокие или даже наивысшие моральные требования. На самом деле лучше тот строй, который прежде всего отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности: дурным наклонностям людей ставит необходимые ограничения, но в то же время открывает максимально возможный простор для права и воли людей осуществлять саморазвитие, для их способности к добру» [91, с.68].

Никто не станет отрицать, что многое в политике зависит от политической культуры государственных деятелей. Само собой разумеется, не каждый человек по своим личным характеристикам пригоден для занятия

политикой. Как писал М. Вебер, политика – это призвание [19, с. 644]. А призвание – в значительной мере свойство нравственного сознания. С нравственной точки зрения, главное качество, которое должно определять профессиональную пригодность политика – это осознание социальной ответственности за свою деятельность. Поэтому в широко распространенном политологическом выражении «цель любого политика и политической партии – стремление к власти» не хватает уяснения очень важного момента: для чего эта власть нужна тому или иному политическому деятелю – чтобы трудиться для общего блага, жить для политики, или для того, чтобы, по словам М. Вебера, «жить за счет политики»? [19, с. 653]. И эту же мысль известный политолог развивает в другом аспекте: «Инстинкт власти», как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым (*unsachlich*), предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того, чтобы служить исключительно «делу». Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела (*Unsachlichkeit*) и – что часто, но не всегда то же самое – безответственность. Тщеславие, то есть потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершать один из этих грехов или оба сразу [19, с.691].

Поэтому для политического деятеля, стоящего у власти, важнейшей обязанностью должно быть стремление к государственной пользе, забота о благе народа, высокое чувство социальной справедливости и гражданской ответственности [74, с.102].

Хотелось бы обратить внимание на те самоограничения, которые политик налагает на выбор тех или иных действий, той или иной линии поведения в рамках своих полномочий. Иными словами, не всегда то, что дозволяет политику закон, допустимо с моральной точки зрения, тем более, что закон зачастую предоставляет высоким должностным лицам государства широкие полномочия и возможность широкого выбора. Не случайно А.Г.

Лукашенко, выступая на совещании по вопросам эффективности принимаемых мер по борьбе с коррупцией, сказал: «Когда люди в погонах совершают поступки, которые, если посмотреть формально, юридически допустимы, но настолько нечистоплотны с нравственной точки зрения, что их нельзя оправдать» [47, с. 1]. Всё это необходимо иметь в виду и учитывать чиновникам на государственной службе. В данном случае не работает принцип: «нравственно всё, что не запрещено законом».

Правда, в связи с этим возникает другой вопрос: о некоем зазоре между законом и моралью. Правовые нормы не должны расходиться с нормами морали. Но это уже другой вопрос – о качестве законодательства.

В общем влияние нравственности на политику, как и формирование политической культуры в целом, может и должно осуществляться по ряду направлений. Это, как уже отмечалось, и контроль со стороны общества, и постановка нравственных целей, и выбор адекватных им и реальной ситуации методов и средств, учет в политической деятельности моральных принципов и многое другое. Конечно, выполнение всех этих требований в реальной политике – непростая задача. На практике гуманность политики часто зависит не столько от провозглашаемых целей, сколько от методов и средств, используемых в процессе их достижения.

6. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

Политическая культура во многом определяется ее взаимодействием с правовой культурой. Целые области явлений, достижений, результатов человеческой деятельности выступают одновременно и как политические и как правовые ценности. Возьмем, к примеру, идеалы и практическое созидание правового государства, являющегося целью политического и гражданского общества. Немыслимо без политических институтов и правотворчества.

Государственная политика включает в себя и целенаправленное планирование законодательной деятельности. В Беларуси существуют специальные планы и программы законотворческой деятельности не длительный период. Существует и государственная политика по борьбе с особо опасными антиобщественными явлениями (коррупция, бюрократизм и т. п.). Чем выше уровень политической культуры в этой сфере, тем выше уровень правовой культуры. Общие грани имеют правовая и политическая культуры, так как деятельность государства, субъектов политических властеотношений выходит в сферу правовых отношений, что, однако, не меняет природы этих отношений, не поглощает и не исчерпывает их полностью политическими закономерностями. Право — особая форма и вид материального и духовного творчества народа, отдельных личностей — это пласт человеческого опыта, подчиняющийся своим собственным закономерностям.

Правовая культура — неотъемлемая часть общей культуры народа, базируется на её началах, является отражением уровня её развития, менталитета народа. Формирование правовой культуры не есть обособленный процесс от развития других видов культуры — политической, моральной, эстетической. Это комплексная проблема. Их объединяет общность задачи — создание морального и политико-правового климата в обществе, который гарантирует реальную свободу поведения личности и соединении с ответственностью перед обществом, обеспечивает её права, социальную защищённость, уважение её

достоинства, то есть ставит человека в центр экономических, социальных, политических, правовых и культурных процессов.

В то же время, правовая культура есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям. Комплексное использование накопленного в теории правовой культуры материала необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить всестороннее изучение проблемы. Вместе с тем в каждом конкретном случае на первый план выдвигается строго определенный критерий в понимании данной разновидности культуры.

Так, при подходе с позиций повышения роли человека в правовой жизни, в обеспечении становления цивилизации окажется необходимым в первую очередь обратить внимание на функционально-содержательный аспект правовой культуры. Здесь правовая культура общества предстает как разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания и законности, совершенства законодательства и юридической практики, охватывающей все ценности, которые созданы людьми в области права.

В юридической литературе существуют самые разнообразные мнения о месте правовой культуры в правовой надстройке общества: от признания ее элементом одной из подсистем юридической надстройки, например, элементом правового сознания, частью правового воспитания, до отождествления правовой культуры с правовой надстройкой и даже выведения ее за пределы правовой надстройки. Если первая точка зрения характерна в основном для раннего этапа изучения правовой культуры, то вторая — появилась не так давно. Правовую культуру стали определять достаточно широко, включая в нее право, правоотношения, правосознание, законность и т. д. и отождествляя ее тем самым со всей правовой надстройкой, что отмечают и сами авторы подобных определений. «При таком подходе, — пишет В. П. Сальников, — речь идет о правовом феномене, близком к пониманию всей юридической надстройки...

Правовая культура выступает здесь как особое социальное явление, охватывающее всю совокупность важнейших компонентов юридической реальности...»[81,с.17]. Очевидно, что при таком понимании рассматриваемого понятия либо может быть высказано сомнение в целесообразности существования особой категории «правовая культура», коль скоро последняя заменима другими юридическими категориями, либо должно быть более точно определено специфическое содержание понятия правовой культуры, придающее ей самостоятельный категориальный статус. В данном случае происходит смешение правовой разновидности. Этот вывод можно сделать как из проводимого автором перечня ценностей правовой культуры: принципы, формы и институты народовластия, структура, механизм политической и правовой системы.

Иногда правовую надстройку разводят с правовой культурой на основании того, что понятия, обозначающие данные явления, принадлежат якобы к двум различным теоретическим уровням – соответственно философскому и конкретно-социологическому. Думается, что такие категории как правовая надстройка, правовая культура, государство и право и т.д., могут изучаться на одном и на другом уровне.

Правовая культура – многозначная характеристика одной из важнейших сторон жизни общества. Это более высокая и емкая форма правосознания.

Главным критерием правовой культуры как общества в целом, так и его отдельных субъектов является восприятие ими права как высшей ценности социальной жизни, стремление основывать свои действия, реализацию интересов только на праве. Необходимым элементом правовой культуры является нетерпимость к любым, даже мелким правонарушениям.

Примечательно, что (как и политической) показателями уровня правовой культуры в цивилизованном обществе являются: незыблемость конституционного строя, признание верховенства законов, уважение к демократическим правовым институтам, правам и свободам человека и гражданина, системность и доступность законодательства, строгое и

неуклонное соблюдение законности и ряд других. С точки зрения этих показателей можно оценить правовую культуру правотворчества, правовую культуру правоприменения или обеспечения правопорядка в стране; правовую культуру общества в целом, социальных групп и страт (например, правовую культуру должностных лиц), отдельных людей [63].

Состояние правовой культуры общества напрямую зависит от действующей в стране системы правового воспитания и образования, от требований к уровню правовых знаний работников государственного аппарата, от внимания со стороны общества и государства к деятельности судебной и правоохранительной системы.

Правовая культура характеризует уровень правосознания, включает степень сознания права, на которую опираются исполнительная власть, должностные лица, характеризуется она и интенсивностью убеждений в ценности права. Правовая культура также имеет свою структуру: профессиональный и традиционно-бытовой пласты. Высокий уровень правовой культуры – один из признаков правового государства.

Если правосознание охватывает только духовную жизнь общества, является только частью общественного сознания, то правовая культура включает в себя как духовные характеристики, так и «материальные придатки» права – юридические учреждения, их организацию, отношения; как роль в обществе права, судебной, нотариальной, арбитражной и иных систем, так и стиль, культуру их работы, отношения с гражданами, защиту законных интересов, знание и соблюдение законных интересов в обществе; как соотношение правовой культуры с другими системами общей культуры – политической, научной, художественной, так формы рассмотрения споров в суде, работу законодательных органов и тому подобное.

Поскольку культура – выражение специфически человеческого способа деятельности, поскольку она по своей природе нормативна; следовательно, культурные и правовые нормы могут совпадать по своему содержанию, то есть они могут заключать в себе одни и те же правила поведения.

Культурная норма всегда социальна, ибо социальна человеческая деятельность, ею нормируемая. Нормативность культуры обеспечивает координацию и организацию действий индивидов, входящих в социальное целое. Нормативность как организационное и координационное средство проявляется в форме институционализации отношений и поведения. Ее сутью является появление объективных, от индивидов, не зависящих правил поведения и обеспечение их выполнения. Процесс институционализации отношений предполагает их формализацию и стандартизацию. Иначе субъект общественной жизни не смог бы предвидеть действия других субъектов, связанных с ним, и обеспечить взаимодействие – самую глубинную основу любого коллективного целого, в том числе и общества. Именно сформировавшаяся институциональная система, регулирующая поведение людей, – одно из специфических отличий человеческого общества.

Нормы культуры институционализируют отношения между людьми прежде всех прочих правил поведения. Непосредственно выражая качество человека, они образуют наиболее глубинную нормативную систему. То, что культурные нормы исторически первичны, несомненно. Они составляют основу всех остальных нормативных систем: нравственности, религии, эстетики, права. Оставаясь нормами культуры, они только приобретают новые дополнительные качества.

Обращаясь к праву, можно утверждать, что все юридические нормы суть нормы культуры, но не все нормы культуры суть юридические нормы. Осуществляемый обществом отбор культурных норм, после чего они оказываются включенными в право, производится по принципу их значимости для сохранения и функционирования социального целого. Если правило поведения, входящее в культуру, имеет значение для общества или, во всяком случае, связано с осуществлением общих дел, оно должно стать общеобязательным, то есть стать правом.

В субъективном плане правовой культуре противостоит нигилизм. Нигилистическое отношение, то есть абсолютное отрицание, формулируется в

правовой психологии определенных социальных групп, индивидов, когда, например, все стражи порядка – это «менты», когда тюремная жизнь овеивается романтикой, ореолом из блатных песен, когда появляются герои – «воры в законе», авторитеты преступного мира.

Правосознание может формироваться еще в детстве, когда, например, мать пугает расшалившегося ребенка милиционеров, вместо того чтобы внушить ему мысль, что милиционер – это его защитник, помощник. Поэтому так важно формировать, используя и искусство, и СМИ, и иные способы, положительный образ защитника правопорядка.

Таким образом, правовой нигилизм – это во-первых, характеристика определенных негативных, деформированных сторон правосознания, которая резко критически, отрицательно относится к требованиям уважения и соблюдения права.

Правовой нигилизм противостоит в правосознании требованиям законности, своему антиподу. Законность в правосознании как раз и реализуется в идеалах соблюдения и уважения права, в укреплении правопорядка, в понимании культурной и духовной ценности права.

Во-вторых, правовой нигилизм и его антипод – законность – это не только сфера духовной жизни общества, сфера правового сознания. Это еще и характеристика определенного реального состояния общества. Это состояние общества – уже не психологическая, а социальная характеристика. Причины правового нигилизма самые разные. От вполне обоснованных протестов тех или иных законов до искусственно созданного неприятия права вообще, как ненужного социального института. Противостоит правовому нигилизму, иным деформациям правосознания такой сложный социальный феномен, как правовая культура.

Уровень развития правового государства, цивилизованности общества во многом определяется уровнем правовой культуры его граждан. Вполне очевидно, что правовая культура является разновидностью общечеловеческой культуры. Под ней многие специалисты понимают качественное состояние

правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, а также в степени свободы ее поведения и взаимной ответственности государства и личности, положительно влияющих на общественное развитие и поддержание самих условий существования общества [64, с. 167].

Правовая культура, будучи необходимым условием точного и неуклонного выполнения правовых предписания, обеспечения законности правовой основы государственной и общественной жизни, безусловно, выполняет важную роль в правовой системе общества. Тем не менее, ей практически никогда не уделяли должного внимания. Это, видимо, потому, что в нашей стране правовая культура по большому счету никогда не рассматривалась как один из возможных способов правления. В ней существовавшие и в российский и советский периоды власти особо и не нуждались. А многовековое крепостничество, лишавшее многих людей правосубъектности, репрессивное законодательство, несовершенство правосудия отнюдь не способствовали формированию правовой культуры. Следует отметить, что руководящие кадры партии еще в начале советской власти отдавали себе отчет в том, что "у нас никаких корней уважения к праву и к закону в народе не было и не могло быть»[96].

Во второй половине советского периода предпринимались определенные попытки по повышению правовой культуры граждан. Партийными и советскими органами государственной власти принимались решения по данному вопросу, практиковались выездные судебные заседания, всенародно обсуждались некоторые законопроекты, включая и конституции страны, по линии общества "Знание" организовывались в середине 70-х гг. лекции для населения. Повышение уровня правовой культуры трудящихся рассматривалось как неотъемлемая часть профессиональной деятельности юристов. Тем не менее, нельзя утверждать, что сложилась определенная установившаяся система работы по повышению правовой культуры. Не зря в

Программе КПСС говорилось, что "обсуждение трудящимися проектов законов и других решений как общегосударственного, так и местного значения должно стать системой".

Но в последние годы многое и из этого положительного опыта растеряли, хотя именно сейчас вплотную ставится задача создания демократического правового государства. В этих условиях формирование правовой культуры становится одной из важнейших задач институтов государственной власти. Вне решения данной задачи невозможно построение гражданского общества, реформирование многих сфер жизни, эффективная борьба с социально негативными формами поведения.

В прошлом многие законы, имеющие определенное общественное значение, часто в широкой печати не публиковались. Хотя именно на этапе опубликования принятый закон доводится до сведения населения, именно после ознакомления с текстом закона у многих людей складывается определенное к нему отношение.

Важнейшим элементом правовой культуры является законодательство как результат законотворческой работы. Закрепляя в законах правила поведения и устанавливая ответственность за их нарушения, государство использует законодательство в качестве важнейшего средства формирования всесторонней развитой личности. В ее правовой культуре принято выделять такие элементы, как знание права, отношение к праву и готовность к правомерному поведению.

Говоря о знании права, на мой взгляд, в первую очередь, следует выделить знание законодательства. Вполне очевидно, что все законы практически невозможно знать, тем более для гражданина, специально не занимающегося юридическими вопросами. Поэтому возникает задача выделить те сферы и положения законодательства, которые представляют наибольший интерес для гражданина и дают ему возможность ориентироваться в действующем законодательстве. К ним, в первую очередь, можно отнести:

- основы конституционного строя. Здесь сформулированы принципиальные положения относительно приоритета прав и свобод человека и гражданина, верховенства закона, организации государственной власти и местного самоуправления, механизма действия национального законодательства и принципов международного права;
- права и свободы человека и гражданина, способы их защиты национальными и международными органами власти;
- принципы и общие правила функционирования различных ветвей власти;
- наиболее важные нормы из гражданского и трудового законодательства, а также законодательства в сфере профессиональной деятельности человека, что, наряду с общими нормами права, будет заметно способствовать повышению его правовой культуры;
- неразрывное единство прав и обязанностей граждан - один из основополагающих принципов действующего законодательства.

Одного только знания указанных положений законодательства явно недостаточно для соответствующего уровня правовой культуры личности. Чрезвычайно важным является ее отношение к данным и другим нормам права, степень участия в формировании нормативно-ценностной ориентации и мотивации социально-правовой деятельности. А это возможно только тогда, когда само законодательство является достаточно совершенным. К сожалению, этого нельзя сказать в отношении всего законодательства. Вместе с тем указанные выше нормы права, особенно те из них, которые определяют правовой статус личности, вобрали в себя достижения современной теории права и законодательства по вопросам прав и свобод человека и гражданина. Да и практика показывает, что в последние годы к ним все чаще прибегают наши граждане, в том числе при защите своих прав и законных интересов. Однако, эффективное использование их, как и других норм права, обуславливает необходимость выявления наиболее действенных направлений влияния законодательства на правовую культуру.

Исходя из прошлого опыта и изменившихся условия жизни, в том числе и сферы правового воспитания, можно выделить несколько таких направлений:

- доступность законодательства, что является важнейшим условием знания нормативных правовых актов;
- выступления и комментарии специалистов по наиболее важным положениям законодательства. Многие новые нормы права, а, тем более, если они противоречат друг другу, что нередко бывает, невозможно уяснить без помощи специалиста;
- создать систему непрерывного и последовательного правового воспитания, которое охватывало бы все ступени общеобразовательной школы, весь период обучения в средних специальных и высших учебных заведениях, а также обеспечивало бы постоянный переход, по мере формирования личности, от относительно простых к более сложным и полным знаниям о законодательстве.

Таким образом, решая проблемы повышения уровня правовой культуры, одновременно и по многим направлениям решаются вопросы формирования более высокого уровня политической культуры как в национальном масштабе, так и субъективно-социальном и в их взаимодействии: общества и личности, общества и социальной группы, общества и профессионального слоя.

7. КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Политическая культура является важным фактором грамотного и эффективного политического управления. Что такое политическое управление? Традиционно политическое управление предстает как «особая форма управленческой деятельности по регулированию политического процесса, координации, согласованию и реализации разнообразных интересов различных социальных слоев и групп» [72, с. 15].

Иными словами, политическое управление есть воздействие субъекта политики на политическую систему, политические процессы, политические отношения в интересах определенных социальных сил. Управлять - значит строить отношения. Причем отношения не только политические. Поскольку политика выступает концентрированным выражением всех сторон общественной жизни, политическое управление становится проявлением первенства политики по отношению к ним, обеспечивая политическое решение вопросов экономического и духовного развития общества.

Политическое управление начинается с постановки целей. Цель управления является ведущим элементом в управленческой деятельности, в принятии и реализации решений. Под целью в общественной практике, в том числе и в политическом управлении, обычно понимают некоторую идеальную, заранее заданную модель. Иначе говоря, она является как бы предвосхищением в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. Цель выступает как способ интеграции различных действий человека в некоторую последовательность или систему, как одна из форм детерминации политической деятельности [53, с. 33].

Для того, чтобы цели могли быть реализованы, они должны отвечать определенным требованиям. Во-первых, цели должны быть конкретными, доступными для понимания. Во-вторых, цели должны быть реальными и достижимыми, опираться на имеющиеся ресурсы. Если они не будут

соответствовать этим требованиям, то люди могут отвернуться от них и не поддержать нереалистические цели.

Умение своевременно выдвигать и обосновывать реалистические цели - это искусство и одно из важнейших условий успеха политической деятельности. Тут многое зависит от политической культуры политиков.

Своеобразие политических целей состоит в том, что, с одной стороны, они выступают предпосылкой политической деятельности, а с другой ее стимулом. Как только цель определена, четко сформулирована и, самое главное, воспринята обществом, она становится мощным фактором политического воздействия

Исходя из всего сказанного, субъект политического управления всегда начинает свои управленческие действия с определения масштабов деятельности, которую необходимо выполнить, чтобы достичь цели. Затем дифференцирует ее на составляющие в зависимости от последовательности и сроков выполнения. Такой порядок позволяет субъекту управления правильно сочетать конечные цели развития с текущими задачами. Поэтому их сочетание становится одним из важнейших принципов управленческой деятельности. Суть его заключается в том, что, решая текущие задачи, субъект управления видит в них средство достижения конечной цели. Только решение необходимого количества текущих задач дает новое качественное состояние социального целого. Тем самым субъект политики не противопоставляет текущие и конечные задачи, но и не отождествляет их.

От цели политического управления как некоего заданного идеального конечного результата необходимо отличать реально достигнутый результат. Здесь могут быть разные варианты результатов. В одних случаях конечный результат может быть не только предельно близким к поставленной цели, но даже в чем-то превосходить ее отдельные составляющие. В других случаях, что бывает значительно чаще, достигнутый результат все же уступает поставленной цели. И, наконец, в политическом управлении часто имеет место третий вариант исхода, когда достигнутые результаты оказываются в явном противоречии с поставленными ранее целями. Такое тоже нередко случается в политике.

Немаловажной проблемой культуры управленческой деятельности является обеспечение должного соответствия между выдвигаемыми целями и средствами, используемыми для их достижения. Необходимость задействования всех средств для достижения определенных целей вовсе не означает допущения неразборчивости в средствах. Между целью и средством существует диалектическая взаимосвязь: цель в определенном смысле представляет собой результат использования средств. А это значит, что с помощью плохих средств нельзя достигнуть благородных целей. Негуманные средства рано или поздно исказят и выхолостят благородные цели. Как свидетельствует тысячелетняя мудрость, нельзя, например, никого загонять в рай дубинкой.

Необходимо также иметь в виду, что цель в основе своей должна иметь объективный характер, поскольку она вытекает из объективной логики развития политической жизни. Во всех других случаях она выступает исходным пунктом волюнтаризма, разрушения, больших общественных издержек и личных трагедий. Достаточно вспомнить многочисленные социально-политические эксперименты, проведенные над народами бывшего Советского Союза. В этой связи уместно поставить вопрос о моральной ответственности лиц, государственных органов и других политических институтов, отвечающих за реалистичность поставленных целей.

Поскольку политическое управление - это целенаправленное воздействие на политические процессы, цели такого воздействия заключается в том, чтобы укреплять политическую систему, совершенствовать условия жизни людей, их взаимоотношения, укреплять формальные и неформальные связи между ними, улучшать деятельность создаваемых ими политических институтов и организаций. Этим, если говорить в самых общих чертах, и определяется специфика политического управления как особой разновидности управленческой деятельности.

Особая роль политического управления связана с выдвижением политической цели реформирования общества и на этой основе с формулированием целевых установок при принятии управленческих решений в

конкретных (частных) сферах жизнедеятельности общества, определением и ранжированием приоритетов развития. Не менее важная составная часть целеполагания - определение наиболее желательных и допустимых форм и методов воздействия в соответствии с выбранной политической целью на интересы и политические установки различных социальных групп, прогнозирование политических последствий принимаемых решений. Тут многое зависит от политической культуры руководства страны.

Как правило, политические цели формулируются как бы на пересечении действия трех типов институтов: официальных органов государственной власти, групп интересов и различных механизмов общественности, общественных организаций. Но центральную роль в этом процессе всегда играют высшие институты государства, где сходятся все формы давления политических сил [75, с. 62-63]. Понятно поэтому, что механизм формулирования политических целей существенно отличается в унитарных государствах, странах с полупрезидентско-унитарным правлением, в обществах с парламентско-федеральным устройством и т. д.

Важной задачей политического управления является достижение стабильности общественной системы. Согласно требованиям структурно-функционального анализа любые отклонения в ее функционировании могут быть откорректированы с помощью социальных институтов. Среди них важнейшее место занимают политические структуры, которые в состоянии поддерживать нормальное функционирование системы, сглаживать возникающие конфликты, ибо обладают единственной реальной и легитимной силой - властью. Последней присущи функции контроля и корректирования поведения людей во всех ситуациях, ведущих к нарушению правовых норм. Конечно, данная схема носит скорее теоретический характер, где на первом месте находятся различные модели функционирования систем. Реальная жизнь имеет более многообразную и противоречивую картину, которую трудно "уложить" в рамки соответствующих моделей или схем.

На каждом этапе своего функционирования общественный организм индивидуален, как индивидуален и сам человек. Построение и использование разных моделей оправданно и эффективно лишь в том случае, когда социальные процессы в обществе при всей их противоречивости имеют в основном постоянные величины, легко поддающиеся координации и исправлению. Но как быть, если сильно дифференцированное общество находится в состоянии расстройств, разлада? Возможно ли для выхода из этого состояния использование традиционных средств, которые применялись в прошлом во многих государствах? Может ли политическая система, сохраняя минимальное равновесие, выйти из кризиса? Эти вопросы возникают часто, когда любое общество переживает период обновления, модернизации, больших социальных потрясений. Ответить на поставленные вопросы не просто, ибо многие теоретические рассуждения в прошлом на сей счет, казавшиеся единственно верными и разумными, опровергались практикой. Хорошо известно, что всякая модернизация общественной системы предполагает увеличение разнообразных возможностей выбора. Многие бывшие советские республики, пережив эпоху авторитарного правления, "опьяненные в неразбавленном виде свободой", не раздумывая долго, бросились в "стихийный омут". О вариантах возможностей выбора даже не вспомнили, несмотря на предостережения отдельных теоретиков и дальновидных практиков. Стабильные в известных пределах и управляемые государства фактически утратили ориентиры своего местонахождения и дальнейшего продвижения, превратились в нестабильные и с трудом управляемые.

В некоторых постсоциалистических обществах ситуация осложняется формированием номенклатурно-мафиозного капитализма, нерасчлененности в ряде случаев коммерческих, административных, а то и криминальных структур, несогласованностью действий государственных органов и противодействием местной номенклатуры. В отдельных регионах эти проблемы усиливаются борьбой различных территориальных и родственных кланов, особой позицией руководителей некоторых субъектов федерации в России, сопротивлением прежних кадров и старых частей государственного аппарата. Административно-

хозяйственный аппарат не везде обновлен в необходимой мере. В постсоциалистических государствах существуют разные условия, но в целом можно сказать, что сложились четыре крупные силы, в руках которых сосредотачиваются реальные рычаги власти. Это прежняя центральная номенклатура, во многом изменившая свой облик. Это слой чиновничества, наделенный правом решать вопросы по своему усмотрению, но в рамках закона. Это "новая буржуазия", в том числе из среды мафиозных группировок, занимающаяся коммерческой деятельностью. Наконец, это региональная старая и новая номенклатура, сумевшая вырвать себе привилегии у центральной власти. Само собой разумеется, у каждой из этих групп своя политическая культура. Таким образом, политическое управление в постсоциалистических государствах является весьма сложным делом. Стабилизировать общество, увести его от взрывоопасной черты и деградации возможно лишь разработав сбалансированную социальную политику.

С учетом изложенного можно сформулировать ряд принципов и мер по стабилизации общества.

1. Создание рыночного хозяйства - не самоцель, а средство обеспечения достойной жизни каждому человеку. Поэтому, вводя рыночные механизмы, государство в первую очередь должно обеспечить меры социальной защиты населения.

2. Социальные гарантии для населения должны быть зафиксированы в конституции страны.

3. Экономика должна повернуться лицом не только непосредственно к производству, но и к "отложенным" социальным нуждам населения.

4. Важно, чтобы социальные приоритеты составляли базовую основу бюджетной, налоговой, инвестиционной политики. Следует обеспечить определенный контроль за системой формирования фондов заработной платы, в том числе руководителей субъектов хозяйствования.

5. Не следует допускать, чтобы политика коммерциализации здравоохранения, науки, образования лишила миллионы людей цивилизованных условий жизни.

6. Одним из направлений социальной политики должно быть создание системы занятости населения с переквалификацией работников, формирование новых рабочих мест. Необходимо разработать и реализовать ряд социальных программ по поддержке семьи, молодежи, защите материнства и детства, укреплению здоровья людей и т. д.

7. Наконец, на общегосударственном уровне важно дать социально-экономическую оценку политики приватизации, обеспечить при дальнейшем ее проведении приоритетную защиту интересов общенародной собственности [53, с. 36].

Проводя в жизнь перечисленные приоритеты социальной политики, возможно создание демократического государства, представляющего и адекватно выражающего коренные интересы граждан, а также социально ориентированного и надежно контролируемого государством рынка. Должны быть выявлены четкие границы, несоблюдение которых обуславливает правительственный кризис и уход всего кабинета в отставку. Неспособность политических структур разработать и реализовать курс на социальное обустройство общества должна быть сигналом не к конфронтации, усилению гражданского противостояния, а к немедленной смене политической власти.

Система политического управления включает в себя объект и субъект. Объектом управления могут быть как общество в целом, так и отдельные сферы и подсферы общественной жизни, а не только собственно политическая сфера. Различаются и такие масштабы или уровни управления, как общегосударственный, областной, районный, городской, муниципальный.

Таким образом, предметом политического управления, реализуемого любым системным субъектом, служат непосредственно другие социальные субъекты, а опосредованно - сферы социальной действительности, образующие среду политической системы. Следовательно, каждое политическое решение всегда адресовано институтам, играющим роль посредников. При этом любой системный объект постоянно выступает в роли распределителя и посредника; в политической системе нет действий, не адресованных какому-либо из ее

институтов как посреднику. Им может быть системный субъект, стоящий как ниже, так и выше в данной иерархии. Например, решение местного органа требует, с одной стороны, одобрения или делегирования ему полномочий от центральных органов, с другой - указания непосредственных исполнителей, обеспеченных соответствующими полномочиями.

Субъектами политического управления выступают системные субъекты, решающие вопросы определения целей массового действия: выбора средств, находящихся в их распоряжении в данной политической ситуации, оценки возможностей путем анализа способов и методов действий, организационных и материальных условий. Субъекты управления должны быть дифференцированы с точки зрения их отношения к определенным сферам социальной действительности, степени взаимопроникновения данных сфер и иерархии их соподчинения.

В качестве субъектов политического управления сегодня политологи выделяют массы в их национальной, имущественной дифференцированности и социальной стратифицированности, государственные органы, не занимающиеся непосредственно политическим управлением, но участвующие в нем, политические партии и движения, союзы, средства массовой информации, организации, напрямую не связанные с политикой, но влияющие на политическое управление - церковь, предпринимательские структуры и др. Все эти подсистемы могут быть спроецированы на управленческую деятельность человека, поняты как ее воплощение, продукт и результат [76, с. 26 – 27].

В некоторых публикациях, в структуру субъектов политического управления включаются, прежде всего:

1) народные массы, которые выступают и как субъект, и как объект управления. Их участие в управлении может быть опосредованным (через представительные органы) и непосредственным (выборы, референдумы, манифестации, забастовки), легитимным и нелегитимным. При оценке их действий необходимо учитывать социальную, национальную, имущественную дифференциацию, стратификацию общества;

2) субъекты политической деятельности, занимающиеся политическим управлением, - государственные органы, законодательные, исполнительные (их аппарат), а также система самоуправления;

3) субъекты политической деятельности, непосредственно не занимающиеся политическим управлением, но активно участвующие в нем (политические партии и движения, СМИ, различные объединения, союзы, клубы). Вне их деятельности сегодня невозможно говорить о реальном процессе политического управления [53, с. 37].

Различают активную и пассивную формы использования политических отношений в управленческой деятельности. Активная форма — воздействие на причины возникновения конфликтных ситуаций, коренное изменение их вплоть до устранения. Воздействие не только на надстроечные, но и на базисные отношения. Обычно активная форма политического управления соответствует осознанной, целеориентированной деятельности, достижению поставленных целей посредством не только использования существующих, но и создания новых условий и возможностей.

Пассивная форма - это исправление допущенных просчетов и ошибок, реакция на них как способ приспособления к логике развития политического процесса. Для этой формы типична стихийность развития ситуации. Однако возможно и целеориентированное пассивное политическое руководство, когда властные структуры не владеют ситуацией, не могут прогнозировать развитие событий, действуют нерешительно, упускают благоприятные возможности.

Таким образом, политическую управленческую систему можно представить в виде субъекта и объекта управления, управляющей и управляемой системы. Органы, которые управляют, называются субъектами управления, а органы, на которые направлены их действия - объектами управления. Управление осуществляется путем воздействия одной подсистемы - управляющей на другую -управляемую. Следовательно, управление - это единство управляющей и управляемой систем.

Однако в политической действительности политические отношения никогда не выступают в виде чисто субъект-объектных отношений, а имеют вид отношений, где объект управленческого воздействия тоже субъективен, то есть активно реагирует на управленческое воздействие. Как всякое взаимодействие, управление может быть в самом общем виде представлено как совокупность двух составляющих - прямой и обратной связей, воздействия управляющей стороны на управляемую и наоборот, воздействия управляемой стороны на управляющую.

Между соответствующим субъектом и объектом, между различными объектами и субъектами политического управления в демократическом обществе устанавливаются многообразные взаимодействия линейного и нелинейного характера. Такого ряда связи и взаимодействия, образующиеся в процессе деятельности людей в сфере политического управления, получили название управленческих отношений.

Одна из специфических особенностей политических управленческих отношений состоит в том, что они являются волевыми отношениями, отношениями субъективного порядка. Осуществляя функции политического управления, люди руководствуются заранее поставленной целью, сознательно регулируют свои действия в процессе общественной жизни во имя достижения этой цели. Отсюда и отношения людей по управлению носят целенаправленный, сознательный характер.

Подчеркивая сознательный характер управленческих отношений, нельзя забывать, что деятельность по управлению, а значит и отношения политического управления объективно обусловлены: через них получают практическую реализацию требования объективных тенденций и существующих социально-политических и экономических условий данного общества. Объективные тенденции и условия ставят определенные границы действиям субъектов политического управления.

Итак, управленческие отношения - это, во-первых, сознательные отношения между людьми в процессе осуществления регулирующей деятельности, особая форма связи между субъектом и объектом политического управления, управляющей и управляемой системами по поводу осуществления

управленческого труда на основе познания и использования объективных тенденций и принципов общественного развития.

Во-вторых, управленческие отношения - это объективно обусловленные отношения, складывающиеся между людьми безотносительно к тому, какой стороной этих отношений они выступают - активной или пассивной, по поводу упорядочения, организации совместной жизнедеятельности. Носителями политических управленческих отношений в той или иной мере являются все соучастники управленческой деятельности со своей собственной политической культурой. Будучи системой, политические управленческие отношения в системах более высокого уровня выступают как подсистемы.

Многие авторы, занимающиеся сравнительным анализом государственного управления и политики, обычно не делают различия между этими двумя категориями. Однако понятия политики и государственного управления не тождественны. Политика не всегда связана только с теми огромными территориальными объединениями, которые имеют правительство и известны как "государство". Ибо, употребляя термин "управление" в смысле руководства или деятельности по управлению, обнаруживается, что таковое существует на трех уровнях: 1. Обширные сферы человеческого поведения и деятельности в обществе развиваются, оставаясь совершенно вне контроля со стороны государственных органов власти. Они образуют взаимосвязанную и саморегулируемую группу структур. 2. Вторым главным методом, с помощью которого общество создает собственные структуры и регулирует себя, является процесс так называемой социализации индивидуума и связанная с ним концепция "социального контроля". 3. Большинство обществ в современном мире имеют правительства. Таким образом, в любом обществе не вся политическая деятельность является государственной, некоторые ее виды могут носить общественный характер. В свою очередь не вся государственная деятельность является политической, отдельные ее сферы представляют собой рутинное администрирование. Управление и политика вступают в контакт в тот

момент, когда при определенных условиях, приходится выбирать курс действий для всего общества. Эта оговорка требует более широкого определения политики.

Таким образом, хотя политика в строгом смысле слова — это то, что связано с государством, однако не все, относящееся к государственной сфере, можно считать политикой и не вся деятельность в этой сфере может относиться к политической. Если бы дело обстояло так, то работа любого клерка и даже контролера в государственном учреждении должна бы рассматриваться как политическая деятельность, а сами они имели бы право именоваться политическими деятелями. В действительности подлинной политической деятельностью может считаться лишь участие в принятии политических решений или действия, направленные на то, чтобы влиять на этот процесс.

Принятие решений - сущность управления в любой сфере общественной жизни. Это, несомненно, справедливо и для государственного управления. Однако в этом последнем следует выделять два качественно различных уровня: управление политическое и управление административное [53, с. 39]. Культура политического управления заключается в том, что на этом уровне определяются цели, которые должны реализовываться органами управления. Административные же управленческие решения не касаются выбора целей, они должны быть ориентированы на цели, определенные политическим решением. При выработке политического решения аргументы, принимаемые во внимание в пользу того или иного варианта, опираются на учет интересов, лежащих в основе политики. При оценке административного решения исходят из степени его эффективности, соотнося результаты с затратами. Поэтому и приниматься политические решения должны теми, кто выступает в роли выразителя соответствующих интересов. Административные же решения должны приниматься компетентными специалистами. Поэтому в обществе, где существует разделение властей, важнейшие политические решения принимаются на уровне законодательной власти, определяющей основные цели государственного управления и разрабатывающей систему законов, устанавливающую правила игры (правовые рамки) для деятельности власти исполнительной, призванной

реализовывать политические решения. Независимая судебная система следит за выполнением этих правил, требуя исполнения законов как от граждан, так и от тех, кто осуществляет управление.

Следовательно, как считает О. Шабров, политическим управлением механизм управления в общественной системе не исчерпывается. И негосударственные институты, и само государство осуществляет также функции управления, далекие от политики. "Принуждение по отношению к преступникам, управление дорожным движением сами по себе лишены политического содержания, также как и управление производством". Такое управление в отличие от политического называется технологическим управлением [103, с. 40].

Из сказанного следует, что политическая власть не сводится к государственной власти. Это принципиальный вопрос. Он актуален не только в теоретическом, но и в чисто практическом плане. Опыт недавнего прошлого ярко демонстрирует, что отождествление этих понятий является методологической основой огосударствления всех структур политической системы. Государственная власть выступает ядром политической власти. Не случайно власть приобрела политический характер с возникновением государства. Однако понятие политической власти значительно шире власти государственной. Государственная власть - это такая форма общественной власти, которая опирается на специальный аппарат принуждения и располагает монопольным правом издавать законы и другие распоряжения, обязательные для населения. Государственная власть есть власть политическая, но не всякая политическая власть есть власть государственная. Политическая деятельность может осуществляться не только государственными органами, но и посредством других институтов политической системы - партий, общественно-политических организаций и движений. Природу государственной власти характеризует, прежде всего, ее способность достижения тех или иных целей с помощью принуждения. Вместе с тем культура управления предполагает, что государственная власть не обязательно использует принуждение для достижения своих целей. Она может

добиваться их и другими средствами - идеологическим воздействием, экономическим стимулированием и т. п. Однако обладает монополией на принуждение членов общества к выполнению своих установлений.

Из всего изложенного вытекает, что политическое управление не является всего лишь государственным управлением. Во-первых, они не совпадают по объему. Обретя импульс самонастройки и саморегуляции, создав для этих целей определенные институты и наделив их властными полномочиями (не зря говорят, что средства массовой информации - четвертая власть), общество получило возможность решать часть своих жизненно важных задач межгруппового взаимодействия и взаимоотношений, не прибегая к посредническим функциям государства.

Во-вторых, один и тот же предмет политологии и теория государственного управления рассматривают с разных позиций. Возьмем для примера правовые нормы. С точки зрения теории государственного управления отношение к этим нормам различных групп и общественных институтов не является приоритетным вопросом, а с точки зрения политологии, политического управления это один из центральных вопросов. Образно это можно представить так. Для теории государственного управления приоритеты таковы: от государства – к гражданскому обществу - к гражданину; для политического управления: от гражданина - к гражданскому обществу - к государству [53, с. 40].

Политическими являются такие решения, которые направлены на согласование интересов различных социальных групп, преодоление противоречий между ними. Субъектами принятия политических решений могут быть как отдельные индивиды, уполномоченные на это, так и различные политические органы, организации, политические институты. Часто наиболее важные, судьбоносные решения принимаются посредством проведения всенародных опросов, общенациональных референдумов и плебисцитов.

Исходным пунктом или первой стадией выработки и принятия решений является так называемая подготовительная фаза, на которой, как уже

отмечалось, происходит накопление достоверной информации об объекте управления.

Американский социолог Г. Саймон один из первых применил проблематику принятия решений в политическом анализе. В работе "Политологическое исследование: параметры принятия решений" он поясняет, что говоря о принятии решений, имеет в виду не специфические аспекты политического процесса, а саму его сущность.

Культура управления, принятия решений последовательность действий, включающих следующие стадии: постановка проблемы, сбор информации, определение возможных альтернатив, выбор действующими лицами одной из альтернатив в соответствии с их иерархией ценностей.

Обычно принятию решений предшествует анализ проблемной ситуации. В арсенале любой политической системы имеются определенные процедуры принятия и согласования решений. При харизматическом правлении источник власти лидера и средства обеспечения подчинения зачастую отождествляются с процедурами принятия решений. Тоталитарные и авторитарные системы опираются на харизматическую природу правления и используют личность лидера для поддержки принятых решений, тем не менее у них могут существовать и вполне научные приемы и методы принятия постановлений. Так, считает Г. Саймон, в составлении пятилетних планов в СССР не было ничего иррационального или интуитивного.

Несколько иной взгляд на эту проблему у американского политолога Д. Истона. Если, как полагает он, политика есть процесс иерархизации ценностей посредством принятия решений, то политический процесс следует рассматривать как пересечение многочисленных менее масштабных процессов, конечный, суммарный результат которых - иерархизация ценностей. Термин "процесс" относится к совокупности конкретных приемов, методов, процедур, осознанных и спонтанных стратегий, ведущих к принятию конкретного решения. "Процесс" включает в себя "технику" принятия решений (отмежевав тех, кто решает), условия

принятия решений, организационный контекст, возможные результаты принимаемых решений.

Еще один американский политолог Г. Лассуэлл изложил своё видение процесса принятия решений в книге «Будущее политической науки» [76, с. 7]. Он выделяет семь "функциональных этапов процесса принятия решений", которые включают информирование (постановка проблемы и поиск информации), выработку рекомендации (формулирование альтернатив), установку (отбор альтернатив), обращение за поддержкой (предварительное убеждение), оценку эффекта решения и итог (обновление, пересмотр или отмена). В свою очередь Марч и Саймон выделяют четыре стадии процесса принятия политических решений: 1) постановка проблемы; 2) поиск наиболее эффективных альтернативных решений; 3) сравнительный анализ альтернатив; 4) выбор оптимальной альтернативы в качестве плана действий.

Культура управления и принятия политических решений тесно связан с такой проблемой, как артикуляция интересов больших социальных групп, социально значимых слоев населения и непосредственных субъектов политических действий. Этому вопросу уделяется особое внимание, в частности американскими и польскими специалистами.

Артикуляция интересов осуществляется представительными органами власти, политическими партиями, общественными объединениями, иными лоббирующими, управленческими государственными структурами, например, информационными, по связи с общественностью и другими. Критерий демократичности политической системы и проводимой ею политики характеризуется тем, насколько разнообразны эти каналы и как широки возможности использования их различными группами общества, любым гражданином для выражения своих интересов и доведения их до правящих структур.

Возвращаясь к этапам принятия политических решений, заметим, что в конечном счете можно выделить две основные стадии или фазы этого процесса. На первой фазе формулируются проблемы, определяются условия политической деятельности, выявляются препятствия, возможные в будущем. Эти препят-

ствия могут иметь как внутренний, так и внешний характер; они могут быть связаны, например, с теми средствами, которые будут иметься в распоряжении политических лидеров, с выгодными или невыгодными изменениями, происходящими в окружении организации и т. д.

Вторая фаза — это непосредственно стадия принятия политического решения, акт выбора одного из предполагаемых вариантов решения. Само собой разумеется, этот выбор обусловлен подготовительным процессом и во многом зависит от него.

Все разнообразие политических решений можно подразделить на пять типов: 1) законы и постановления высших органов власти; 2) решения местных органов власти; 3) решения, принимаемые непосредственно гражданами; 4) решения высших органов политических партий и общественных организаций; 5) решения местных органов политических партий и общественных организаций. Как видим, первый и второй типы решений принимаются представительными и исполнительными органами власти, третий - непосредственно населением, четвертый и пятый - негосударственными организационными структурами политической системы.

Признанные авторитеты в области управления Ч. Линдблум и другие считают, что в настоящее время существуют два основных метода принятия политических решений: рационально-универсальный и метод последовательных ограничений ("метод ветвей"). Первый из них предполагает рациональное выделение проблемы и выбор путей ее решения, наиболее соответствующих поставленным целям. Это - как бы идеальный план решения вопроса, результат "правильного мышления", предполагающий сбор всесторонней информации, минимизацию издержек при формулировке целей, выборе средств их реализации и т. д.

В то же время понятно, что на практике политики исходят не столько из оптимального, сколько из возможного образа действий.

Иными словами, в практической политике правительство часто не следует логически предписанной схеме: постановка проблемы и ее решение. Реальные проблемы, требующие политического вмешательства, зачастую возникают внезапно,

и правящие элиты вынуждены начинать действовать еще до того, как определяют свои цели и предпочтения.

Таким образом, на практике более применим "метод ветвей", который исходит из необходимости внесения в обычную управленческую деятельность так называемых инкрементальных поправок (англ. — приращение), дающих возможность реализовать частичные цели. Даже допуская действия, противоречащие общей стратегии управления, правящие круги способны таким путем добиваться постепенного успеха в своей политике. Однако, избегая больших ошибок в управлении государством, элиты при такой тактике не могут обеспечить каких-либо крупных прорывов в развитии общества.

Учитывая плюсы и минусы того и другого методов принятия решений, ряд ученых, и в частности Д. Этциони, настаивают на большей продуктивности так называемых смешанно-сканирующего метода, который предполагает, с одной стороны, широкий рациональный взгляд на политические проблемы общества и выделение их общих, типических свойств, и с другой - использование представлений, раскрывающих глубинные основы противоречий, для разработки какой-то одной проблемы, возникшей в конкретной ситуации. Последовательно применяя общетеоретические, рациональные знания для урегулирования конкретных вопросов, можно достичь эффективного политического управления.

В принятии и реализации политических решений многое зависит от политической культуры их разработчиков или авторов. Например, политики принимающие решения в условиях переходных политических систем, зависят в первую очередь от лояльности и харизматических отношений со своими сторонниками. Целеустремленные лидеры, принимающие решения, предстают как революционеры. Разница в возрасте между лицами, принимающими решения, обуславливает резкие различия в восприятии в целом и в политической ориентации в частности. Процесс принятия решений затрагивает одновременно политическую, экономическую и социальную системы. Лица, принимающие решения в современных политических системах, должны иметь достаточно определенные позиции по существующим проблемам, поскольку их положение

зависит от их соответствия универсальному критерию успеха, имеющему рационально-правовую основу. Для удержания своих позиций они должны владеть управленческим искусством. В отличие от политических систем прошлого, где граждане стремились к участию в управлении, но не к формированию политики, группы граждан в современных условиях претендуют на более активную роль в определении политики, знакомят политиков, принимающих решения, со своими требованиями в некризисных ситуациях.

Политические решения можно классифицировать по разным основаниям. В частности: по отношению к тем или иным стадиям глобального политического процесса - решения, связанные с функционированием системы, ее реформированием, развитием; по уровню иерархических структур власти, субъектов, принимающих решения - решения общенациональных, региональных или местных органов власти; по характеру политических субъектов - государственные, партийные и прочие решения; по объекту, на который направлено политическое действие - политические или социальные группы, институты, нормы и тому подобное; по характеру целей и задач, осуществлению которых подчинены решения - стратегические, оперативно-тактические, общие, частные решения.

Отмеченным и другим видам политических решений присущи некоторые общие черты, отличающие их от управленческих решений из иных областей общественной жизни.

Одна из особенностей политического решения связана с необходимостью выбора многих целей и задач, определения приоритетных из них и установления соответствующих (нередко разнородных) критериев успешности осуществления. Любой программный проект деятельности, например, политической партии, как политическое решение всегда является многоцелевым, с определением последовательности (в зависимости от значимости) реализации целей и соотношением намечаемых действий с ожидаемыми результатами и их последствиями.

Другая существенная черта политического решения состоит в том, что непосредственным субъектом принятия решения выступает лидер или

организация, представляющие большие социальные группы или даже в целом государство. Решение действенно, если ему обеспечена поддержка тех, от имени кого оно принимается.

Рассматривая проблему принятия политических решений, необходимо иметь в виду, что формальным субъектом решения можно назвать то лицо, которое осуществляет окончательный выбор и принимает на себя ответственность за него. Однако может существовать еще и фактический субъект решения, которого следует искать в другом месте. То есть, мы хотим сказать, что возможна ситуация, при которой официальные институты, на первый взгляд несущие ответственность за процесс принятия решений, являются на самом деле лишь исполнителями чужой воли. В подобном случае, чтобы определить, в чьих руках действительно находится политическая власть, требуется тщательно изучить взаимоотношения между политическими элитами и фактическими носителями власти, которые контролируют и направляют процесс принятия политических решений официальными структурами.

Политические управленческие решения обладают достаточной эффективностью лишь при условии, если они отвечают определенным требованиям. Каковы эти требования? Прежде всего, управленческое решение должно иметь четкую целевую направленность. Оно обязано быть всесторонне обоснованным, что означает и обоснованность выбора той или иной альтернативы, и обоснованность отдельных компонентов самой альтернативы.

Культура политического управления предполагает, что политическое решение должно быть адресным - четко ориентированным на конкретный управляемый объект и конкретных исполнителей, на их возможности и компетентность. Оно должно быть согласовано с ранее принятыми решениями и являться правомочным, то есть, находиться в соответствии с правами и полномочиями, предоставленными данному органу, лицу, политическому институту.

Само собой разумеется, управленческие решения в сфере политики обязаны быть своевременными, должны приниматься не ранее, но и не позднее необходимых сроков. Однако самым главным фактором рациональности и

эффективности политических решений является одобрение их различными социальными слоями, группами, классами, обществом в целом. Специалисты выделяют такие критерии рациональности политического решения, как:

- 1) социальная поддержка, соответствие предпочтениям и ожиданиям большинства людей, которых касается решение;
- 2) адекватность решения общественной системе ценностей;
- 3) экономность действий, предлагаемых тем или иным вариантом.

Культура политического управления во многом зависит от методов принятия политических решений? Каковы эти методы? Таковыми являются компромисс, консенсус и гегемония.

Что такое компромисс? Признавая, что понятие компромисса, как впрочем, и консенсуса, трудно поддается точному определению и носит в значительной мере условно-эмпирический характер, отметим, что это соглашение или договоренность на основе взаимных уступок. Механизм компромисса включает в себя, прежде всего существенную сторону, то есть уступку субъектов социальной деятельности, интересы которых не сходятся или противоположны, а также основные черты и условия осуществления компромисса: временность, обоюдность, обоюдовыгодность и др. Несомненно одно: компромисс выступает необходимой предпосылкой демократии. Можно сказать также, что он является одним из важнейших элементов демократии. Компромиссное решение проблем характерно для любой демократической системы или сообщества. Демократия и компромиссы неразделимы. Демократия - это своего рода образ жизни. Компромиссы внутренне присущи демократии прежде всего потому, что в ней существуют институты, в рамках которых возможны уступки, публичное согласование интересов и благоприятное общественное мнение, в большинстве своем настроенное на мирное разрешение противоречий и конфликтов, выработавшее стойкий иммунитет к силовым или чрезвычайно радикальным решениям.

А что такое консенсус? Консенсус - это общее согласие по спорным вопросам, достижение договоренностей без проведения формального

голосования. Это нечто среднее между принципом единогласия в решении различных вопросов и их решением на основе учета мнения большинства.

Как можно совместить эти два, казалось бы несовместимых принципа? Видимо, только с учетом того, что позиция тех, которые не поддержали большинство в решении каких-либо вопросов останется достаточно нейтральной. По крайней мере, это меньшинство не возражает и не выступает против именно такого решения данного вопроса, хотя, может, внутренне и не совсем приемлет его. Таким образом, консенсус — это относительное согласие всех членов какого-либо сообщества по поводу решаемых проблем.

Совершенно очевидно, что это компромиссное согласие должно базироваться на наличии определенных ценностей и норм, в целом разделяемых и принимаемых почти всеми участниками данного сообщества, будь то коллектив, организация, социальная группа или общество в целом. Из сказанного следует, что проблемы консенсуса неразрывно связаны с развитием социального партнерства, политического центризма, идеологического и экономического плюрализма. Эти моменты не слишком сочетаются с классическим кредо политического управления, утверждающего принцип единства государства и общества (государство управляет обществом, если общество открыто для государства); иерархию государственных институтов, определяющих критерии управления и организации развития; четкое разделение субъекта и объекта управления.

Американский социолог и политолог Э. Шилз, например, рассматривает проблему консенсуса в макросоциологическом контексте взаимоотношения центра и периферии социальных систем, связывая ее с вопросом об уважении к центру системы. Это значит, что для эффективного функционирования общества "культурная система" должна включать продукты культуры, положительно ориентированные к "центральной институциональной системе". В случае расхождения между ними центральная институциональная система утрачивает свою легитимность, что ведет к социальным конфликтам. Э. Шилз полагает, что консенсус как "состояние эффективной солидарности" по вопросам общего порядка может быть достигнут и между "секторами социальной системы",

находящимися в "диссенсусе" (отсутствии согласия) друг с другом по частным вопросам [108, с. 74 – 76, 214 – 215].

Консенсус - это, можно сказать, и метод, и способ, и одновременно процесс группового принятия решений. Это заключение договоров, подписание договоров, принятие решений на основе общего согласия участников. Суть консенсуса - найти приемлемое для всех решение. Поскольку добиться этого не просто, то те, кто встают на данный путь, должны проделать большую работу: собрать всю необходимую информацию, сопоставить точки зрения, обсудить и согласовать между собой разные варианты решений.

Вообще следует сказать, что оптимальное функционирование всякой демократической человеческой общности возможно только вследствие консенсуса. Любое групповое усилие может дать положительный результат в том случае, если оно осуществляется с общего согласия. Помимо конструктивности, несомненным достоинством консенсуса является принцип справедливости. Общественное мнение складывается из мнений всех членов того или иного сообщества. Следовательно, мнение всех должно быть учтено при принятии решений. Принятие решений методом консенсуса служит гарантией того, что общественному прогрессу будет соответствовать прогресс политический. Главной предпосылкой политического консенсуса является дух толерантности, компромисса и легитимности.

Таким образом, консенсус — объединительная сила человеческого общежития. Когда рвутся связи консенсуса, возникают конфликты и кризисы. Чтобы восстановить стабильность, требуются новые консенсусы, для достижения которых необходимы компромиссы.

Существуют разные уровни консенсуса. Консенсус может быть достигнут в рамках или масштабах всего общества (основной консенсус), региона, социальных групп, партий, организаций, на уровне политики в той или иной сфере, области, по тому или иному вопросу. Что означает основной консенсус? Под данным консенсусом понимается чаще всего определенная степень гражданского согласия в отношении общественного, государственного устройства и проблем

развития страны, характеризующаяся наличием значительной поддержки проводимого курса и отсутствием его активного неприятия, что позволяет управлять обществом ненасильственными методами.

Как достигается основной консенсус? Очевидно, в обществе существуют некоторые базовые, основополагающие идеи и ценности, которые одобряются и поддерживаются представителями различных социальных сил. Такими интегрирующими ценностями могут быть национальные идеи, религиозная приверженность, а также права и свободы личности. При отсутствии базовых начал для основного консенсуса не исключается согласие на уровне отдельных политических сил - партий, движений и объединений. Примером тому в истории множество.

Что касается гегемонии в политике, то она выражает главенствующее положение какого-либо класса, государства или органа по отношению к другим классам, государствам, органам. Гегемония как политический принцип складывается в тех случаях, когда социальные субъекты обладают неодинаковым весом в системе социально-политических отношений, однако рассматривают друг друга не как противников, а как союзников и партнеров по реализации своих интересов. В этих случаях приоритет принятия политических решений принадлежит более могущественному субъекту, а его менее сильные союзники соглашаются с предложенной альтернативой как отвечающей их интересам. Гегемония как метод принятия политических решений довольно часто используется как в отношениях между различными социальными группами в рамках одной политической системы, так и в отношениях между различными государствами.

Третья фаза управленческого процесса связана с реализацией политического решения, достижением намеченных целей. Данная фаза является процессом, в свою очередь состоящим из определенных этапов, которым сопутствуют также решения, имеющие, как правило, оперативный характер. На этой фазе возможна определенная модификация принятого ранее решения. Однако следует иметь в виду, что изменение решения, его модификация требуют определенных до-

полнительных затрат. И тем не менее в некоторых ситуациях подобная мера необходима, поскольку потери от реализации предыдущего решения могут оказаться более значительными, нежели затраты на изменение решения.

Необходимо также иметь в виду, что оптимальная реализация принятого решения возможна только при соблюдении всех правовых норм, на основе которых действуют органы власти – политического руководства и управления. В противном случае компромиссное соглашение, достигнутое в ходе принятия решения, все равно рано или поздно будет нарушено одной из конфликтующих сторон.

В реализации политического решения многое зависит от политической культуры самого политического руководства, политических лидеров и их команд. Умелое и чуткое регулирование политических процессов, своевременная корректировка принятых решений и курса в целом, способствуют успешному достижению поставленной цели.

Вместе с тем важным компонентом в реализации целей следует считать условия, в которых проводится вся работа, то есть совокупность факторов, которые необходимо всесторонне учитывать и использовать. Здесь можно выделить такие категории факторов, как объективные и субъективные. К первым относят те, которые характеризуют условия осуществления управленческой деятельности, существующие вне и независимо от сознания человека. Вторые связаны с активностью человеческого сознания, действиями людей, то есть характеризуют, главным образом, опыт, сноровку политических руководителей, их умение подобрать команду и направить ее работу.

Воплощению управленческого замысла способствуют и определение властями общей стратегии, выбор ими характера действий или тактики. Под стратегией обычно понимают основную политическую линию того или иного политического субъекта на какой-то крупный период. Она включает в себя определение перспективной цели, которой необходимо добиться; общественные силы, которые необходимо победить или нейтрализовать; а также союзников в этой

борьбе. Стратегия обычно остается неизменной на протяжении длительного времени.

Тактика - это совокупность конкретных форм деятельности, которые меняются в зависимости от изменения политических условий. Она вытекает из стратегии и подчинена ей. Тактика определяет уже не генеральную линию, а решение повседневных задач, намечает пути, средства и методы претворения стратегической линии в жизнь. Если стратегия остается неизменной на протяжении длительного отрезка времени, то тактика может меняться в соответствии с изменением политической ситуации.

Необходимо иметь в виду, что принятие и реализация политических решений - это наука и искусство. Политик должен опираться на данные и выводы таких наук, как политология, правоведение, социология, социальная психология, история и др. Это необходимо для объективной оценки и верного прогнозирования развития политических событий. Однако не все в политике поддается анализу и исследованию с помощью научных методов. Немалое значение для политического деятеля имеет и здравый практический ум, и жизненный опыт, и развитая интуиция, т.е. политическая культура. Все это составляет основу политического искусства, предполагающего творческий подход, умение быстро находить верные решения в самой сложной политической ситуации.

Как правило, принято выделять несколько основных типов реализации решений: элитизм, консерватизм, демократизм, радикализм и популизм. Каждому из этих типов осуществления политического курса соответствуют определенные методы властного регулирования, характер взаимоотношений властей и населения, информационный режим властвования.

Так, популизм предполагает прямую апелляцию к общественному мнению, непосредственную опору на массовые настроения. Поэтому он неизбежно сориентирован на упрощение, а подчас и на вульгаризацию предлагаемых обществу целей. Отличительной чертой элитизма является курс на предотвращение сколь угодно значительного участия граждан не только в выработке, но и корректировке

политических решений. При консервативной политике в деятельности властей доминирует установка на сохранение структуры и функций государственных органов власти, традиционных форм и методов политического регулирования. Это способствует сохранению целостности общественного и политического организмов. К прямо противоположным результатам приводит радикализм политического правления. Это установка на коренные, основополагающие преобразования существующих порядков. В отличие от радикализма, пренебрегающего во имя будущих целей насущными правами и интересами людей, демократизм ориентируется на реальные потребности и запросы граждан, воплощение их неотъемлемых прав и свобод.

Суммируя изложенное, следует отметить, что управленческая деятельность любого масштаба включает в себя ряд обязательных функций, называемых иногда "управленческим циклом". К ним относятся: принятие решения, организация, регулирование, учет и контроль.

Начинается управленческий цикл с принятия решения. В принятом решении, как уже отмечалось, должна быть четко сформулирована цель, которую нужно достичь, и средства ее достижения. Процесс принятия решения имеет важное значение для всей управленческой деятельности.

К управленческому решению обычно предъявляются такие требования, как научная обоснованность, непротиворечивость цели и средств, выполнимость, однозначность для исполнителей, своевременность. Научная обоснованность решения выражается в строгом анализе объекта управления, выявлении его специфики, закономерностей развития, в выяснении необходимости планируемого решения, сравнении различных его вариантов для выявления наиболее оптимального из них.

Выбрав вариант решения, поставив цель, необходимо определить средства ее достижения, которые не должны противоречить цели и вести к ней с наименьшими потерями. Несоответствие цели и средств достижения может привести к большим затратам и превратить процесс политического управления в процессе разрушения.

Выбрав оптимальные средства достижения цели, политик тем самым обеспечивает выполнимость своего решения. Очень важным является то, чтобы принятое решение было понятным для исполнителей, чтобы они действовали не бездумно, механически, а осознанно, с пониманием своего места и роли в организационном процессе. В таком случае открывается возможность для их собственного творчества, направленного на рационализацию своей деятельности. Решение, соответствующее всем отмеченным требованиям, но принятое несвоевременно, теряет значительную часть своей эффективности, так как неизбежные изменения в объекте управления могут потребовать уже совсем иного, нежели принятое, решения.

Следующая функция управления - организация. Она заключается в организации, структурировании процесса, направленного на выполнение принятого решения.

Очень важной функцией является функция регулирования. Она объективно необходима, так как неизбежно сопротивление среды, различного рода сбои, вплоть до стихийных бедствий.

Для того чтобы организовать и регулировать процесс выполнения принятого решения, политик должен иметь оперативную информацию о соответствующих процессах. Это и будет учет и контроль о реализации политических решений.

Неотъемлемым элементом культуры политического управления являются его принципы. Принципы управления - это правила, которыми должны руководствоваться политические работники, деятели, лидеры в управлении политическими процессами. Эти важнейшие требования, соблюдение которых обеспечивает эффективность политического управления. В отличие от закономерностей принципы объективны лишь по источнику, а по своей сути они субъективны. Каковы же эти правила или требования?

1. Принцип научной обоснованности или объективности. Его содержание заключается в требовании, чтобы все управленческие действия осуществлялись на базе применения научных методов и подходов. Принцип

предполагает целенаправленное воздействие на ту или иную политическую систему в целом или на отдельные ее звенья на основе познания и использования объективных закономерностей в процессах обеспечения оптимального функционирования всей системы.

В толковании действия объективных закономерностей встречаются две неверные точки зрения. Первая - субъективистская, когда объективные законы общества отождествляются с юридическими нормами. На практике это ведет к волюнтаризму, то есть принятию решений, основанных лишь на воле и желании отдельных руководителей без их научного обоснования. Вторая - это абсолютизация объективных закономерностей и отождествление их со стихийностью. Сторонники подобных взглядов считают, что поскольку закономерности объективны, следовательно, они фатальны, действуют стихийно, и люди бессильны перед ними. Признание объективного характера закономерностей не имеет ничего общего с пассивностью в политическом управлении.

Достижения синергетики позволяют по-новому взглянуть на закономерное и случайное в развитии, понять, что случайность - не что-то побочное, второстепенное, а, наоборот, вполне устойчивое, характерное свойство, условие существования и развития любой системы. Случай оказывается не только формой проявления необходимости, не только явлением, причина которого ничтожно мала и затеряна среди других, а самостоятельным характерным свойством, условием, конструктивным элементом политической жизни.

Ныне коренным образом меняется понимание необходимого (закономерного, детерминированного) и случайного в самих основах мироустройства. Возникает новое понимание случайности как самостоятельного фактора в развитии. Поэтому идея приоритета необходимого над случайным требует серьезного переосмысления.

Различаются, как известно, два вида случайного. Один - проявляется в массовых явлениях, когда характеристики каждого явления неизвестны, непредсказуемы, но могут быть определены на основе теории вероятности. Второй — И. Пригожин назвал "гадальным случаем". Он единичен, его возникновение

непредсказуемо. О "гадальных случаях" нельзя что-либо утверждать до тех пор, пока они не произошли. Это, например, катастрофы, стихийные бедствия, аварии и т. п. Этот тип случайного создает в жизни условия и возможности для развития событий в совершенно неожиданном, непредсказуемом направлении [73, с. 38].

Культура политического управления заключается в умении использовать на практике объективные закономерности. Одновременно необходимо научиться управлять и случайными явлениями, которыми наполнена жизнь. Политический деятель, который умеет оценивать "гадальные случаи", обладает интуицией - весьма ценным качеством руководителя, управленца.

2. Принцип системности. В самом общем виде он может быть определен как упорядочение политической системы. Управление призвано обеспечивать и совершенствовать структурное и функциональное единство системы, вскрывать и устранять препятствия на пути к цели, ассимилировать или нейтрализовать возмущающие воздействия как внутри системы, так и вне ее. В этом, прежде всего, проявляется принцип системности в политическом управлении. В деловой практике принцип системности означает всестороннюю проработку принимаемых политических решений, анализ всех возможных вариантов их реализации, координацию усилий на различных направлениях. В социальных системах этот принцип предполагает тесную увязку экономических, социально-политических и культурных проблем в процессе решения управленческих задач. Если упустить один из этих факторов, то проблема не будет решена.

По характеру взаимоотношений со средой политические системы бывают закрытые (замкнутые) и открытые. Для замкнутых политических систем характерна их жесткая детерминированность и организация с устойчивостью, равновесностью и линейностью развития, что определяет и соответствующий директивный характер управления. Открытые политические системы предполагают широкий обмен всем необходимым, в том числе и информацией с внешним миром в любой точке, вероятностный характер процессов. Управление системой в этих условиях приобретает

качественно иной характер: поддержание равновесия и устойчивости в принципе неравновесных и неустойчивых систем исключает возможность использования заранее известного единственного варианта, и предполагает выработку оптимального решения на основе плюралистического подхода. Это означает, что жесткий, директивный характер политического управления возможен лишь как частный случай при проработке множества вариантов управленческих решений.

В отличие от законов природы, проявление которых носит абсолютный характер, политические закономерности проявляются по правилам теории больших чисел, стохастически пробиваются через множество случайностей и отклонений. Это обуславливает творческий характер самого процесса политического управления. Ошибка в выборе направления развития в управлении может привести к потере перспективы, отвлечению огромных общественных ресурсов на достижение решение нереалистических целей.

3. Принцип эффективности (оптимальности). Его суть в достижении поставленной цели в максимально короткий срок и с наименьшими затратами материальных средств, усилий, человеческой энергии. Эффективность управления обеспечивается различными методами и средствами. Важную роль здесь играют социальные эксперименты и социологические исследования. Они помогают раскрыть политические процессы во всей их сложности и многообразии, дают управляющим органам достоверную информацию, позволяя оценить эффективность той или иной системы управления. Самым эффективным методом в конкретной ситуации является тот, который более всего соответствует данной ситуации.

4. Принцип информационной достаточности означает, что в условиях небывалого роста объемов информации, в том числе и информации, используемой в политическом управлении, огромное значение приобретает интенсификация информационных процессов. Автоматизация актов управления с помощью электронно-вычислительной техники, способной с огромной скоростью производить сложнейшие расчеты, позволяет

оптимизировать управление, решать задачи политического руководства с наименьшими затратами труда, времени и с наибольшей точностью. Современные ЭВМ и информационные системы освобождают человека от многих рутинных умственных операций, связанных, например, с громоздкими расчетами, вычислениями, поисками нужных сведений в огромных массивах информации и тем самым обеспечивают информационную достаточность. С точки зрения компьютеризации и информатизации Беларусь пока еще отстает от самых развитых стран. В этой связи следует серьезно повышать информационную культуру наших управленческих кадров.

5. Принцип обратной связи. Он заключается в создании ступенчатой структуры управления, при которой первичные звенья (нижний уровень) управляются своими же органами, находящимися под контролем органов руководства следующего уровня. Те в свою очередь подчиняются и контролируются органами еще более высокого порядка. Соответственно цели перед низшими звеньями ставятся вышестоящим органом управления. Каждый служащий в административной иерархии отвечает перед вышестоящим лицом за решения и действия не только свои, но и всех подчиненных ему лиц. Для того, чтобы нести ответственность за работу последних, он должен иметь авторитет, власть над ними, право давать приказание.

Постоянный контроль за деятельностью всех звеньев управления осуществляется на основе обратной связи. По сути, это сигналы, выражающие реакцию управляемого объекта на управляющее воздействие. По каналам обратной связи информация о работе управляемой системы непрерывно поступает в управляющую систему, которая имеет возможность корректировать ход управленческого процесса. Множество обратных связей внутри системы управления позволяет многократно дублировать информационные сигналы и команды, затрудняя для бюрократических структур возможности сокрытия или искажения этих сигналов в собственных интересах.

6. Принцип эволюционизма предполагает необратимый характер времени как характеристику открытых систем и применительно к управлению

или означает необходимость его повседневного совершенствования, приведения в соответствие с новыми условиями каждого нового периода. Этот принцип означает, что управлению должен быть свойственен плавный, созидательный, планомерный характер, преемственность, последовательность стадий и этапов, независимость от социальных и политических катаклизмов. Иначе управление превращается в свою противоположность, вызывая кризис управляемой системы, ее хаотическое состояние.

Политическая система и протекающие в ней процессы рассматриваются, как уже отмечалось, с позиций неравновесности и нелинейности. Последствия их, как правило, непредсказуемы, то есть заданным состоянием явления могут следовать не строго определенные, а самые различные состояния, причем вероятность появления нового состояния определяется стохастическими закономерностями. Кроме того, в обществе и политике существуют своеобразные и достаточно длительные переходные состояния, характерной чертой которых является их маргинальность и неустойчивость развития.

Наконец, в политической жизни накапливаются многочисленные случайные флуктуации (отклонения) от необходимого; под их влиянием система входит в бифуркационное состояние и ее возможные изменения становятся многовариантными и непредсказуемыми.

7. Следующий важнейший принцип управления—принцип вероятности. Он означает, во-первых, что политический процесс не предопределен и не запрограммирован - он вероятен: как уже отмечалось, его вероятностная природа проявляется в многовариантности развития. Во-вторых, результаты политического управления носят также вероятностный характер, тянут за собой шлейф таких последствий, многие из которых совершенно неожиданны. В этой связи управленец напоминает собой путника перед развилкой многих дорог. Это обуславливает творческий, альтернативный характер самого процесса управления. Ошибки в управлении могут привести к непредсказуемым последствиям. В истории немало примеров, подтверждающих это положение. Например, принципиальная несостоятельность административно-командного

метода состоит в том, что аппарат управления здесь пытается навязать жесткую схему поведения элементам системы, обладающим непредсказуемым характером. В ответ на команду "сверху" члены общества и нижние иерархические этажи управления вырабатывают контрстратегию, позволяющую не выполнять или извращать эти команды, дезинформировать массы. Тоталитаризм обрекает общество на саморазрушение: распадаются информационные связи, которые подменяются вертикалью команд, уничтожается автономность общественных структур, подавляется свобода личности, что исключает творческий выбор и вообще творчества. Вот почему высвобождение и использование творческих ресурсов, стимулирование инициативы снизу приобретает первостепенное значение.

8. Важным принципом политического управления является определение так называемого ведущего звена. Ведь при решении той или иной управленческой задачи всегда приходится иметь дело с множеством явлений, событий, факторов и т.д. Разумеется, необходимо принимать во внимание всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов. Однако из всей этой совокупности фактов, задач необходимо выделять решающие.

Найти основное звено в управлении означает выявить главную причинную связь, определяющую качественную специфику политической системы, ее сохранение, прогресс, динамику развития. Основное звено - это то звено, которое цементирует систему, объединяет, интегрирует ее в единое целое, обеспечивает ее функционирование и совершенствование. Воздействие на него в соответствии с целями управления является существенной предпосылкой повышения культуры политического управления.

Важно учитывать, что ведущее звено - не постоянная величина в непрерывно развивающемся управляемом процессе. Оно меняется в ходе его поступательного движения. Так, в реформе политической системы на первый план сейчас выдвигается проблема формирования демократического, социального, правового государства.

9. Необходимым элементом культуры политического управления выступает принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации. Существует неразрывная взаимосвязь между децентрализмом и централизмом, что находит выражение в диалектическом сочетании административного и самоуправленческого начал в политическом управлении. Необоснованный крен в сторону централизма ограничивает инициативу, самостоятельность работников. Что касается другой крайности, связанной с перекосом в сторону безбрежного демократизма, то она способна породить анархические и другие отрицательные тенденции. В силу этих причин установление правильного соотношения между децентрализмом и централизмом является одной из основных проблем совершенствования политического управления.

Проблема сочетания централизации и децентрализации в управлении состоит в оптимальном распределении (делегировании) полномочий при принятии управленческих решений, то есть вышестоящее лицо или орган должны делегировать ответственность за часть вопросов своим подчиненным или нижестоящим органам.

10. Принцип сочетания централизации и децентрализации предполагает необходимость умелого использования единоначалия и коллегиальности в политическом управлении. Сущность единоначалия состоит в том, что руководитель конкретного уровня управления пользуется правом единоличного решения вопросов, входящих в его компетенцию. По сути, это предоставление политическому деятелю, лидеру широких полномочий, необходимых для выполнения возложенных на него функций управления, реализации персональной ответственности. Единоначалие означает, что каждый работник должен получать команды и распоряжения только от одного должностного лица и отвечать только перед ним за выполненную работу.

Единоначалие оправдало себя на протяжении веков, так как способствовало повышению ответственности за порученное дело, устраняло дублирование в совместной работе и уменьшало число конфликтов в организации. Единоначалие с успехом применяется и в наши дни; следование ему является необходимым

условием создания эффективной структуры управления тем или иным сообществом.

Коллегиальность предполагает выработку коллективного решения на основе мнений руководителей разного уровня, а также исполнителей конкретных решений. Соблюдение разумного соотношения между единоначалием и коллегиальностью составляет одну из важнейших задач политического управления, от правильности решения которой во многом зависит его эффективность и действенность.

Таким образом, с одной стороны, обсуждение, дискуссии, коллегиальность, с другой - установление строжайшей ответственности за исполнительские функции. Коллегиальность в работе предполагает личную ответственность каждого работника за порученное ему дело. Самостоятельность и свобода действий субъектов политики неотделимы от их ответственности. Зависимость здесь линейная: чем больше предоставленная ему самостоятельность, тем большую он несет ответственность.

Мыслителями разных эпох замечено, что власть, в том числе и политическая, в определенных условиях негативно воздействует на ее носителей или субъектов. Не случайно говорят, что власть развращает, особенно это относится к бесконтрольной власти. В этой связи весьма показательны явления бюрократизма и бюрократии.

Что такое бюрократизм? Термин происходит от французского слова "бюро", что в переводе означает письменный стол, канцелярия, и от греческого "кратос" - власть. Следовательно, в буквальном переводе это понятие означает власть учреждений, канцелярий.

В общепринятом представлении "бюрократ" - это служащий средних звеньев государственного аппарата, чиновник. Бюрократизм же представляется как система, способ и стиль управления. Бюрократия понимается как слой людей, связанный этой системой.

В мировой общественной мысли сложились два традиционных подхода к трактовке бюрократизма и бюрократии. Первый - отечественный подход-

отношение к бюрократии как к злу, аномалии. И второй подход - западная, веберовская трактовка бюрократии, под которой понимается не извращение управленческого процесса зловердными служащими, а обычное чиновничество госаппарата [62, с. 23].

Рассмотрим вначале первую традицию. Естественно, что данный подход отражает то, что существует в жизни, в действительности. А в нашей жизни бюрократизм всегда был многолик, многообразен. Он может выступать в виде политического произвола, чиновничьего высокомерия и игнорирования добросовестного отношения к труду, взяточничества. Во всех этих случаях интересы людей в расчет не принимаются. На первый план выдвигаются эгоистические интересы, получения разного рода льгот и привилегий. Служебное положение используется бюрократом в личных и групповых целях, а часто просто для того, чтобы показать кому-то свою власть. При этом власть осуществляется якобы во имя всеобщего блага. Действия бюрократа сопровождаются формализмом и крючкотворством; и это прикрывается необходимостью выполнения указаний сверху, различных инструкций и нормативных документов, политической целесообразностью.

Таким образом, происходит заурядная подмена: вместо организации управления с целью реализации общественных, в том числе и политических интересов, управление осуществляется для реализации своих собственных корпоративных интересов.

При этом, что особенно раздражает людей, бюрократия оказывается как бы стоящей над массами. Управленческий профессионализм порождает у нее чувство превосходства над простыми людьми. Отсюда еще больше развивается аппаратный эгоцентризм, стремление использовать служебное положение для обеспечения своекорыстных целей.

Чиновник - бюрократ, который всегда слепо следует букве закона. Он не видит за ней реальной жизни, живых человеческих нужд. Поэтому его деятельность превращается фактически в саботаж общественных интересов. Бюрократизм – антипод политической культуры.

С бюрократизмом тесно связан карьеризм. Бюрократ-карьерист всегда формально точно выполняет указания руководства. Причем всегда именно так, как этого хочется "шефу". Не дай Бог в процессе работы прийти к нежелательному для руководства выводу, даже если этот вывод закономерно вытекает из анализа положения дел. За таким усердием скрывается стремление угодить начальству. Работа и ее результаты не нужны карьеристу. Они интересуют его иных позиций. Он смотрит на них лишь как на средство выдвигания.

Каковы причины бюрократизма и бюрократии? С одной стороны, это, конечно, связано с нехваткой подлинной культуры, отсутствием твердых нравственных принципов и т.д. С другой стороны, это следствие дисгармоничного функционирования политического режима, общественной системы в целом. В условиях демократического общества бюрократия (управленцы) находится под контролем прессы, общественного мнения, законов и т.д. В условиях же авторитарных политических систем возможности такого контроля ограничены, а то и полностью отсутствуют. Тут мало сдерживающих моментов против разгула бюрократии, всевластие и незаконность ее становятся проклятием общества.

Превращаясь в неконтролируемую силу, бюрократия, и прежде всего политическая, стремится подчинить законы общества собственным своим законам. А они формальны и порочны. И человек, в конце концов, лишается права выбора, а это значит, права свободы. Как ему поступать - диктует бюрократия. Тем самым и человек, и общество в целом лишаются стимулов деятельности, вернее, внутренних стимулов саморазвития. А это ведет к социальной и политической деструкции, стагнации и, в конце концов, к деградации. Главными причинами бюрократизма являются экономические отношения директивного характера, а также отсутствие подлинной демократии. Поэтому основные пути борьбы с бюрократизмом - преодоление экономического и политического отчуждения, широкое развитие демократии и самоуправления в обществе. Важным направлением борьбы с бюрократизмом является также совершенствование работы государственного аппарата,

подготовка управленческих кадров и рациональное законодательство о государственной службе и государственных служащих. Это что касается отечественного подхода к рассмотрению проблемы бюрократии [45, с. 63-83].

В западной политологии понятие бюрократии не имеет негативного характера, и теория ее представляется как концепция управления социальными процессами, которая отражает реальный процесс бюрократизации всех сфер общества в период перехода от свободного предпринимательства к государственно-монополистическому капитализму. Основы этой теории были заложены еще Сен-Симоном и Вебером. Последний, кстати, основной чертой бюрократизма считал его рациональность и скептически относился к возможности его ликвидации [20, с. 141].

В современной западной политологии бюрократия определяется как профессиональный корпус должностных лиц. Считается, что "бюрократ" может быть хорошим или плохим, но без него не обходится ни одно государство. Поэтому надо прилагать все усилия для того, чтобы он был именно хорошим. Госчиновники служат всему обществу, и общество заинтересованно в том, чтобы его интересы представляли квалифицированные специалисты, которых необходимо готовить весьма основательно. Их права, обязанности и властные полномочия четко очерчены законом. В сфере власти нет места неопределенности, случайности и произволу.

На Западе все государственные служащие делятся на две неравные части, или два "слоя". Первый - политический. В него входят министры, заместители министров, начальники госкомитетов и других крупных управлений. В каждой стране таких служащих немного - всего несколько сот. Они - политики и назначаются пришедшей к власти партией. Когда к власти в стране приходит другая партия, то первое, что она делает, - заменяет всех госслужащих "политического слоя".

Второй "слой", куда более многочисленный, - неполитический. Это и есть собственно чиновники - государственные служащие, выполняющие волю политиков. Их коренное отличие от первого, политического, слоя заключается в том, что госчиновника нельзя заменить. Практически везде в западных странах он

работает на основе пожизненного найма. Уволить его можно только в случае совершения уголовного преступления или по этическим мотивам (подозрение в аморальном поступке, взяточничестве и т. д.). В отличие от первого, чиновникам второго "слоя" запрещено заниматься активной политической деятельностью. Свои гражданские права они могут реализовать путем голосования во время выборов. Таким образом, чиновничество во всех развитых странах деполитизировано. Министры, их заместители приходят и уходят в зависимости от смены власти, а чиновники остаются. Ведь они служат не правительству, а всему обществу. И это отнюдь не риторическая фраза.

Как уже было сказано, независимое положение госчиновника имеет прочную юридическую базу. Он не зависит ни от политической власти (пожизненный найм), ни от своего непосредственного начальника (его продвижение по службе определяет специальная комиссия). Запрет на активное участие в политической деятельности лишает его возможности служить интересам той или иной партии, хотя в ряде стран быть членом партии ему не возбраняется. Изменен традиционный облик чиновника - подхалима и лизоблюда. Зачем ему угодничать перед начальником, если тот не может ни повысить его, ни уволить? Не работает в системе западной госслужбы традиционная у нас система блата и так называемого «телефонного права». Государственным чиновником можно стать только в результате открытого для всех конкурса. Ни один начальник не имеет права самостоятельно набирать себе "команду", руководствуясь собственными вкусами и пристрастиями. На госслужбу людей набирают, как правило, в молодом возрасте, обычно с 27 до 45 лет. Для этого объявляются открытые, доступные для всех конкурсы. Они привлекают громадное число претендентов - до ста и более человек на место. Советские журналисты-международники в былые времена обычно изображали такие конкурсы, как свидетельство бедственного положения трудящихся в странах Запада, вынужденных биться за место чиновника.

На деле же все не совсем так. Конкурсы велики потому, что престиж государственной службы на Западе необыкновенно высок. И дело тут не в

зарплате. В частном секторе она гораздо выше. Дело в высоком социальном престиже госслужащего, а также в привилегиях. Эти привилегии весьма значительны. Именно они делают работу чиновника столь привлекательной и желанной.

Каковы эти привилегии? Первая из них - это уже упомянутая стабильность положения чиновника, которого, несмотря ни на какие экономические бури, нельзя уволить. Вторая - пенсионное обеспечение. Всякий госчиновник обеспечен стабильной и весьма высотой государственной пенсией. И не только пенсией, но и так называемой "ликвидацией" при уходе на пенсию. То есть единовременным денежным пособием, зависящим от последнего оклада и проработанных лет. Для чиновников высоких рангов эта «ликвидация» достигает весьма внушительных размеров. На эти деньги можно купить, например, дом или квартиру. Третья важная привилегия — бесплатное медицинское обслуживание. Госчиновник не только получает бесплатную медицинскую помощь в больницах и амбулаториях, но может получать бесплатно или с большой скидкой покупать любые лекарства. Четвертая привилегия - компенсация в расходах на жилье. Государство частично, а то и полностью возмещает ему расходы на квартиру.

Все эти привилегии определены соответствующими законами и проведены через парламент. Поэтому никому даже в голову не приходит оспаривать их целесообразность или требовать их отмены. Ведь если государственная служба не будет привлекательной для талантливых и энергичных людей, то в чиновники пойдут посредственные личности и от этого проиграет все общество.

Государственная служба на Западе регулируется на основе нескольких важных правил. Во-первых, это требование высокого профессионализма. Каждый год чиновники должны проходить переаттестацию. Проводит ее независимая комиссия, которая может присвоить чиновнику следующий ранг, а может и оставить на прежнем месте. Госчиновника нельзя понизить в должности. Его можно только повысить или оставить на прежнем месте. Если в результате нескольких переаттестаций чиновника не повышают, для него это сигнал о том, что путь

наверх ему закрыт. В таком случае он может уйти с государственной службы из соображений престижа. У него есть связи, и его охотно возьмут в любую частную компанию на хорошую должность. Государственная служба таким образом как бы самоочищается. Второе правило — это уже упомянутый конкурсный отбор кадров для госслужбы. В-третьих, полная гласность и открытость конкурсов, которые проводятся при соблюдении строгих этических правил. Нельзя, например, задавать на конкурсе вопросов, которые не были заранее оговорены и т.д.

Однако самое главное, конечно, это высокий профессионализм чиновников. Достигается он путем конкурсного отбора, специальной системой подготовки, обучения и постоянным повышением квалификации. В каждой стране есть особое ведомство, занимающееся отбором кадров для государственной службы, повышением их политической культуры. Министерства при этом выступают в роли заказчика кадров, а эта служба им их поставляет. Причем министерства обязаны принимать направляемые кадры, и не могут не зачислить их на работу. Для поступившего на госслужбу устанавливается испытательный срок, обычно в три года. Если испытание проходит успешно, то кандидат в «чиновники» зачисляется на пожизненную постоянную работу и с ним заключается соответствующий договор. Жизнь чиновника на Западе регулируется множеством правил и норм. Он обязан постоянно общаться с людьми, быть открытым. Невозможна ситуация, когда бы служащий сидел, запершись в кабинете, и не поддерживал связей с общественностью. Эти тесные связи вменяются ему в обязанность. Мало того, чиновник обязан быть приветливым — уметь общаться с посетителями, производить на них благоприятное впечатление. Это необходимо для его успешного продвижения по служебной лестнице. Привилегии делают госслужащих практически неподкупными. Зачем рисковать и брать взятки, если и так живется неплохо? Тем не менее, есть правила, которые делают невозможными и другие злоупотребления. Так, например, госчиновникам, и даже их родственникам, категорически запрещено быть членами различных кооперативов и совместных предприятий. Им вообще запрещено иметь какие-либо личные контакты с миром частного

бизнеса. Даже если нужно посетить частную фирму по делам службы, то надо спрашивать на это разрешения. Короче говоря, жизнь чиновника, а точнее, государственная служба в развитых странах регулируется столь четкими и строгими правилами, что делает почти невозможными злоупотребления и правонарушения.

Борьба с бюрократизмом в нашем обществе может быть эффективной только в рамках процесса глубокой и последовательной демократической перестройки всей системы общественных отношений, повышения общей и политической, правовой культуры всего населения и управленцев в первую очередь.

В исследовании бюрократической проблематики сделаны пока только первые шаги. Среди многих проблем, требующих первоочередного осмысления, можно назвать следующие: место и роль бюрократии в социальной структуре общества; внутренняя структура бюрократии, прежде всего политической, иерархия ее групп и слоев; механизм бюрократического правления, его важнейшие звенья; основные функции бюрократии; социополитические основы бюрократической системы и др.

Не должно быть иллюзий относительно возможности уже сегодня выработать законченную программу преодоления бюрократических явлений. Для этого потребуются значительное время и соответствующие условия. Они связаны с необходимостью разносторонних и глубоких исследований общества, законов и тенденций его функционирования и развития. Кроме того, учитывая, что бюрократия - явление интернациональное, предстоит осмыслить опыт других стран. Одним словом, необходимо поставить анализ бюрократии на солидную и долговременную научную основу.

8. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политическое управление неразрывно связано с политическим риском. Что же такое политический риск, какова его природа, причины возникновения и существования?

Риск является неотъемлемой чертой любой человеческой деятельности [37, с. 92]. Подавляющее большинство задач, которые человек решает в различных институциональных системах и обыденной жизни, имеют рискованный характер. Человек может быть больше или меньше склонным к риску, но избежать рискованных предприятий невозможно.

Субъект, принявший решение участвовать в той или иной рискованной деятельности (политик, менеджер и т. д.), прежде всего осмысливает, осознает рискованную ситуацию, затем оценивает её и приспосабливается к риску или «избегает» его. Во многих ситуациях риск играет положительную роль, ибо он мобилизует человека в условиях неизбежного выбора, нацеливая его на принятие нестандартных, оригинальных решений в поиске социально значимых результатов и преодолении ситуации неопределённости.

В словаре современного русского языка С.И. Ожегова риск определяется, с одной стороны, как возможная опасность чего-либо, с другой - как действие наудачу, требующее смелости, бесстрашия, в надежде на счастливый исход. Согласно словарю Даля, рисковать - значит, в одном случае, пускаться в неверное дело, наудалую, отважиться идти на авось, подвергаться случайности, в другом - действовать смело, решительно, предприимчиво, надеясь на счастье.

Этимологический словарь Фасмера выводит слова «риск», «рисковать» от греческого «утёс», «скала». Следовательно, рисковать - лавировать между скалами [97, с. 485].

До XVII века не существовало общего понятия для обозначения риска; удача и несчастья предопределялись роком и фортуной. Новая эпоха, трансформировав представления о судьбе, идеалах и целях, принесла осознание

риска как ключевого фактора человеческой деятельности и одного из условий достижения успеха. В словаре Вебстера «риск» определяется как «вероятность ущерба или потерь», т.е. риск относится к возможности наступления какого-либо неблагоприятного события [109, с. 1961]. Расширенное толкование риска идентифицируется с понятием неопределенности, означающим невозможность точного прогнозирования оптимального вектора развития сложной системы и несущим в себе не только вероятность негативных последствий, но также и позитивные возможности.

В современных условиях оценка риска является теоретической базой для принятия решений в политике и экономике. Для преодоления неопределенности, с которой сталкиваются инвесторы в зарубежной стране, проводится анализ странового риска.

В зарубежной практике риск часто понимают как вероятность определенных ограничений в реализации желательных событий и их нежелательных последствий, связанных с потерями, ущербом. Соответственно, говорят об уровне или степени риска. Необходимость в оценках риска возникает тогда, когда ставится задача выбора в условиях, где желательно снизить уровень неопределенности. В рамках общего странового риска различают некоммерческий, или политический, и коммерческий риски.

Важнейшим этапом рискованной ситуации является этап приспособления к риску, который по своей значимости не уступает этапу рационального обоснования выбора в условиях альтернативной ситуации. «Лавирование между скалами» на этом этапе может уменьшить вероятность нежелательных событий или величины ущерба, снизить подверженность риску путем сбора дополнительной информации или распределения риска среди других субъектов рискованной ситуации и делегирования своих полномочий. При этом приспособление к риску может быть как внутренним, так и внешним. Для субъектов с внутренним приспособлением характерно то, что они не верят в возможность контроля над внешними обстоятельствами и в соответствии с этим полагаются на себя, собирая дополнительную информацию, выигрывая во

времени, обосновывая отходные маневры на случай отрицательного исхода каких-либо действий и т.п.

Для субъекта с установкой на внешнее приспособление характерны попытки модифицировать внешние обстоятельства таким образом, чтобы получить от этого соответствующие преимущества (например, оказать влияние на поведение партнера с целью его изменения в свою пользу и т.п.).

Анализ различных подходов к проблеме риска позволяет выделить такие его параметры, как: альтернативность (наличие двух или более альтернатив выбора); противоречивость (позитивный и негативный векторы реализации в конкретных социальных ситуациях принятия решений); неопределённость (невозможность однозначного предвидения результата или исхода рискованной деятельности); вероятность (вероятность достижения желаемого результата - выигрыша, удачи; вероятность получения нежелательного исхода; вероятность корреляции цели в случае её трансформации в процессе рискованной деятельности).

Таким образом, риск представляет собой такой вид деятельности, который осуществляется в ситуациях обязательного выбора, нацеленного на снятие неопределённости и на достижение желаемого результата (выигрыша), альтернативой которому может выступать вероятность неуспеха (неудачи, проигрыша), обуславливающая возможность трансформации поставленной цели (как с положительным, так и с отрицательными векторами).

В последнее время в связи с происходящими у нас процессами всё большее внимание уделяется проблеме политического риска. Политический риск - одно из узловых понятий политологии. Всё чаще говорится об анализе политического риска как о новой академической дисциплине. С одной стороны, это развивающаяся дисциплина количественных прогнозных моделей, с другой - аккумулирующая практический опыт специалистов из разных стран.

Политический риск - неустранимый элемент политического решения любого уровня, начиная с революционных преобразований всего общества и

заканчивая голосованием отдельных избирателей, заключающийся в выборе той или иной линии поведения, того или иного действия.

Попытки учитывать политический риск, вызываемый действиями отдельных государственных деятелей или правительств, предпринимались с давних пор, но современный подход к его изучению начал формироваться сравнительно недавно, ибо в наши дни во многом изменилась природа политических рисков. Как отмечают исследователи, риски, возникающие в начале XXI века – это новые риски: «Они угрожают не какому-то отдельному региону или какой-то особой «группе риска», а всем регионам и всем индивидам, независимо от отношения последних к социальным структурам и институтам власти. Это – рикошетные риски: сбои в одной системе рикошетом поражают все другие, проявляясь в самом неожиданном локусе социального пространства» [13, с. 12].

Понятие «политический риск» появилось в лексиконе американских корпораций [70, с. 43]. Одна из первых работ по этой проблеме - книга Ф. Рута «Бизнес США за рубежом и политический риск», где на формальных началах был проанализирован политический риск, которому подвергается деятельность американских компаний в других странах.

Однако выделение корпорациями политического риска как особого явления произошло лишь после того, как они пережили ряд шоковых ситуаций. Так, после энергетического кризиса 70-х годов в американских фирмах началось формирование организационных структур по оценке странового риска.

С конца 80-х гг. под эгидой Шведской академии наук выпускается серия монографий «Риск и общество», где исследуются моменты риска при принятии технологических, экономических и политических решений, а главное-взаимозависимостей между ними.

Рисковое решение принимается в ситуации неопределенности и характеризуется особым типом взаимосвязи объективных обстоятельств и субъективной деятельности. Успех при осуществлении такого решения зависит

не столько от «угадывания», сколько от политической культуры, умения и волевой решимости политиков направить ход событий в результате активных действий в пользу избранной альтернативы.

Политический риск понимается в двух аспектах:

1) как вероятность неблагоприятных последствий политических решений, предпринимаемых в условиях неопределенности, дефицита ресурсов (времени, информации и пр.), что ведет к ущербу для участников политических действий;

2) как вероятность осуществления нежелательных политических событий [17, с. 123].

С точки зрения субъекта политики, политический риск возникает вследствие несоответствия идеальным требованиям и наличным (потенциальным) возможностям управления политической ситуацией. Политический риск связан с проблемой стабилизации политической обстановки, может выступать как самостоятельный фактор политики или быть элементом других видов риска - социального, экономического (коммерческого) и проч.

Что касается базовых методологических подходов к исследованию политических рисков, то можно условно выделить два основных направления. Представители этих направлений имеют свои, зачастую сильно отличающиеся, взгляды на сущность проблемы политических рисков, свой инструментарий анализа и, безусловно, собственные проблемы.

Первое направление можно назвать «экономической школой анализа политических рисков», чьи теоретические позиции представлены в большинстве учебников по инвестиционной деятельности и коммерческому риску. Сильная сторона этой школы - оценка и прогноз долгосрочных влияний политических событий на инвестиционную деятельность.

«Экономическому» направлению противостоит «политологическое», исследующее не столько экономические последствия, сколько сам механизм возникновения и роста в политической системе кризисных явлений, способных привести к возникновению рискового события. Слабым местом этой школы

является отсутствие теоретической базы, учитывающей потребность практиков-рискологов в верифицируемых моделях расчета индексов рисков

В явлении «риск» можно выделить следующие основные элементы, взаимосвязь которых и составляет его сущность:

- возможность отклонения от предполагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива;
- вероятность достижения желаемого результата;
- отсутствие уверенности в достижении поставленной цели;
- возможность политических, нравственных и других потерь, связанных с осуществлением выбранной в условиях неопределенности альтернативы.

Важным элементом политического риска является наличие вероятности отклонения от выбранной цели. При этом возможны отклонения как отрицательного, так и положительного свойства. Указанные элементы, их взаимосвязь и взаимодействие отражают содержание риска.

Говоря о причинах возникновения риска, необходимо отметить, что в политологической литературе существуют не только различия в понимании содержания понятия «риск», но и разные точки зрения по поводу объективной и субъективной природы риска.

В научной литературе существуют три основные точки зрения, признающие или субъективную, или объективную, или субъективно-объективную природу политического риска, при этом преобладает последняя - о субъективно-объективной природе риска [101, с. 40].

Риск связан с выбором определенных альтернатив, расчетом вероятностей их исхода - в этом его субъективная сторона. Помимо этого, она проявляется и в том, что люди неодинаково воспринимают одну и ту же величину политического риска в силу различия психологических, нравственных, идеологических ориентаций, политической культуры в целом.

Однако риск имеет и объективную сторону. Объективное существование риска обуславливает вероятностная сущность многих социальных и

политических процессов, многовариантность материальных и идеологических отношений, в которые вступают субъекты социально-политической жизни.

Объективность риска проявляется в том, что это понятие отражает реально существующие в жизни явления, процессы, стороны деятельности. Причем, риск существует независимо от того, осознают ли его наличие или нет, учитывают или игнорируют его.

Субъективно-объективная природа политического риска определяется тем, что он порождается процессами как субъективного характера, так и такими, существование которых в конечном счете не зависит от воли, сознания, политической культуры человека.

Таким образом, суммируя изложенное, можно сказать, что политический риск – это вероятность нежелательных политических последствий деятельности государственных и иных политических институтов в обществе [52, с. 91].

Политический риск характеризуют ряд черт, среди которых можно выделить: неопределенность, альтернативность и противоречивость. Рассмотрим их подробнее.

Существование риска непосредственно связано с наличием неопределенности, которая неоднородна по форме проявления и по содержанию [52, с. 92]. В первую очередь, это неопределенность внешней среды. Внешняя среда включает в себя объективные экономические, социальные и политические условия, в рамках которых осуществляется политическая деятельность, и к динамике которых она вынуждена приспосабливаться. Это возможные сдвиги в общественных потребностях, изменение политической обстановки, влияющей на политическую деятельность, непредсказуемые природные явления и многое другое. Большое влияние на конечные результаты политической деятельности оказывает неопределенность политической конъюнктуры, которая вытекает из непостоянства политической ситуации.

Неопределенность условий, в которых осуществляется политическая деятельность, предопределяется тем, что она зависит от множества переменных

и лиц, поведение которых не всегда можно предсказать с приемлемой точностью. В результате каждый политик изначально лишен заранее известных, однозначно заданных параметров, обеспечивающих его успех на политическом поприще, хотя многое зависит и от его личной политической культуры.

Человек в своей повседневной деятельности вынужден постоянно выбирать один вариант из множества. Неопределенность выбора, на которую влияют многочисленные факторы, появляется лишь тогда, когда нельзя определить результаты, последствия использования того или иного варианта. Выбор варианта поведения иногда может привести к невыгодному исходу, вероятность которого не исключается. И чем больше неопределенность, тем больше риск. Из ситуаций неопределенности особый интерес вызывают такие, в которых появление нежелательных последствий весьма вероятно и им можно дать ту или иную оценку. В то же время ситуации, когда вероятность наступления неизвестных событий установить заранее невозможно или предотвратить подобные события нельзя традиционным способом, называют неопределенностью. Следовательно, ситуация риска - разновидность неопределенности, когда объективно существует возможность оценить, вероятность событий. Риск является одним из способов «снятия» неопределенности, которая представляет собой незнание достоверного, отсутствие однозначности. Хотя неопределенность в смысле уже сделанного шага «снимается», однако неопределенность ожидаемых последствий остается. Ведь действие и последствие могут быть разделены значительным промежутком времени.

Неопределенность проявляется с наибольшей силой в обстановке политического конфликта. Если же мы имеем дело с принятием решения в условиях неопределенности, то это положение можно рассматривать как конфликт с нашим собственным незнанием. Следовательно, понятия риска, конфликта и неопределенности взаимосвязаны, причем, первые два могут быть в принципе сведены к третьему.

Таким образом, основными причинами неопределенности и, следовательно, источниками политического риска являются:

1. Спонтанность политических процессов и явлений, или внезапность, возникновение вследствие внутренних причин, без непосредственного воздействия извне.

2. Случайность. Вероятностная сущность многих социально-политических процессов, многовариантность отношений, в которые вступают субъекты политической деятельности, приводят к тому, что в сходных условиях одно и то же событие происходит неодинаково, т.е. имеет место элемент случайности. Это предопределяет невозможность однозначного предвидения наступления предполагаемого результата.

Весьма заметное и не всегда предсказуемое влияние на результаты политической деятельности оказывают:

- различного рода аварии - неурожай, пожары, наводнения, выбросы атомных и тепловых электростанций и т.п.;
- межнациональные и иные политические конфликты;
- несчастные случаи на транспорте, производстве и т.д.;
- непредсказуемость поведения политических противников, электората и многое другое.

Как показывает практика, несмотря на принимаемые обществом меры, направленные на уменьшение вероятности появления негативных явлений и снижение величины причиняемого ими ущерба, указанные выше случайные события остаются возможными.

3. Наличие противоборствующих тенденций, столкновение противоречивых интересов. Проявление этого источника риска весьма многообразно: от войн и межнациональных конфликтов до политического соперничества и простого несовпадения интересов.

Так, в результате военных действий политический деятель может столкнуться с запретом на экспорт или импорт, конфискацией товаров и даже

предприятий, лимитированием иностранных инвестиций, замораживанием или экспроприацией активов или доходов за рубежом и др.

Наряду с элементами противодействия может иметь место простое несовпадение интересов, которое также способно оказывать негативное воздействие на результаты политической деятельности.

Таким образом, наличие противодействующих и противоборствующих тенденций в политическом и общественном развитии вносит в социально-политическую жизнь элементы неопределенности, создает ситуации риска.

4. Существование неопределенности связано также с неполнотой, недостаточностью информации о политическом объекте, процессе, явлении, по отношению к которому принимается решение, с ограниченностью человека в сборе и переработке информации, с постоянной изменчивостью этой информации,

Процесс принятия решений предполагает наличие достаточно полной и правильной информации [43, с. 50]. Эта информация включает осведомленность о политической ситуации. Однако на практике такая информация часто бывает разнородной, разнокачественной, неполной или искаженной. Таким образом, чем ниже качество информации, используемой при принятии решений, тем выше риск наступления отрицательных последствий такого решения.

5. К источникам, способствующим возникновению неопределенности и риска в политике, относятся также:

- ограниченность, недостаточность материальных, финансовых ресурсов при принятии и реализации политических решений;
- невозможность однозначного познания того или иного политического объекта при сложившихся в данных условиях уровне и методах научного познания;
- относительная ограниченность сознательной деятельности человека, существующие различия в социально-психологических и политических установках, идеалах, намерениях, оценках, политической культуре в целом.

В процессе своей деятельности политики сталкиваются с совокупностью различных видов рисков, которые отличаются между собой по месту и времени возникновения, совокупности внешних и внутренних факторов, влияющих на их уровень, и, следовательно, по способу их анализа и методам их описания.

Как правило, все виды политических рисков взаимосвязаны и оказывают влияние на деятельность политических лидеров. Эти обстоятельства затрудняют принятие решений по оптимизации риска и требуют углубленного анализа состава конкретных рисков, а также причин и факторов их возникновения.

Такое свойство риска, как альтернативность, связано с тем, что он предполагает необходимость выбора из двух или нескольких возможных вариантов политических решений, направлений, действий. Отсутствие возможности выбора снимает разговор о риске. Там, где нет выбора, не возникает рискованная ситуация и, следовательно, не будет риска. В зависимости от конкретного содержания ситуации риска альтернативность обладает различной степенью сложности и решается различными способами. Если в простых ситуациях выбор осуществляется, как правило, на основании прошлого политического опыта и интуиции, то в сложных ситуациях необходимо дополнительно использовать специальные методы и методики.

Таким образом, что касается такой черты политического риска, как альтернативность, то она напрямую связана с основными компонентами структуры свободы: объективной и субъективной свободой, системой принимаемых решений в политике и процессом реализации принятого решения.

Такая черта политического риска, как противоречивость, проявляется в различных аспектах. С одной стороны, риск ориентирован на получение общественно значимых результатов неоднородными, новыми способами в условиях неопределенности и ситуации неизбежного выбора. Тем самым он позволяет преодолевать психологические барьеры, стереотипы и обеспечивать осуществление инициатив, новаторских идей, социальных экспериментов,

направленных на достижение успеха. Это свойство политического риска имеет важное значение для всей общественной жизни, ибо ускоряет технический прогресс, оказывает позитивное влияние на общественное мнение, духовную атмосферу общества. С другой стороны, политический риск может вести к авантюризму, волюнтаризму, торможению социального прогресса, к тем или иным социально-экономическим, политическим и моральным издержкам, если в условиях неполной информации альтернатива выбирается без должного учета объективных закономерностей развития социально-политического явления, по отношению к которому принимается решение.

Противоречивая природа политического риска проявляется в столкновении объективно существующих рискованных действий с их субъективной оценкой. Так, человек, совершивший выбор, осуществляющий те или иные действия, может считать их рискованными, а другие люди их могут расценивать как осторожные, лишённые всякого риска, и наоборот. С течением времени представление о рискованности тех или иных действий также может меняться. Следовательно, политический риск является противоречивым понятием, и в зависимости от объективных и субъективных факторов представление о нем может существенно меняться.

Большое внимание в политологической литературе уделяется факторам политического риска. Первые факторы - факторы среды (внешние), а вторые - личностные (внутренние) [101, с. 42].

Сторонники преобладающей роли факторов среды считают, что решающими факторами являются среда, ситуация, в которой принимается решение. Один и тот же человек в различной обстановке может быть либо перестраховщиком, либо авантюристом. Он может как добиваться успеха, так и терпеть неудачу. Внешние факторы напрямую связаны с объективной свободой. Условно их можно обозначить, как: условия среды, структура решаемой задачи и время.

Среду подразделяют на общественную и природную. Она характеризуется, во-первых, некоторой степенью неопределенности. В ней, как правило,

происходят события, которые нельзя предсказать достоверно. Во-вторых, ей присуща определенная степень динамики: с течением времени она подвергается модификации, преобразованию. Наконец, в-третьих, среда характеризуется определенной степенью сложности. Чем больше в ней имеется переменных, тем она сложнее.

Немаловажным фактором политического риска являются конфликты. Конфликт - один из возможных вариантов взаимодействия политических субъектов [56, с. 6]. Важно также и то, что конфликты, означая соперничество тех или иных субъектов политики с одними силами, как правило, выражают их сотрудничество с другими, стимулируя формирование политических коалиций, союзов, соглашений. Тем самым политические конфликты предполагают четкое формирование позиций участвующих в политической игре сил, что благоприятно воздействует на рационализацию и структуризацию всего политического процесса.

Конфликты, сигнализируя обществу и власти о существенных разногласиях, противоречиях, несовпадении позиций граждан, стимулируют действия, способные поставить ситуацию под контроль, преодолеть возникшие возбуждения в политическом процессе. Поэтому дестабилизация власти и дезинтеграция общества возникают не потому, что возникают конфликты, а из-за неумения урегулировать политические противоречия, а то и просто элементарного игнорирования этих коллизий. Поэтому только непрерывное выявление и урегулирование конфликтов может считаться условием стабильного и поступательного развития общества.

Источники политических конфликтов ученые, как правило, видят в действии либо внесоциальных, либо социальных факторов. Чаще всего к внесоциальным факторам относятся многочисленные интерпретации различных видов политической напряженности, базирующиеся на признании сходства внутривидовой враждебности животных и агрессивности человека. Но данные современной науки не подтвердили, что люди обладают повышенной

склонностью именно к конфликтам, а не к, положим, альтруизму или солидарности с себе подобными.

Более достоверно объясняет природу политических конфликтов признание ведущей роли социальных факторов.

Среди данного ряда детерминант, как правило, выделяют три основные причины, лежащие в основе политической конфронтации. Прежде всего - это разнообразные формы и аспекты общественных отношений, определяющие несовпадение статусов субъектов политики, их ролевых назначений и функций интересов и потребностей во власти.

Ко второму основному источнику политических конфликтов относятся расхождения людей (их групп и объединений) в базовых ценностях, политической культуре, в оценках исторических и актуальных событий, а также в других субъективно значимых представлениях о политических явлениях. В разрешении таких конфликтов найти компромисс порой весьма трудно.

И, наконец, третьим источником политических конфликтов в политической науке рассматриваются процессы идентификации граждан, сознания ими своей принадлежности к социальным, этническим, религиозным и прочим общностям и объединениям, что определяет понимание ими своего места в социальной и политической системе.

Следует подчеркнуть, что наиболее опасными для политической жизни общества являются конфликты между структурными подразделениями власти: центр - регионы, законодательные - исполнительные органы и т.д. Данные конфликты выливаются в различные формы противостояния: войну законов, парады суверенитетов, конституционные кризисы, падение исполнительной дисциплины, вооруженные конфликты и др. В последние годы все эти конфликты наглядно проявились на постсоветском пространстве, в республиках СНГ, а в России, как известно, дело дошло до расстрела парламента.

Внешиполитические, или международные конфликты включают в себя конфликты: межсистемные (Север - Юг, развитые - развивающиеся страны),

межгосударственные, между военно-политическими союзами, конфликты внутри военно-политических коалиций, между регионами, между мировыми религиями и конфликты между международными политическими организациями.

Вторую группу, как уже отмечалось, составляют внутренние факторы, определяемые, в первую очередь, чертами субъекта риска. Сторонники преобладающей роли личности в формировании политических решений утверждают, что принимаемые решения в большей части обуславливаются качествами личности решающего, его политической культурой [102, с. 330-331]. Эти факторы напрямую связаны с субъективной свободой. Остановимся на наиболее важных из них.

Важное значение имеют психофизиологические качества субъекта риска. Они могут быть как врожденными, так и приобретенными систематической тренировкой. Установлено, что люди, отличающиеся слабостью нервной системы, тревожностью, обычно завышают степень опасности и возможности реализации решения. Людям же, движимым сильным побуждением к достижению цели и получению выигрыша от этого, свойственно порой, наоборот, занижать уровень опасности и считать возможность ее проявления менее вероятной, чем на самом деле. Влияние личностных качеств особенно сильно отражается на осуществлении подобного выбора в условиях риска в экстремальных ситуациях.

Следовательно, при принятии решений, связанных с риском, имеют немаловажное значение как внешние (условия среды, структура решаемой задачи, время), так и внутренние (политическая культура субъекта риска, его психофизиологические качества) факторы. И рассматривать их следует неразрывно друг от друга. Лишь в сочетании свойств личности и условий среды рождается политическое решение.

Общую схему взаимодействия политических, социальных и экономических факторов, определяющих уровень риска в стране, представил Ч.Кеннеди в работе «Управление политическим риском».

Кеннеди выделяет четыре основных типа политических систем:

1) авторитарно-традиционная (монархия или военная диктатура); 2) авторитарно-мобилизационная (тоталитаризм); 3) либерально-демократическая (парламентская или президентская); 4) новая независимая (бывшие колонии). Наиболее стабильными он считает вторую и третью системы, относительно стабильной - первую, наименее стабильной - четвертую. Как крайне нестабильная рассматривается политическая система в случае, когда военные имеют возможность и желание изменить правительство.

Наличие в недавнем прошлом той или иной страны гражданской войны, революции, военных переворотов, включаемых в показатель «последняя внутренняя война», считается прецедентом для возможного решения будущих конфликтов. Легитимность правящей элиты означает соблюдение большей частью населения правительственных распоряжений. Появление противоположных тенденций, а также высокая степень государственного насилия над гражданами (репрессии) усиливают вероятность политической нестабильности. Прогрессивные программы земельных реформ необходимы для устойчивого перехода от преимущественно аграрного к индустриальному обществу.

В классификации, предложенной Дж. де ла Торре и Д. Некаром, выделяются внутренние и внешние источники политических и экономических факторов риска. Такое деление достаточно условно, поскольку факторы из различных групп могут оказывать влияние друг на друга [16, с. 37].

Анализ внутренних экономических факторов позволяет составить общую характеристику экономического развития страны и выделить наиболее уязвимые области. Внешние экономические факторы определяют степень влияния внешних ограничений на внутреннюю экономическую политику: высокая степень зависимости и значительный размер внешней задолженности усиливают риск вмешательства правительства в инвестиционную деятельность. При определенных условиях внешняя политическая обстановка может сыграть роль катализатора политической нестабильности в стране.

С точки зрения субъекта политики, политический риск возникает вследствие несоответствия идеальным требованиям и наличным возможностям управления политической ситуацией.

Политический риск связан с проблемой стабилизации политической обстановки. Он может выступать как самостоятельный фактор или быть элементом других видов риска - социального, экономического и др. Ведущими зарубежными исследователями данного феномена являются О.Лири, С.Кобрин, В.Коплин, В.Оверхот и др. Его конкретным выражением выступает урон, наносимый политическому деятелю или организации, стране в целом, который выражается в утрате определённого ресурса или его неполучении в нужном количестве, падении популярности, снижении имиджа, дестабилизации социально-политической обстановки, всевозможных иных угрозах и опасностях.

Риск политический в той или иной степени свойственен политической деятельности в целом, которая, в принципе, отличается определённой стихийностью, неопределённостью, неполнотой ориентиров или недоступностью ресурсов, высоким динамизмом. Исходя из этого, непременным требованием политики является соединение предприимчивости, смелости, трезвости расчёта и элементов риска; для участников политического действия - готовность к риску, живое реагирование на ситуации.

Носителем риска могут выступать различные политические феномены - политик, его соперники или соратники, тот или иной ресурс, определённый политический институт.

Риск всегда распределяется между различными сторонами, его порождающими. В анализе измеряются и оцениваются частота случаев его возникновения, серьёзность и уровень риска.

Основные факторы, которые порождают риск, связаны с недостаточной рациональностью политики:

>дефицитом и неполнотой информации;

>недостаточным анализом политической ситуации, их нестандартностью и сомнительностью;

>неадекватным реагированием на них;

>отсутствием четкого подсчёта приобретений и утрат;

>непониманием и игнорированием интересов других участников политических действий;

>неопытностью и некомпетентностью политических лидеров, невысоким уровнем политической культуры;

>существованием коррупции [68, с. 75-77].

Риск также порождается и нестабильностью, радикализмом, или агрессивностью политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населением проводимой политики, наличием политических конфликтов, безработицей и кризисами [43, с. 48].

Его источники могут быть связаны с личностью политика, с неустойчивостью его поведения, склонностью к автономии без учёта коллективного характера политического действия, повышенной склонности к риску (некоторые политики действуют более эффективно в необычных и опасных ситуациях, ощущают удовольствие от них (адреналин) и даже создают их). Зачастую политический риск возникает вследствие морального или правового нигилизма, невыполнения принятых условий взаимодействий и коммуникаций, нарушения требований закона или норм соглашений, имеющих морально-политический характер. Такого рода ситуации создаются в результате антизаконных действий органов власти и оппозиции, нарушения обязательств или отказа от достигнутых договоренностей, злоупотребления служебным положением.

Повышает риск незаконность поставленной цели и методов её достижения, стремление к инновациям, быть «впереди прогресса». Наряду с этим одним из источников политического риска выступают случайности в политике, которые ведут к появлению непредвиденных и нежелательных событий (болезнь,

смерть, отставка политических деятелей, несчастные случаи и др.), рождающих всевозможные угрозы и опасности.

Риск естественным образом возникает в условиях плюрализма, политической конкуренции, соревновательности и борьбы.

В прикладном анализе принято выделять симптомы и факторы политического риска [105, с. 140, 142]. Среди первых:

- >уровень общественных беспорядков (забастовок, демонстраций);
- >стабильность правительства (вероятность его сохранения у власти);
- >степень этнических и религиозных противоречий;
- >стиль мышления, политическая культура лиц, принимающих решения (уровень национализма, коррупции, nepотизма);
- >роль принуждения при удержании власти;
- >организованность и влияние левых радикалов;
- >негативное влияние региональных политических сил;
- >влияние извне;
- >преемственность в политике;
- >социальные условия (неравенство в распределении доходов, уровень безработицы и др.).

К факторам политического риска относятся:

- антиконституционные действия;
- терроризм;
- партизанская борьба;
- социальные конфликты.

Вероятностные оценки политического риска способны снизить его уровень, повысить уверенность в успехе. Он измеряется на основе оценок факторов, его повышающих или снижающих.

Подсчёт потерь даёт основание для характеристик и оценок политических действий и ситуаций как высокорискованных или малорискованных, гарантированно обеспечивающих успех. В целях уменьшения, ограничения риска используется метод минимизации («МиниМакс»), который нацелен на

минимизацию максимально возможных потерь. Для этого разрабатываются альтернативы принимаемых решений с взвешиванием всех возможных опасностей и потерь, затем выделяются оптимистические и пессимистические варианты ущерба. Для его измерения используются методы, применяемые в теории игр.

Как видим, существуют различные точки зрения относительно причин политического риска. Основные факторы, порождающие политический риск, связаны с недостаточной рациональностью политики - дефицитом и неполнотой информации, недостаточным анализом политических ситуаций, их нестандартностью и сомнительностью; неадекватным реагированием на них; отсутствием четкого подсчета приобретений и утрат; непониманием и игнорированием интересов других участников политических действий; неопытностью и некомпетентностью; безответственностью или авантюризмом политических лидеров; недостаточным пониманием закономерностей политических процессов. Политический риск порождается также и нестабильностью, радикализмом или агрессивностью политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населением (нелегитимностью) проводимой политики; наличием политических, и особенно военных, конфликтов, значительной безработицей и кризисами.

Следует отметить, что анализ политического риска в Беларуси имеет свою специфику: политические традиции, несовершенство демократических институтов и переломный момент исторического развития обусловили значительную роль личностного фактора, которому необходимо уделять дополнительное внимание при оценке политического риска.

Стратегия риска в условиях цивилизационного выбора дальнейшего пути развития Республики Беларусь требует всестороннего информационного обеспечения. В рамках такого подхода к политическому риску необходимо выделить несколько направлений, обеспечивающих механизмы регулирования этого многоуровневого явления. Во-первых, это построение качественных и количественных прогнозных моделей политического риска с учетом системы

факторов социального, экономического, технологического и иного характера развития страны.

Во-вторых, оценка факторов политического риска на основе анализа выбранных индикаторов и их «веса» в структуре модели (политическая стабильность, уровень инфляции, степень экономического роста и т.д.), а также оценки возможных реакций субъекта власти на события рискованного характера.

В-третьих, разработка наиболее вероятных сценариев развития политической ситуации, ее последствий и осуществления возможных мер против негативных тенденций.

В-четвертых, учитывая, что политический риск - это вероятность не только нежелательных политических событий, которые являются результатом деятельности субъекта власти (правительственных органов) внутри страны, но и вероятность нежелательных политических событий разрушительного плана для бизнеса, необходима тщательная рациональная разработка внутристрановой стратегии, обоснование механизмов принятия решений в области внешней политики и международной торговли, отражающих не только краткосрочное, текущее развитие, но и долгосрочное планирование и предсказание глубинных внутристрановых процессов.

В-пятых, научное понимание риска связано не только с созданием широкой информационной базы по изучению проблем риска, но и с формированием должного рискованного мышления, восприятия новых способов организации дела на основе учета риска как у субъектов власти, так и у населения через средства массовой информации, что во многом будет способствовать росту доверия к стране.

В-шестых, учитывая роль психологических аспектов риска, рассматривающих его с точки зрения мотивов личности, психологической склонности к нему, роли свойств личности, ее политической культуры в процессе генерации альтернативных решений и их последствий и т.п., необходимо разработать соответствующую технологию профессиональной подготовки политических лидеров, субъектов власти, для того чтобы свести к

минимуму степень риска политических партий, организаций, вкладывающих материальные средства для делегирования своих представителей в политическое поле власти.

Для современной Беларуси характерен процесс трансформации системы ценностей и политических установок, характеризующейся ломкой старой системы ценностей и установок и выработкой новой, что влечет за собой состояние неопределенности и вариативности выбора между различными направлениями трансформации прежней системы ценностей.

Изучение политического риска в Республике Беларусь предполагает не только комплексную процедуру сбора информации об экономическом и социальном развитии страны, ее анализ и оценку с целью прогнозирования и управления политическими рисками. Исследование психологических мотивов власти, взаимоотношений власти и риска, власти и морали особенно важны в условиях, когда принятие решений как на уровне макрориска субъектами, непосредственно обеспечивающими политическую власть в государстве, так и на уровне мегариска политическими деятелями, осуществляющими международную политическую деятельность, требует гибкости и перспективного мышления, соответствующего уровня политической культуры, коммуникативной рациональности, открытости, преодоления центричности. Те или иные мотивы власти, детерминирующие характер риска на различных его уровнях, могут, в конечном счете, стать причиной нежелательных политических событий разрушительного плана практически в любой стране, а также изменения характера самой политической системы.

В политологической литературе, посвященной проблемам политических рисков, нет единой системы их классификации [17, с. 125-129]. Существует множество подходов к типологии рисков, которые, как правило, определяются целями и задачами классификации. Наиболее важными элементами, положенными в основу классификации рисков, являются: время возникновения, основные факторы возникновения, характер учета, характер последствий, сфера возникновения и др.

По времени возникновения риски подразделяются на ретроспективные, текущие и перспективные. Анализ ретроспективных рисков, их характера и способов снижения дает возможность более точно прогнозировать текущие и перспективные риски.

По факторам возникновения риски дифференцируются на сугубо политические и политико-экономические. Политические риски - это риски, обусловленные изменением политической обстановки (закрытие границ запрет на вывоз товаров в другие страны, военные действия на территории страны и др.). Политико-экономические риски - это риски, детерминированные неблагоприятными изменениями в экономике страны.

По характеру учета риски делятся на внешне- и внутривнутриполитические, национальные, или внутристрановые и региональные [17, с. 126]. К внешним относятся риски, непосредственно не связанные с внутренними политическими условиями жизни страны. На уровень внешних рисков влияет очень большое количество факторов: политические, экономические, демографические, социальные, географические и др. К внутренним относятся риски, обусловленные внутренней политической ситуацией в стране.

Методики исследования внешних и внутренних рисков достаточно близки. Основные различия имеют место при управлении внешними и внутренними политическими рисками. Отдельно следует выделять переходные состояния от одной общественной системы к другой. При этом источниками повышенных политических рисков в переходный период могут быть:

- 1) переход общества от одной социальной структуры (крестьянство, рабочий класс, служащие, интеллигенция) к другой (высший, средний, низший социальные слои);
- 2) недостаточный опыт регулирования социальных отношений на основе новой правовой базы на фоне процессов передела собственности;
- 3) усиление влияния изменений в международном разделении труда, геополитических, внешнеполитических процессов.

Источниками внутривнутриполитических рисков в зрелом государстве могут быть:

- 1) отсутствие или недостаточное разделение властей;
- 2) отсутствие эффективных процедур взаимодействия властей, согласования решений, разрешения конфликтов ветвей власти;
- 3) неэффективность обратной связи с социальной и экономической подсистемами в виде процедур: согласования решений; учета мнения и волеизъявления рядовых граждан; своевременного изменения ошибочных решений и др.

Некоторые исследователи политического риска (С.Робок. С.Кобрин, Дж.Саймон) выделяют макро- и микрориск, в зависимости от уровня субъектов, на который они распространяются [17, с. 124]. Макрориск ассоциируется с вероятностью политических событий, отражающихся на всех иностранных субъектах в той или иной зарубежной стране. К микрорискам относятся риски, специфичные для отрасли, компании или даже отдельного проекта.

Классификация политических рисков проводится на основе разделения событий, вызванных либо действиями правительственных структур в ходе проведения определенной государственной политики, либо силами, находящимися вне контроля правительства. В соответствии с этим принципом Ч.Кеннеди предложил деление политического риска на экстралегальный и легально-правительственный. Подобной классификации придерживаются Ж. де ла Торре и Д.Некар [17, с. 124].

Экстралегальный риск означает любое событие, источник которого находится вне существующих легитимных структур страны: терроризм, саботаж, военный переворот, революция.

Легально-правительственный риск является прямым продуктом текущего политического процесса и включает такие события, как демократические выборы, приводящие к новому правительству и изменениям в законодательстве, касающемся различных сторон экономической и политической жизни.

Для современных политиков, специалистов в области риска важно учитывать сложившийся в международной практике подход, заключающийся в выделении трех основных уровней при анализе его природы:

- 1) внешний международный или глобальный риск - «мегариск»;
- 2) внутренний, страновой - «макрориск»;
- 3) уровень отдельных субъектов (политиков, предпринимателей и т. д.), отдельных политических партий, организаций - «микрориск».

Размещение капитала за границей, торговые операции отдельных национальных фирм и предприятий на уровне микрориска требуют от субъектов, осуществляющих политическую власть в государстве, выработки системы гарантий от политического риска, элиминации неблагоприятных политических факторов в стране, где размещаются инвестиции, т.е. анализ микрориска всегда должен упреждаться анализом и оценкой макрориска [16, с. 39].

Изучение политического риска через призму многоуровневой структуры связано с тем, что внутристрановая стратегия принятия решений в области внешней политики предполагает планирование и прогнозирование экономических и политических процессов, исследование потенциальных политических изменений, механизмов их регулирования и форм реализации, а не ограничивается лишь краткосрочной текущей ситуационной моделью развития.

Предупреждение нежелательных событий на уровне мега- и макрориска требует от субъектов политической деятельности глубоких знаний относительно тенденций развития отдельной страны и мирового сообщества в целом. Поэтому профессиональная и психологическая подготовка современного субъекта политической власти предусматривает формирование у него навыков и механизмов рискованного мировосприятия, основанного на целостном рациональном анализе стратегического развития страны, судьбу которой он уполномочен определять в пределах своей компетенции.

В международной практике наработаны различные концептуальные схемы исследования политического риска для экономических субъектов, действующих на рынках зарубежных стран, знакомство с которыми позволит рационально и взвешенно прогнозировать и оценивать последствия воздействия различных политических изменений на инвесторов в стране размещения, исследовать события, ставшие причинами изменения их положения, оценивать возможные реакции субъекта власти (законного правительства) на те или иные компании [16, с. 40-41].

В концептуальной схеме, предложенной Х. де ла Торре, например, в качестве событий, ставших причиной изменения положения инвесторов в стране размещения, вплоть до утраты субъектами контроля над деятельностью компании, называются военные действия, революционный переворот, террористические акции, забастовки рабочих. В соответствии с данной моделью ясно, что первый уровень - мегариск - связан прежде всего с оценкой, анализом и прогнозом наиболее важных характеристик страны с точки зрения ее политической, экономической и социальной стабильности. Выявляются наиболее уязвимые и чувствительные параметры и прогнозируются возможные реакции правительства на их изменение.

При исследовании политических рисков внешнеполитические и внутривнутриполитические риски в рамках системного подхода могут рассматриваться как элементы глобальных геополитических рисков [16, с. 38-39]. В энциклопедии Britannica сказано, что геополитика – это «изучение влияния на взаимоотношения в международной политике» [107, т. 1, с. 445]. Известны и более развернутые определения геополитики, например, «Геополитика – научная дисциплина, изучающая зависимость мировой политики от физико-географических условий, положения страны в системе международных экономических, политических, культурных и иных связей, а также место в мире, отводимое ей в представлениях внешних партнеров и собственных граждан» [61, с. 193]. Условимся считать, что геополитика есть решение относительно источников ресурсов (этносов и природных богатств на

определенной территории), объектов инвестирования, целей, способов и средств достижения целей, методов поддержания баланса в процессе достижения поставленных целей с использованием выбранных средств, а также времени достижения желаемых результатов.

К геополитическим факторам относят: географические, политические, экономические, военные, экологические, демографические, культурные, религиозные, этнические и др. Государство и его политическая подсистема должны адекватно реагировать на открывающиеся возможности и угрозы. Угрозы - это возможные последствия отсутствия своевременных решений проблем в социальной и экономической сфере, а также в международной политике [105, с. 141-142].

Если адекватная реакция на возможные угрозы отсутствует, то повышается степень политических рисков. Эти риски в перспективной деятельности могут трансформироваться во внешне- или внутривнутриполитические риски. Геополитические риски относятся как к фундаментальным, так как они не зависят от одного человека, так и к систематическим. Это значит, зависимым от человека. Систематические риски приводят к тому, что ни один рынок (товарный, финансовый, страховой) не может работать без проблем. Как отмечают специалисты, «Глобализация порождает волны модернизации. В мобильных современных или модернизирующихся обществах различные сферы и компоненты политической системы меняются и развиваются с различной скоростью. Так, модернизация может вызвать всплески неудовлетворенности как со стороны вытесняемых на обочину экономических отношений «новых бедных», так и со стороны «новых богатых», оказывающихся перед соблазном изменить существующий политический порядок в свою пользу. Это ведет к активизации несистемной оппозиции, что, в свою очередь, обуславливает начало политического транзита и генерирует новый виток ситуации неопределенности в политическом процессе» [13, с. 13].

А теперь об управлении риском. Любой политической деятель, любая политическая организация должны вырабатывать свое отношение: к риску, учитывая, свои основные цели.

Часто управление риском рассматривается только как некая необходимость, влекущая за собой лишь дополнительные усилия. Но в действительности управление риском нельзя рассматривать отдельно от деятельности той или иной политической организации, поскольку оно по существу, является неразрывной составляющей этой деятельности. Управление риском оправдано, если помогает организации достигать ее целей. Риски следует рассматривать как препятствия к достижению намеченных целей, причем, такие, которые существуют даже при самом эффективном управлении. Управление риском - это помощь и содействие управленческим структурам в достижении своих целей. Это, конечно, требует дополнительных затрат, но они компенсируются дополнительными выгодами, которые могут быть получены при разумном управлении [40].

В будущем могут происходить события, которые нельзя увидеть из настоящего. Однако их можно предвидеть посредством «информированного интуитивного суждения», если использовать особенности человеческой психики, в частности, высококвалифицированного эксперта или аналитика, обладающего соответствующей политической культурой. Это связано со спецификой работы человеческого мозга, в котором постоянно происходит построение информационных моделей объектов внешнего мира. Данные модели выполняют особую роль в деятельности человека, будучи основой всех видов его труда и творчества. Они не являются мертвыми копиями объектов окружающего мира, подобно фотографии или отражению в зеркале. Специфическая особенность моделей состоит в том, что отображенный объект по-своему переживается человеком. Это свойство психики можно назвать объективным переживанием. Оно уже используется для оценки политического риска, прежде всего воздействия на политическую стабильность факторов гуманитарного, человеческого плана.

Как во всякой деятельности, риск в политике предполагает сосредоточение власти в руках профессионалов, компетентных субъектов, экспроприрующих права большинства и уполномоченных осуществлять непосредственную политическую власть.

Рассчитывать на успех в собственно политической игре они могут лишь при условии обладания высокой политической культурой. Приверженность самой игре, элементы своего рода иллюзионизма и вовлеченности, обязательность в соблюдении правил являются не только удачным образом риска в политике, но вместе с тем представляется абсолютным требованием политической игры, инвестированием в нее, которое является результатом и, в то же время, условием функционирования игры. Все те, кто рискует и признает политическую игру стоящей того, чтобы осуществлять инвестиции в нее, принимают на себя ряд обязательств, вступая в негласный договор, который иногда действует значительно сильнее, чем все официальные или секретные соглашения, ибо субъектам игры грозит в случае нарушения правил игры исключение из нее и потери прибылей, которые из нее извлекаются.

В достойной серьезной игре можно играть только серьезными возможностями, а это означает, что между субъектом игры и этими возможностями устанавливаются такие отношения, когда они сами «переигрывают» играющего и могут воплотиться. Все очарование и состоит именно в таком риске. Это дает возможность насладиться свободой решения, которая в то же время коррелируется и неотвратно сужается. Вместе с тем, чрезмерное желание насладиться свободой решения может привести к игнорированию в принятии настоятельно необходимых и срочных действий и к проигрышу. Удача может всегда сопутствовать «игроку» или уходить и возвращаться, игра может «пойти» или «не пойти», что и составляет привлекательность игры и риска в ней.

Степень и направленность риска в политической игре задается структурой игрового пространства и требует от политика соответствующей политической культуры для выработки своей собственной позиции в поле альтернативных и

возможных, вероятных и невероятных позиций; это искусство лавировать среди приемлемых и заранее оговоренных позиций и избегать компрометирующих, сталкивающих субъекта власти с политиками противоположных позиций. Правила игры в соответствующем политическом пространстве предполагают, что компетентный, серьезный, ответственный политик предсказуем в политических действиях для коллег, как и они, будучи последовательными в своих действиях, предсказуемы для искушенного политика. Хотя, несомненно и то, что в реальной политической игре возможны и другие модели поведения с абсолютно непредсказуемыми вариантами принятия решений, что особенно характерно в условиях нестабильности, преодоления тоталитарного «закрытого» менталитета, наработки демократических стандартов политической деятельности и моделей «открытого» гражданского общества, в котором социальная политика формируется в результате ее свободного критического обсуждения и выражения различных точек зрения.

Политическая культура аккумулирует, по сути дела, на практике кодекс гражданского поведения человека, стиль его мышления и деятельности, демонстрируя реализацию данных политике прав и свобод. В соответствии с этим, лишь только за счет реального изменения гражданского статуса личности в обществе, ее ценностных ориентаций, демонстрации социально-культурных качеств возможна трансформация современной политической культуры с преобладающими в ней установками авторитарно-исполнительно-адаптационного типа субкультуры, для которого характерны централизация и монополизация власти, минимизация самоуправления, исключение личностного творческого побуждения и отношения людей к своим гражданским обязанностям и свободам, вплоть до уклонения от любых властных указаний, пренебрежения своими гражданскими полномочиями.

Оценивать риск и управлять им в любой сфере, особенно в политике - трудная задача. По мнению О.Хелмера, с помощью традиционных методов гуманитарных наук становится все более сложно прогнозировать последствия изучаемых альтернатив развития. Это связано с тем, что прогнозы в

значительной мере основаны не на строгой теории, а на личных предположениях отдельных исследователей. Даже при наличии формальной математической модели ее исходные положения, область применения, интерпретация выходных данных во многом зависят от интуиции специалиста. В этих условиях, считает О.Хелмер, существует два выхода: первый - отложить принятие решения до тех пор, пока не будут разработаны теории, позволяющие решать эти проблемы столь же уверенно, как проблемы физики и химии; второй - получить суждения специалистов и рационально их использовать. С позицией Хелмера во многом совпадают выводы исследователя политического риска Х.Лэкса, который считает, что, несмотря на многократные попытки создать общую теорию такого риска, ни одна из них не способна объяснить, почему и каким образом ее основные положения работают на интересы заказчика.

Управление политическим риском повышает защищенность и неуязвимость политики и политика, предотвращает нежелательные события и неблагоприятные последствия принимаемых решений. Он часто подсчитывается и оценивается в страховании, при принятии экономических, финансовых (особенно при принятии решений об инвестициях), политических решений, выборе определенного варианта стратегии или метода политических действий, иногда на этапе их реализации. Помогают защититься от риска методы гарантирования и страхования, которые нередко используются государственными учреждениями. Снизить соответствующие риски помогают вводимые в арсенал политики аналитические структуры, отвечающие за стратегическое и текущее планирование политических действий, проводящие оценку принимаемых решений, помогающие обеспечить последовательность и предсказуемость политики, а также органы, отвечающие за безопасность.

По месту возникновения в управленческом процессе политические риски можно разделить на риски политического целеполагания, политического маркетинга, политического менеджмента.

Риски политического целеполагания связаны с неправильным выбором социальных целей общества [57, с. 110-111].

Риски политического маркетинга связаны с неправильным выбором источников ресурсов и инструментов достижения социальных целей.

Риски политического менеджмента связаны с неправильным использованием выбранных инструментов в процессе достижения поставленных социальных целей.

По причинам возникновения политические риски можно разделить на объективные и субъективные (риски изучения и риски действия).

Политический риск изучения связан с неполнотой и искажениями информации о социально-экономической ситуации в стране. Политический риск действия связан с ошибками принятия и реализации принятых управленческих решений.

Первым актом управления риском, несомненно, является осознание субъектом проблемы риска.

Риск-проблемой принято считать недопустимо большое рассогласование между потребностью в безопасности и реальным уровнем риска в процессе политической деятельности или частной жизни индивида.

Для обеспечения системного подхода в управлении риском анализ тоже должен быть системным. При таком анализе риски исследуют в их взаимной связи с учетом вероятности и особенностей проявления конкретного риска.

Анализ и оценка являются начальными этапами и информационной базой управления риском. Методика оценки риска, естественно, зависит от вида и содержательной сущности риска.

Для управления рисками нужно знать состав объекта риска, возможные источники риска, оценить уязвимость объекта к поражающим факторам и др.

При этом информацией могут считаться только те данные, которые снимают неопределенность в знании о субъекте или объекте с точки зрения конкретной задачи. Другие данные являются своеобразным «шумом» и

способны не только затруднить решение задачи, но и даже спровоцировать неверное решение.

Как отмечают исследователи, «существенным фактором, обуславливающим неопределенность развития политических процессов, является кризис современного государственного управления, который проявляется в неспособности правительств развитых стран предвидеть надвигающиеся кризисы, в частности финансово-экономический, и разработать эффективную стратегию выхода из этих кризисов» [13, с. 13].

В настоящее время стало очевидно, что для того чтобы государственное управление было эффективным, государство, его политическая система должны отвечать некоторому набору требований:

- 1) иметь устойчивую и способную к конституционному саморазвитию политическую и экономическую системы;
- 2) целенаправленно формировать средний класс, средний и малый бизнес, уровень доходов которых позволял бы им удовлетворять не только физиологические потребности, но и потребности в безопасности, социальные, в уважении и самовыражении;
- 3) поддерживать честную конкуренцию и реальную ответственность как за государственные управленческие решения, так и деятельность на рынке;
- 4) обеспечивать свободу сделок субъектам рынка;
- 5) эффективно и быстро на основе закона разрешать конфликты, согласовывать решения;
- 6) эффективно использовать в интересах всего общества налоги, бюджетные средства и средства внебюджетных фондов и этим заслужить доверие у граждан и иностранных инвесторов.

Представляется возможным утверждать, что центр деятельности в демократическом социальном государстве должен переноситься с принуждения на согласование целей, своевременное выявление и законное разрешение социальных конфликтов. Для снижения политических рисков важно найти в деятельности государства рациональное соотношение функций принуждения,

экономического мотивирования и стимулирования, а также консолидации общества на основе согласованных целей и инструментов их достижения при решении социальных проблем. Нерешенные вовремя социально-экономические проблемы порождают конфликты. Эти социальные конфликты тормозят развитие экономики и общества в целом, порождают политические риски. Социальная проблема может стать источником конфликта, политического риска.

Большое значение для своевременного обнаружения политических рисков имеет деятельность независимых средств массовой информации по объективному и достоверному информированию общества.

Риски снижаются при своевременном разрешении конфликтов на основе закона, эффективности судебной власти, продуманности решений.

В принятии и реализации политических решений многое зависит от их разработчиков или авторов [52, с. 94]. Лица принимающие решения в условиях переходных политических систем, зависят, в первую очередь, от лояльности и харизматических отношений со своими сторонниками. Целеустремленные лидеры, принимающие решения, предстают как революционеры. Разница в возрасте между лицами, принимающими решения, обуславливает резкие различия в восприятии в целом и в политической ориентации, в частности. Процесс принятия решений затрагивает одновременно политическую, экономическую и социальную системы. Лица, принимающие решения в современных политических системах, должны иметь достаточно определенные позиции по существующим проблемам, поскольку их положение зависит от их соответствия универсальному критерию успеха, имеющему рационально-правовую основу. Для удержания своих позиций они должны владеть управленческим искусством. В отличие от переходных политических систем, где граждане стремятся к участию в управлении, но не к формированию политики, группы граждан в современных политических системах претендуют на более активную роль в определении политики, знакомя лиц, принимающих решения, со своими требованиями в некризисных ситуациях.

Политические решения можно классифицировать по разным основаниям. В частности: по отношению к тем или иным стадиям глобального политического процесса - решения, связанные с функционированием системы, ее реформированием, развитием; по уровню иерархических структур власти, субъектов, принимающих решения, решения общенациональных, региональных или местных органов власти; по характеру политических субъектов - государственные, партийные и прочие решения; по объекту, на который направлено политическое действие - политические или социальные группы, институты, нормы и т.п.; по характеру целей и задач, осуществлению которых подчинены решения, - стратегические, оперативно-тактические, общие, частные решения.

Отмеченным и другим видам политических решений присущи некоторые общие черты, отличающие их от управленческих решений из иных областей общественной жизни.

Одна из особенностей политического решения связана с необходимостью выбора многих целей и задач, определения приоритетных из них и установления соответствующих (нередко разнородных) критериев успешности осуществления. Любой программный проект деятельности, скажем, политической партии, как политическое решение всегда многоцелевой, с определением последовательности (в зависимости от значимости) реализации целей и соотношением намечаемых действий с ожидаемыми результатами и их последствиями.

Другая существенная черта политического решения состоит в том, что непосредственным субъектом принятия решения выступает лидер или орган, организация, представляющие большие социальные группы или даже общество в целом. Решение действительно, если ему обеспечена поддержка тех, от имени кого оно принимается.

Рассматривая проблему принятия политических решений, необходимо иметь в виду, что формальным субъектом решения можно назвать то лицо, которое осуществляет окончательный выбор и принимает на себя

ответственность за него. Однако может существовать еще и фактический субъект решения, которого следует искать на стороне. То есть, мы хотим сказать, что возможна ситуация, при которой официальные институты, на первый взгляд, несущие ответственность за процесс принятия решений, являются на самом деле лишь марионетками, подвергающимися манипуляции. В подобном случае, чтобы определить, где расположена политическая власть, требуется тщательно изучить взаимоотношения между политическими элитами и фактическими носителями власти, которые контролируют или оказывают непосредственное влияние на формально признанные институты, будто бы принимающие решения.

Политические управленческие решения обладают достаточной эффективностью лишь при условии, если они отвечают определенным требованиям. Каковы эти требования? Прежде всего, управленческое решение должно иметь четкую целевую направленность. Оно обязано быть всесторонне обоснованным, что означает и обоснованность выбора той или иной альтернативы, и обоснованность отдельных компонентов самой альтернативы.

Политическое решение должно быть адресным - четко ориентированным на конкретный управляемый объект и конкретных исполнителей, на их возможности и компетентность. Оно должно быть согласовано с ранее принятыми решениями и являться правомочным, т.е. находиться в соответствии с правами и полномочиями, предоставленными данному органу, лицу, политическому институту.

Это что касается управления внутривнутриполитическими рисками.

Управление геополитическими рисками должно быть сильным и одновременно, иметь конкретную предметную направленность: управление оборонным потенциалом, социально-экономическими отношениями, соотношением экспорта и импорта, информационными потоками, культурными обменами и т.д.

Инструменты такого управления могут быть различными:

- ◆ международное и внутреннее законодательство;

- ◆ финансы и кредитно-денежная политика;
- ◆ промышленные, коммерческие и информационные технологии;
- ◆ военный потенциал и международное военно-техническое сотрудничество;
- ◆ научные и культурные обмены и др.

Для управления геополитическими, внешнеполитическими, внутривнутриполитическими рисками должна на уровне государства целенаправленно создаваться сложная система управления такими рисками. Она должна обладать всеми свойствами таких систем и, в частности, свойствами эффективности, гибкости, надежности, устойчивости, низкой уязвимости и проч. Важно, чтобы такая система и возможность ее изменения были законодательно закреплены в конституции государства. Само государство должно быть реформировано в соответствии с основными аспектами становления рыночных отношений. Главными направлениями реформы государственного аппарата являются:

- оптимизация структуры органов государственного управления, начиная с аппарата президента и правительства. Исключение дублирования ведомств и возникновения «управленческого вакуума». Обеспечение исключительной компетенции: за любой вопрос отвечает только один руководитель, обладающий всей полнотой принятия решений в этой сфере;

- определение для каждого ведомства его главной функции и четких, объективных, формализуемых критериев успеха работы;

- создание Административного кодекса, четко определяющего, кто, как, на каком уровне и какое самостоятельное решение принимает;

- упрощение, формализация, обезбумаживание документооборота;

- создание встроенного в аппарат государственного управления механизма, его постоянного самосовершенствования.

Государство должно рыночно и цивилизованно регулировать те сферы деятельности, в которых само по себе рыночное регулирование недостаточно эффективно. Оно должно быть активным и выращивать рыночные институты

для налаживания достаточного рыночного регулирования и подготовки своего собственного ухода из этих сфер [16, с. 38-39].

Для управления геополитическими рисками используют:

1) транснациональный бизнес (используют при добровольном согласии и добрососедстве, расширении зон влияния). Особенно эффективны в этом плане финансово-промышленные группы, позволяющие создавать высокие технологии с присущими им повышенными нормой прибыли и расходами на зарплату работников. Это создает дополнительные материальные стимулы для участников проекта;

2) неправительственные межрегиональные и международные организации (действенны при добрососедстве, добровольном единении). Позволяют вырабатывать общую или согласованную доминанты, облегчают личные контакты политических деятелей, способствуют расширению сфер влияния;

3) военные союзы и военно-техническое сотрудничество;

4) сепаратистские движения, подпольные и террористические организации являются наиболее сложными субъектами и объектами управления. Способны разрушать отношения добрососедства, сотрудничества добровольного объединения.

Исследование политического риска в Республике Беларусь в качестве одного из важнейших явлений, обеспечивающих прогнозирование и управление им, должно предусматривать наряду с комплексной социальной, экономической и другого типа информацией развернутую технологию профессиональной и психологической подготовки реальных и потенциальных субъектов власти, нацеленную на реализацию принципа единства политических действий и моральных ценностей. Противопоставление политики и морали в этом плане исчезает при понимании того, что требование морали в политике должно освещаться законом, что этика ответственности при принятии судьбоопределяющих решений должна выступать в единстве с этикой убеждения, нацеленной на исключение из политики деяний, противоречащих закону, хотя бы на первый взгляд и ориентированных на самые высокие и

священные принципы. Впрочем, об этом речь шла в пятом разделе данной работы.

Технология управления политическим риском, степень риска в принятии политических решений, вероятность получения желаемого результата, а также политические, экономические и нравственные альтернативы, должны тщательно в современных условиях просчитываться интеллектуалами-экспертами. Исследование взаимоотношений риска и власти, типов властных отношений, мотивов и принципов власти, ее коммуникационной парадигмы способствует формированию возможных направлений по созданию системы управления политическими рисками в стране, квалифицированной подготовки специалистов для принятия решений в условиях выбора альтернативы и риска.

Теория и практика управления политическими рисками выработали ряд основополагающих принципов, которыми следует руководствоваться субъектам политического управления. Главными среди них можно выделить следующие:

- нельзя рисковать больше, чем это может позволить собственный политический статус;
- необходимо думать о непосредственных и долговременных последствиях риска;
- нельзя рисковать многим ради малого.

Все это необходимо учитывать в политической деятельности.

9. КУЛЬТУРА РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Политическая культура играет немаловажную роль в урегулировании и разрешении политических конфликтов, ибо от уровня политической культуры конфликтующих сторон зависит использование различных средств и методов их разрешения. Каковы же общие пути урегулирования политических конфликтных ситуаций? В научной литературе иногда встречается противопоставление двух подходов к урегулированию, а именно, основанных на силовых и мирных методах их разрешения. При этом под силовыми методами иногда подразумеваются чуть ли не вооруженные средства борьбы, а под мирными – только переговоры. Многие же исследователи пишут о возможности управления конфликтами: «Элементами, способами или видами управления конфликтами выступают их предупреждение и смягчение, возможность влияния на конфликт в оптимальном направлении, различные способы его урегулирования» [7, с. 30].

Политическая наука значительное внимание уделяет поиску форм, методов, средств контроля за протеканием конфликтов, выработке эффективных технологий управления ими. При всем многообразии субъектов конфликта, их целей и позиций управление конфликтом предполагает решение ряда общих задач:

1) предупредить (если возможно) возникновение конфликта, либо воспрепятствовать его разрастанию и распространению;

2) вывести скрытые, неявные, латентные конфликты в открытую форму с целью уменьшения опасности внезапного развития неконтролируемых процессов;

3) учесть многочисленные внутренние и внешние факторы, детерминирующие протекание конфликта, его остроту.

Решение указанных задач конкретизируется в соответствии с основной установкой – либо на урегулирование, либо на разрешение конфликта. Под урегулированием конфликта понимается разработка и применение системы мер, направленных на ограничение интенсивности и масштаба конфликта.

Урегулирование лишь частично снимает проблему, но при этом сам предмет спора остается. Достигнутое соглашение может быть навязано сильным противником более слабому, либо может стать результатом вмешательства третьей стороны. Наиболее активная часть сторонников конфликта может выражать свое неудовольствие достигнутыми соглашениями, поэтому не исключена возможность повторного обострения отношений. Короче, причина конфликта не устраняется, тем самым сохраняется вероятность его повторного разгорания. Разрешение же конфликта предполагает исчерпание самого предмета спора или такое изменение ситуации и обстоятельств, которое бы породило бесконфликтные отношения сторон, исключало бы возможность рецидива разногласий. Иными словами, при разрешении конфликта преодолеваются те условия, которые привели к конфликту, восстанавливается равновесие во взаимоотношениях участников, установка на борьбу заменяется установкой на партнерство.

В наши дни политической практикой и теорией вырабатываются некоторые общие формы и способы предотвращения, урегулирования и разрешения политических конфликтов. Они могут быть разные: так называемое «избегание», откладывание разрешения конфликта, сближение противоборствующих сторон через посредника, третейское разбирательство или арбитраж, наконец, переговоры конфликтующих сторон. Однако прежде всего стоит позаботиться о путях и средствах предотвращения политических конфликтов. Они тоже могут быть разные: политическое маневрирование, политическое манипулирование, ослабление «системной оппозиции» и другие. Тут многое зависит от политической культуры участников конфликта.

Политическое маневрирование включает в себя широкий спектр мероприятий, призванных обеспечить преобразование разнонаправленных интересов в устойчивый политический альянс, фактически способствующий функционированию существующей политической власти. Среди форм реализации этого метода может быть выявление возможного политического компромисса между противоборствующими сторонами, смена политических

лидеров и т. д. Уязвимой стороной политического маневрирования является временный характер применяемых мер.

Под политическим манипулированием понимается целенаправленное воздействие на общественное сознание, прежде всего, через средства массовой информации, с целью стабилизации существующей политической системы. Немаловажна роль СМИ в осуществлении такого приема предотвращения конфликтов как «создание образа врага». Он состоит в перекладывании ответственности за нерешенные проблемы на другие политические силы и отвлечение внимания населения от острых политических и социальных проблем.

Для ослабления оппозиции могут применяться такие меры, как раскрытие корыстных интересов членов оппозиции, показ невозможности достижения поставленных ею целей, образование «раскольнических групп» в ее составе, стимулирование «перебежчиков» из лагеря оппозиции, введение их во властные структуры, косвенная дискретизация лидеров и другие.

Эффективное регулирование политических конфликтов предполагает их тщательное изучение. Субъект управления должен знать:

1) характеристики конфликтующих сторон (их ценности и мотивации, устремления и цели, их интеллектуальные, психологические и социальные ресурсы для продолжения или разрешения конфликта; их представления о конфликте, включая концепцию стратегии и тактики и др.);

2) предысторию взаимоотношений конфликтующих сторон (отношение друг к другу, взаимные стереотипы и ожидания, включая их представление об отношении к себе противоположной стороны, и, главное, степень полярности их взглядов по системе «хорошо – плохо» и «заслуживает доверия – не заслуживает доверия»);

3) природу того, что привело к конфликту (его границы, жесткость, мотивационную ценность, очертания, периодичность и т. д.);

4) социальную среду, в которой возник конфликт (различные инструменты, учреждения и ограничители; уровень поощрения или

сдерживания в зависимости от выбранной стратегии и тактики ведения или разрешения конфликта, включая природу социальных норм и институциональных форм для регулирования конфликта);

5) заинтересованные стороны (их отношение к конфликтующим сторонам и друг другу, их заинтересованность в тех или иных результатах конфликта, их характеристики);

б) применяемые конфликтующими сторонами стратегию и тактику (оценивание и/или изменение преимуществ, недостатков и субъективных возможностей и попыток одной из сторон оказать влияние на представление другой стороны о преимуществах и недостатках первой посредством тактики, которая может варьироваться по таким измерениям, как легитимность – нелегитимность, по соотношению использования позитивных и негативных стимулов, таких, как обещания и поощрения или угроза наказания, свобода выбора – принуждения, уровень доверия, типы мотивов и т. д.);

7) результаты конфликта для его участников и заинтересованных сторон (выгоды или потери, связанные с непосредственным предметом конфликта, внутренние изменения у конфликтующих сторон, связанные с их участием в конфликте, долгосрочные перспективы взаимоотношений между участниками конфликта, репутация участников в ходе конфликта у различных заинтересованных сторон) [25, с. 204–207].

Для управления конфликтами политический субъект должен учитывать наиболее принципиальные внешние и внутренние факторы их формирования и протекания. К факторам, влияющим на формы и методы деятельности субъекта управления можно отнести: степень открытости политической системы; уровень сплоченности политических групп и интенсивность внутренних взаимоотношений их членов; характер вовлеченности широких слоев населения в конфликтные взаимоотношения; эмоциональную насыщенность политического поведения групп и граждан и их способность к самоограничению своих властных притязаний и т. д.

Возможность разрешения конфликтов определяется также рядом

определенных условий.

1. Как уже отмечалось, конфликт обязательно должен перейти из латентной в открытую форму, что позволяет поставить более точный диагноз самой проблеме и одновременно ограничить неконтролируемые процессы.

2. Каждая сторона конфликта должна признать своего оппонента и наличие противостояния.

3. Обе стороны должны иметь четкое представление о предмете спора, ибо принятие взаимоприемлемых решений возможно только при условии недвусмысленного представления о сущности взаимных притязаний участников конфликта.

4. Конфликт должен регулироваться нормативно. Оппоненты должны признать необходимость соблюдения определенных правил игры, выполнение которых поможет снизить уровень противостояния и начать процедуру переговоров.

5. Стороны обязаны соглашаться на взаимные уступки. Иначе говоря, у них должна быть взаимная заинтересованность в преодолении противоречий на основе взаимного признания интересов каждой из сторон. Для этого сторонам конфликта необходимо стремиться освободиться от враждебности и недоверия друг к другу. Достичь такого состояния возможно только на основе цели, значимой для каждой группы и в тоже время объединяющей противоборствующие в прошлом группы на более широкой основе.

6. Необходимо иметь в виду, что конфликт может быть ослаблен за счет перевода его на другой уровень. Так, например, накал митинговой стихии может быть снят борьбой сторон в парламенте, конституционном суде, согласительных комиссиях и других организациях, берущих на себя выражение и отстаивание интересов сторон. Подобный способ урегулирования конфликта называется методом институционализации.

Следует отметить, что в разных типах общества урегулирование, разрешение политических конфликтов осуществляется по-разному. Например, в условиях авторитарных и, особенно, тоталитарных режимов

правлящие элиты стремятся устранить конфликты с помощью различных средств с целью достижения всеобщей гармонии, единения и всеединства. Конфликты просто подавляются или загоняются вглубь с помощью репрессивных мер. Однако от этого они не исчезают, а вновь вызревают и обостряются. В таких условиях общество лишается важнейшего источника естественного развития. Поскольку противоречия своевременно не разрешаются, конфликты прорываются в насильственных и неинституциональных формах, в виде бунтов, восстаний и т. д.

Иное дело – демократические общества. Здесь иная политическая культура, поэтому конфликты разрешаются чаще всего в институциализированных формах. На выбор конкретных путей их урегулирования могут оказать влияние такие факторы, как наличие в обществе равновесия сил, соответствующего исторического опыта, традиций, гласности, институциональных условий для консультаций, переговоров и т. д. Здесь функционируют определенные политико-правовые институты, которые способствуют поиску согласия. Поэтому основным условием сознательного разрешения конфликта является его вскрытие. Если конфликты остаются скрытыми, они влияют на политику лишь латентным образом, их дисфункциональные следствия могут усиливаться и даже приобрести необратимый характер, хотя вскрытие конфликтов не всегда означает их анализ на уровне полной демократической гласности. В обществе с любой политической системой анализ и регулирование вскрытых конфликтов может происходить вне условий гласности. Однако подобная практика, а еще в большей степени согласие общества с ней зависят уже от структуры политической системы, специфики ее функционирования и особенно от политической культуры данного общества. Отдельные политические культуры, даже плюралистического типа, отличаются меньшей терпимостью к конфликтам, их гласному урегулированию. В других случаях, когда достоянием гласности становится решение конфликтов «за закрытыми дверями», средствами или способами, которые общественное мнение считает нечестными,

это обычно приводит к скандалу, к отставке данного правительства или отдельных его членов.

Наиболее приемлемой для общества является ситуация, когда конфликт рассматривается в условиях открытой дискуссии, когда те, кого он не затрагивает, имеют возможность сформулировать и сопоставить свои позиции, отражающие их интересы и ценности. Дискуссии могут проводиться при полной гласности, например, с помощью средств массовой информации, имеющих очень большое значение в процессе вскрытия конфликтов, а также при ограниченной гласности, например, в одной организации, или же при исключении гласности, как правило, в узком кругу руководящих лиц. В данном случае все эти варианты могут иметь свои мотивы и преимущества, равно как и недостатки.

Конкретные способы урегулирования политических конфликтов во многом зависят от вида конфликта. Если мы имеем дело с так называемым горизонтальным конфликтом, субъектами которого, как правило, выступают политические структуры, функционирующие в рамках существующей политической системы (например, исполнительная и законодательная ветви власти), то данный конфликт является полностью институционализированным и его урегулирование предопределено законодательно закрепленными правилами политической борьбы, например, конституцией. Урегулирование таких конфликтов во многом зависит от политической культуры лидеров, их умения, используя группы поддержки, находить сторонников и компромиссы. Если в ходе дискуссий, дебатов, работы согласительных комиссий не удастся найти компромисс и конфликт заходит в тупик, то в демократическом обществе существуют такие варианты его разрешения, как обращение в конституционный суд, отставка правительства, роспуск парламента, организация и проведение референдума по спорным вопросам и другие.

Более сложными для урегулирования являются статусно-ролевые конфликты, возникающие, например, между центром и регионами. Регионы могут претендовать не только на повышение своего социально-экономического

и политического статуса, но и стремиться к политической независимости. Наглядный пример неудачного разрешения такого конфликта в Грузии – отношения с Южной Осетией и Абхазией, в России – война в Чечне. Успешным примером разрешения подобных конфликтов является заключение договоров между Центром и таким субъектом Российской Федерации, как Татарстан.

Однако самым сложным для урегулирования и разрешения являются режимные политические конфликты. Сложными они являются потому, что субъектами таких конфликтов выступают, с одной стороны, государственные органы и организации, выражающие интерес господствующим слоям населения и правящей элиты, а с другой – оппозиционные силы, представляющие подвластные массы. Конечной целью такого конфликта является сохранение или смена существующей политической системы. Тут уже борьба идет, как говорится, не на жизнь, а на смерть, ибо решается вопрос о власти, а это главный вопрос любой политики.

В целом же демократический процесс контроля над конфликтными ситуациями включает следующие специальные процедуры:

- взаимный и оперативный обмен достоверной информацией об интересах, намерениях и очередных шагах сторон, участвующих в конфликте;
- сознательное взаимное воздержание от применения силы, способной придать неуправляемость конфликтной ситуации;
- использование существующих или принятие новых правовых норм, административных и иных процедур, способствующих сближению конфликтующих сторон;
- создание и поддержание атмосферы делового партнерства, а затем доверительных отношений как предпосылок исчерпания текущего конфликта и предотвращения аналогичных конфликтов в будущем.

Однако главный путь, важнейшее средство урегулирования, разрешения конфликтов в демократическом обществе – это переговоры. Один из ведущих конфликтологов Т. Шеллинг рассматривает переговоры как органическую

часть конфликта, где им отводится место «запасного выхода» в случае, если его продолжение и разрешение иными средствами становится совершенно бесперспективным и невыгодным. Р. Фишер и У. Юри отмечают различные пути ведения переговоров – мягкий, когда оппоненты готовы идти на уступки; жесткий, когда они занимают крайнюю позицию для своей безусловной победы, и третий, который они рассматривают как наиболее предпочтительный: он объединяет черты двух предыдущих. Этот путь переговоров означает жесткий подход к рассмотрению существа дела, но предусматривает мягкий подход к отношению между участниками переговоров [99, с. 25–27].

Что же такое переговоры? Переговоры – это прямое или косвенное общение конфликтующих сторон, направленное на такое согласование взаимных интересов и целей, которое может привести к снижению интенсивности или завершению конфликта [90, с. 481–482]. Любые ведущиеся противоборствующими сторонами переговоры предполагают точную оценку целей и интересов, которые необходимо защищать. Кроме того, необходимо также более точное знание о преимуществах, которыми обладает одна сторона для оказания давления на другую. В процессе переговоров определяется соотношение сил, и результатом переговоров во многом является легитимация возникшей новой ситуации, которая устанавливается сторонами.

Каковы основные элементы процесса разрешения конфликтной ситуации? В целом разрешение подобной ситуации можно разделить на три стадии: подготовительную, переговоры, выход из конфликта и контроль за согласованными решениями.

На подготовительном этапе обычно осуществляется детальный, всесторонний анализ участниками конфликтной существующей конфликтной ситуации. Специалисты включают в информацию о конфликте сведения об объекте конфликта, его субъектах, исторических корнях, поводах, уровне напряженности в начальной точке и т. д. Затем должна подвергнуться изучению каждая из составляющих. Например, анализируя такой важнейший элемент, как

«участники конфликта», т. е. самих себя, выделяют так называемые «ресурсы», на которые они могут опереться (т. е. комплекс объективных преимуществ и аргументов); рассматривают уровни притязаний на предмет их соответствия ресурсам, а также принятым в обществе нормам и правилам. В итоге получается своего рода «дерево конфликта», помогающее определить оптимальную деятельность по разрешению конфликта.

Как показывает практика, на предварительном этапе закладывается фундамент разрешения конфликта. Одним из результатов этого этапа должно быть четкое понимание каждым из участников конфликта отличия того, что может быть достигнуто, от того, чего он желает достичь. Целью переговоров должно стать достижимое, а не желаемое. Результаты переговоров будут прочными тогда, когда они основаны на реальности, а не на чьих-то фантазиях.

Следующий этап разрешения конфликта – собственно переговоры. Эта стадия может быть довольно длительной и трудной, так как она предполагает непосредственный контакт участников конфликтной ситуации или их доверенных лиц. Понятно, что постоянное психологическое напряжение отнюдь не способствует активизации интеллектуальных усилий и повышению конструктивности решений.

В ходе последней, третьей стадии, проводится анализ результатов переговоров и определяются объективные критерии контроля за реализацией достигнутых договоренностей.

Проблему разрешения конфликта невозможно понять без учета различных линий поведения участников конфликта, которые обуславливаются их политической культурой. Остановимся на некоторых из них. Какими могут быть эти линии поведения? Линия поведения первого типа – тактика ухода от признания конфликта. Последователи такого рода тактики предпочитают не замечать доведенных до предельной остроты столкновений интересов конфликтующих сторон и призывают не драматизировать ситуацию.

Линия поведения в конфликтной ситуации второго типа характеризуется социально-психологической позицией подчиненного по отношению к

начальству. Основная цель этой тактики – достичь соглашений любыми средствами, даже ценой уступок и односторонних потерь. Такой участник легко меняет свои позиции под давлением соперника, подчиняясь его воле. Он готов рассматривать любые предложения, лишь бы сохранить переговоры и надежду на достижение согласия. Такая стратегия является чаще всего вынужденной и, как правило, ведет к поражению.

Линия поведения на переговорах третьего типа – тактика неуступчивости, основная цель которой – полная победа над противником. Такой партнер твердо придерживается своей позиции и постоянно требует уступок других участников конфликта в обмен на продолжение переговоров. Для него характерны силовые методы разрешения конфликтных ситуаций, а угроза – наиболее часто используемое средство. Психологически такой партнер порывает отношения с другими участниками конфликтной ситуации, не доверяя им. Более того, он вводит в заблуждение относительно своих истинных намерений. На переговорах «неуступчивый» пытается заставить других принять единственное, причем предложенное им самим решение проблемы.

По-видимому, наиболее перспективна модель поведения в конфликтной ситуации, которая называется тактикой согласия [99, с. 25–27]. Суть тактики состоит в том, чтобы убедить участников конфликта выработать общий подход к проблеме для достижения решения, удовлетворяющего все заинтересованные стороны. В рамках этой тактики целесообразно концентрировать внимание на позициях участников, скрупулезном подсчете соотношения негативных и позитивных последствий для каждой из заинтересованных сторон при том или ином варианте решения проблемы. Тактика согласия предполагает отказ от образа соперника как врага. Скорее всего, он такой же субъект политики, как и другая сторона, но только со своими специфическими интересами. В рамках этой линии поведения одной из высших ценностей являются сами переговоры, которые продолжаются независимо от степени доверия между участниками, причем уступки в ответ на рациональные доводы участника переговоров

воспринимаются не как поражение, а как решение проблемы.

В мировой политологии разработана теория переговорного процесса, основные положения которой сводятся к следующим рекомендациям сторонам, ведущим переговоры.

1. Делать разграничения между участниками дискуссии и обсуждаемыми проблемами.

2. Сосредоточиваться не на интересах сторон, а на проблемах.

3. Настаивать на использовании объективных критериев оценки позиций конфликтующих сторон.

4. Создавать взаимовыгодные варианты.

Конфликтологами разработан также ряд рекомендаций, следование которым ускоряет процесс разрешения конфликтов:

1) во время переговоров приоритет должен отдаваться обсуждению содержательных вопросов;

2) стороны обязаны стремиться к снятию психологической и социальной напряженности;

3) стороны должны демонстрировать взаимное уважение друг к другу;

4) участникам переговоров необходимо стремиться превратить содержательную и скрытую часть конфликтной ситуации в открытую, гласно и содержательно раскрывая позиции друг друга и сознательно создавая атмосферу публичного равноправного обмена мнениями;

5) участники переговорного процесса должны стремиться к уступкам друг другу. Как пишет А. И. Соловьев, переговорный процесс должен осуществляться «в рамках взаимоотношений «уступки – сближение» [90, с. 482].

Однако даже при безусловном следовании всем вышеозначенным рекомендациям полное разрешение всех противоречий на переговорах не всегда возможно. В этом случае целесообразно прибегать к помощи посторонних лиц или инстанций, таким методам разрешения конфликтных ситуаций, как посредничество и арбитраж. Наиболее мягкой формой участия

третьей стороны является посредничество. Посредничество предполагает соглашение сторон периодически выслушивать мнение третьей, незаинтересованной стороны и рассматривать ее предложения. Процедура осуществления посредничества имеет свои принципы, главными из которых являются нейтральность, объективность, компетентность, авторитетность, высокая политическая культура.

Существуют различные типы посредников. Рассмотрим некоторые из них. К первому типу можно отнести посредников, которые при обращении к ним участников конфликта действуют подчеркнуто нейтрально и вместе с тем независимо. Им присущ официальный стиль поведения. Они требуют внимания и уважения к своим предложениям и рекомендациям. Во время переговоров, как правило, берут на себя роль ведущего, позволяя себе ограничивать выступающих как с одной, так и с другой стороны. Для посредников такого типа основой деятельности являются, прежде всего, законы, правила и инструкции.

В основе деятельности второго типа посредников выступает процесс создания единой системы ценностей, в рамках которой можно формулировать правила и процедуры согласования интересов, достигая согласия по спорным вопросам. Они активно участвуют в переговорах, предлагая свои варианты решения обсуждаемых проблем, но не настаивают на них в случае критики одной из сторон. Основную свою задачу такие посредники видят в том, чтобы создать условия для успешных переговоров и в этих условиях активизировать процессы обсуждения и согласования взаимных интересов конфликтующих сторон.

Отметим также, что посредник выполняет три основные функции: коммуникативную (устанавливает связи), исследовательскую (изучает ситуацию) и организационную (организует переговоры). Все они подтверждают сложность этого рода деятельности, которая требует уникального сочетания человеческих способностей – интеллектуальных и деловых.

Посредничество как политический институт с успехом применяется на

Западе, где созданы государственные и негосударственные службы, оказывающие посреднические услуги. В некоторых странах ведется подготовка специалистов данного профиля.

Вторая, более жесткая форма посредничества – арбитраж, когда решение третьей стороны является обязательным. Но обязательность решений арбитража выводит регулирование конфликта на уровень возможности его подавления, и поэтому следует прибегать к этой форме в крайних случаях, ибо подавленный конфликт все равно остается конфликтом, но только в латентной скрытой форме и может вновь разгореться.

В процессе переговоров, с посредниками или без посредников, наиболее эффективными формами урегулирования и разрешения политических конфликтов являются компромиссы и консенсусы. Учитывая важность этого вопроса, рассмотрим его подробнее.

Что такое компромисс? Как мы уже отмечали, понятие «компромисс» означает соглашение на основе взаимных уступок. Различают компромиссы вынужденные и добровольные. Первые с неизбежностью навязываются сложившимися обстоятельствами. Вторые заключаются на основе соглашения по определенным вопросам и соответствуют какой-то части политических интересов всех взаимодействующих сил.

При урегулировании конфликтов относительно редко складывается ситуация, когда противоречия между противоположными интересами, ценностями разрешаются путем «уничтожения» одной из сторон, хотя и такие ситуации не исключены. В большинстве случаев имеет место согласование интересов в процессе переговоров, результатом которого является компромисс, т.е. соглашение на основе взаимных уступок. Такого рода компромиссы всегда зависят от фактической власти сторон, от их политических устремлений.

Компромисс наилучшим образом характеризует сущность мирного регулирования конфликта, поскольку ориентирован на снижение его интенсивности. Более того, он означает существенные подвижки в позициях конфликтующих сторон, поскольку, по справедливому замечанию Р. Арона, «в

конце концов соглашаться на компромисс – значит отчасти признать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех» [7, с. 71].

Как отмечает один из российских исследователей, компромисс включает следующие признаки: с одной стороны, это собирание, объединение, сотрудничество взаимодействующих сторон, с другой – характеристики взаимного исключения, противоборство, конфликты, которые проявляются в отношениях между ними. Причем компромисс – это не противоречие, и не конфликт. Здесь наиболее крайние, разрушительные проявления как бы отсекаются, отграничиваются, отчасти же преобразуются в систему сдержек в отношении претензий каждой из сторон [5, с. 14-15].

Следовательно, компромисс представляет собой определенное равновесие, баланс сил, действий, интересов при достаточной независимости, самостоятельности конфликтующих сторон. Это равновесие находится в состоянии подвижности, нарушения и восстановления. Такое равновесие составляет основу стабильности политических отношений.

Иногда политические компромиссы осуждают за соглашательство, беспринципность, предательство интересов. Уступают чаще всего обе стороны, хотя, может быть, и в разной степени: более слабая сторона идет на большие уступки. И тем не менее, выигрывают обе стороны. Ибо по-другому разрешить конфликт было бы просто невозможно. Так что осуждение компромиссов по моральным соображениям, как правило, только на первый взгляд кажется «аморальным». В действительности же это есть политическое суждение, основанное на иных политических интересах или соображениях.

В демократических обществах компромисс выступает как естественное средство разрешения политических проблем и конфликтов. Как мы уже отмечали, он имманентен демократии, поскольку здесь сформировались политические институты, посредством которых возможно публичное согласование интересов и соответствующее общественное мнение, ориентированное на мирное разрешение конфликтов. В целом можно говорить

о созидательном, конструктивном характере компромиссов, которые представляют собой эффективное средство разрешения реальных противоречий в ситуациях, когда силовой подход неприемлем. Это что касается компромисса.

А какова роль консенсуса в разрешении политических конфликтов? О консенсусе мы уже вели речь в шестом разделе данной работы. К сказанному добавим следующее. В буквальном переводе с латинского слово «консенсус» означает общность чувств и мыслей, взаимопонимание. В русско-английском толковом словаре «Политика» консенсус определяется как «принятие решений на основе общего согласия участников» [71, с. 258].

В отечественной и зарубежной политологической литературе понятие консенсус употребляется преимущественно в двух смыслах. Во-первых, в узком значении термина, как способ принятия политических решений, при котором отчетливо выраженная политическая воля большинства участвующих в его принятии, уравнивается отсутствием возражений со стороны хотя бы одного из участников. В этом же смысле говорят о консенсусе в разрешении споров и конфликтов. Во-вторых, под консенсусом в широком общеполитическом смысле понимается гражданское согласие в обществе. В таком понимании политический консенсус тесно примыкает к своей социологической трактовке как согласие значимого большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях [89, с. 134]. В политологии, как мы уже отмечали, это называется основным консенсусом или консенсусом на уровне общества.

Можно сказать, что основная функция консенсуса состоит в том, что благодаря ему достигается необходимая стабильность общества. Чем больше консенсуса в обществе, тем сильнее действует тенденция к стабилизации. Чем меньше консенсуса, тем больше вероятность дестабилизации. Исторически консенсус может быть оценен как один из факторов сохранения и нормального функционирования государства, политической системы в целом. Под этим подразумевается определенная ступень гражданского согласия в отношении общественного, государственного устройства и проблем развития страны,

характеризующаяся наличием значительной поддержки проводимого курса и отсутствием его активного неприятия, что позволяет управлять социально-политическими процессами ненасильственными методами.

Консенсус – это универсальный принцип демократии, позволяющий разрешать и предупреждать противоречия и конфликты, снимать напряженность в обществе. Эффективность консенсуса зависит от степени участия во власти, благосостояния общества, уровня политической культуры и т. д.

Итак, консенсус есть метод, способ и одновременно процесс группового принятия решений. Это заключение договоров, подписание соглашений, принятие решений на основе общего согласия участников. Суть консенсуса – найти приемлемое для всех решение. Поскольку добиться этого не просто, то те, кто занимается этим, должны проделать большую работу: собрать необходимую информацию, сопоставить точки зрения, обсудить и согласовать между собой разные варианты решений.

Достижение консенсуса невозможно без компромиссов. Компромисс выступает необходимым условием консенсуса. Можно сказать также, что он является одним из важнейших элементов консенсуса. А консенсусное решение проблем характерно для любой демократической системы или сообщества. Как уже отмечалось, консенсус – универсальный принцип демократии, они неразделимы. Неслучайно некоторые политологи определяют демократию как власть большинства, уважающую права меньшинства. Демократия – это своего рода образ жизни. Консенсус же внутренне присущ демократии, прежде всего, потому, что в ней существуют институты, в рамках которых возможно согласование интересов и благоприятное общественное мнение, ориентированное на мирное разрешение противоречий и конфликтов, выработавшие «стойкий иммунитет» к силовым или чрезвычайно радикальным решениям.

Следует отметить, что принцип консенсуса не совместим с механическим подсчетом большинства голосов при решении каких-либо спорных вопросов. С

данным решением должны быть согласны все заинтересованные лица. Вместе с тем принцип консенсуса не равнозначен праву вето, как это, например, имело место в средневековом польском сейме, когда голос «против», даже одного участника этого представительного органа сводил на нет двухнедельную дискуссию по тому или иному вопросу [51, с. 106].

Иными словами, консенсус нельзя рассматривать как единогласие, поскольку полного совпадения позиций всех участников процесса принятия решения в данном случае не требуется. Здесь предполагается отсутствие только прямых возражений, но допускается нейтральная позиция, например, воздержание при голосовании. И в то же время, консенсус не совместим с отрицательной позицией хотя бы одного из участников принятия решения [18, с. 4].

Каковы же основные пути достижения консенсуса в урегулировании и разрешении политических конфликтов? Совершенно очевидно, что исходной точкой этого процесса является признание чужих интересов, их права на существование. Это является гарантией того, что интересы одной стороны будут признаны другой стороной.

Далее, при решении любых политических вопросов на консенсусной основе особое внимание должно уделяться защите прав меньшинства, без чего консенсус невозможен. Игнорирование прав меньшинства рано или поздно приводит к повторному возникновению распрей и конфликтов, а то и к кризисным ситуациям.

Необходимым условием консенсусного разрешения конфликтов является обязательное альтернативное обсуждение любых предлагаемых путей, мер и средств решения проблемы. Причем веер альтернатив не должен быть узким, чтобы не приходилось выбирать между нехорошим и плохим. Должно быть и хорошее, и отличное в качестве альтернативы.

Необходимо также не ограничивать круг лиц, имеющих право предлагать альтернативные проекты разрешения конфликтной ситуации. Все заинтересованные должны иметь возможность высказать свое мнение и внести

любые предложения по рассматриваемому вопросу [51, с. 105].

Таким образом, консенсусное разрешение политического конфликта можно представить как процесс, который начинается с признания частичной справедливости чужих аргументов и согласия на уступки в обмен на принятие взаимовыгодного решения. В результате исчерпывается предмет конфликта, ослабевает негативное отношение к политическому противнику и устанавливаются новые, позитивные отношения между участниками конфликта; проблема исчезает с политической повестки дня.

Такова общая схема процесса разрешения политических конфликтов посредством переговоров. Следует еще раз подчеркнуть, что не до конца разрешенный конфликт всегда сохраняет в себе возможность обострения. Разумеется, это создает и новые проблемы для его урегулирования. А иногда неразрешенные конфликты ведут к кризисам.

Каковы пути разрешения политических кризисов? Следует иметь в виду, что политический кризис представляет собой процесс, имеющий некоторые универсальные стадии. Каждая из них отличается своей политической и социально-психологической спецификой, темпами прохождения стадий. Нередки случаи разрешения кризиса на одной из них.

Развитие политического кризиса, так же как и конфликта, обычно протекает по трехступенчатой схеме: скрытая, или латентная стадия, стадия накопления противоречий; стадия эскалации, или нарастания, кризиса; стадия его разрешения. Иногда этот же ритм кризиса описывается в несколько иных категориях: предкризисное, кризисное и послекризисное состояние общества и его политической системы. Несмотря на различия в терминах, суть остается одной и той же.

Первая, или начальная, стадия кризиса обычно характеризуется широким объединением народных, социальных сил в борьбе со старыми, отжившими отношениями. На поверхность выходит острый социальный конфликт, отличающийся высоким накалом страстей и приоритетом разрушительных задач перед созидательными. Одновременно возникает иллюзия национального

согласия, легкости и бесконфликтности перехода к новому состоянию. Ее питает деморализация защитников старой системы, а также представления о дряхлости и неустойчивости старых порядков. Силы, сориентированные на преобразования, как и их лидеры, обычно не представляют себе, как далеко зайдет этот процесс. Они с трудом осмысливают препятствия, встающие на пути.

Вторая стадия обычно является этапом дифференциации и постепенной поляризации социальных сил в соответствии с позитивными программами, отражающими их объективные интересы. Все более откровенно проявляется перспектива обострения противоречий внутри еще недавно единых противников прежних порядков. Намечаются контуры новых сдвигов. Одновременно собираются с силами и защитники прошлого.

За фасадом сложных процессов размежевания прежних союзников и объединения недавних противников просматривается постепенное оформление противостояния двух основных линий в развитии кризиса. Чаще всего этот процесс протекает в форме всенарастающего усиления прогрессивного и консервативного флангов, с двух сторон давящих на центр и, по существу, определяющих его политику. Складывается ситуация фактического двоевластия. На этой стадии обнаруживается, что центральным моментом противостояния является борьба за власть. Вопрос о власти, казалось бы, решенный еще на первом этапе, вновь встает на повестку дня. Под воздействием процесса поляризации с политической арены исчезает центр. Наступает переломный момент.

Следующая стадия – самый острый и драматический этап борьбы за власть. Это, собственно, этап политической «разрядки». От того, какие силы одержат верх, зависит дальнейшая судьба страны.

Нетрудно заметить, что политический процесс в странах СНГ в свое время прошел все эти стадии. Последующее состояние рождало тенденции и формировало силы, отстаивавшие различные выходы из кризисной ситуации в виде: 1) сохранения существующих систем при их возможной модификации; 2)

откровенной или закамуфлированной ставки на «твердую руку»; 3) безоглядной ориентации на западный вариант развития, неолиберальную или неоконсервативную модели западного типа; 4) радикальной демократической реформы с учетом интересов всех слоев населения, своеобразия национальных условий, исторических традиций страны и т. д. Любая из перечисленных альтернатив являлась лишь одним из возможных путей выхода из кризиса.

Каковы же конкретные пути и способы разрешения политических кризисов? Одним из них является революция. Однако революционный способ разрешения кризиса не только быстро и радикально разрешает накопившиеся проблемы, но и требует от общества очень высокой социальной платы. Нередко он сопровождается мощнейшими потрясениями, отражающимися на жизни многих поколений. Таким образом, социальная революция является экстремальным средством разрешения социально-политических кризисов.

Другим способом, более типичным для современности, является реформа. Главное достоинство реформаторского разрешения социально-политического кризиса состоит в том, что удается сохранить определенный баланс сил, их некоторое равновесие. Борьба интересов и идей осуществляется в рамках гражданского согласия, через взаимные уступки, предполагающие диалог и компромиссы. Для национального развития это дает наиболее благоприятный результат. Однако для достижения общенационального согласия требуется незаурядная политическая гибкость и мастерство правящих сил, способных осуществлять реформирование общественной системы. Здесь все спорные вопросы должны решаться на основе переговоров, компромиссов, консенсуса.

Вообще следует сказать, что оптимальное, цивилизованное функционирование всякого демократического человеческого сообщества возможно только на базе консенсуса. Любое групповое усилие может дать положительный эффект только в том случае, если оно осуществляется с общего согласия. Помимо конструктивности несомненным достоинством консенсуса является принцип справедливости. Общественное мнение складывается из мнений всех членов общества. Следовательно, мнение каждого должно быть

учтено при принятии решения. Принятие решений путем консенсуса является гарантией, что прогрессу в развитии общественного сознания будет соответствовать прогресс политический. Иными словами, консенсус является гарантией невозможности установления авторитарных режимов или олигархической формы правления в процессе выхода из кризисов.

В странах СНГ проблема консенсуса приобретает особое значение: многочисленные пробуксовки в осуществлении реформ объясняются отсутствием согласия в обществе; нет консенсуса по базовым ценностям – старые разрушены и дискредитированы, а новые не сформировались. Еще труднее дается осознание необходимости процедурного консенсуса, а также управления через дискуссию.

Важным условием выхода общества из кризиса является наличие и сохранение политических свобод: слова, печати, объединений и т. д. Недопустимо грубое, brutальное подавление оппозиционных сил, ибо в таком случае они могут только повысить свой рейтинг и набрать «политические очки» великомучеников. Однако и оппозиция должна быть конструктивной, опираться на широкую социальную базу, а не руководствоваться только личными амбициями своих лидеров.

Необходимо широкое, разнообразное использование всего арсенала средств демократической политической культуры: референдумов, выборов, всевозможных реорганизаций и кадровых перестановок. Все это не исключает определенного изменения баланса между законодательной и исполнительной властями. В ряде случаев эффективным бывает некоторое усиление исполнительной власти, но не за счет, а при сохранении основных полномочий власти законодательной.

Весьма важным является также учет политических традиций, политического менталитета, политической культуры народа. Никогда не следует торопиться «резать по живому», силовыми приемами «ломать» политические стереотипы и психологию масс, хотя все это не отрицает необходимости умелого воздействия властных структур на общественное

мнение, процессы политического сознания.

В целом же выход из общенационального кризиса предполагает осознание причин, которые данный кризис породили, формирование правительства, которое пользовалось бы доверием народа, и консолидацию масс вокруг программы выхода из сложившейся ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные взгляды на концепцию политической культуры позволяет сформулировать определённые выводы. На сегодняшний день политическая культура является своеобразным теоретическим конструктом, не имеющим однозначного и единого содержания. В основном данная концепция используется для объяснения того, почему произошли те или иные события, или сложилась та или иная ситуация. В целом политическая культура представляется как система исторически сложившихся, относительно устойчивых и воплощающих опыт предшествующих поколений людей установок, убеждений, представлений и стереотипов поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политических отношений. Фиксируя принципы, нормы и институциональные механизмы их взаимодействия, политическая культура тем самым обеспечивает воспроизводство политической жизни общества на основе исторической преемственности. При этом она выступает как объективная данность, являющаяся не простым внешним отражением существенных черт политического процесса, но его внутренней, органической частью. Вплетенная в контекст существующих общественно-политических отношений, в структуру социальной деятельности, политическая культура возникает и эволюционирует вместе с этими отношениями.

За полвека лет со времени появления первой концепции политической культуры проведено немало исследований как в национальных рамках, так и в международно-сравнительном аспекте. Основные выводы этих научных работ, как правило, не выходили за рамки замечаний, что по одним показателям, основаниям есть сходство в политических культурах разных стран, а по другим — нет. Однако основная цель изучения политической культуры не сводится к выявлению установок, ценностей, ориентаций, ожиданий и даже моделей политического поведения. Самое важное, на что может пролить свет сравнительное изучение политических культур, — это возможность выявления

закономерностей развития и функционирования политической организации, политической системы общества и, в конечном счете, всей социальной системы в целом.

Углубленное изучение политического сознания и политической культуры является неременной стороной познания политической жизни любого общества. Именно она во многом объясняет истоки, характер и особенности конкретной политической системы, существующие в обществе политический режим, политическое участие масс, динамику и направленность политических процессов. Необходимость изучения политической культуры диктуется также потребностями в прогнозах политического поведения людей, без чего невозможна результативная практическая политика.

Республика Беларусь сейчас находится на переходном этапе, в переходном состоянии. Политическая система, политические приоритеты, ценности общества за последнее десятилетие подверглись серьезному воздействию внешних и внутренних факторов, и потому претерпели значительные изменения. Соответственно изменилась и политическая культура. Естественно, ей не свойственна быстрая смена основных характеристик и некоторые прежние её черты существуют и ныне в нашем обществе.

Смена типов политической культуры, какой бы острой ни была в этом необходимость, не осуществляется сразу, а требует определенного времени. Резкое изменение политической культуры, системы её ценностей и ориентаций, образцов социального поведения может привести к дезорганизации общества, углублению социальных противоречий. Поэтому существует необходимость в особых переходных состояниях, в рамках которых происходит ломка одного типа политической культуры и становление другого. Думается, что в этом нет ничего необычного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаренко, С.А. Мораль /С.А. Азаренко //Современный философский словарь. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
2. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г.Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – № 4. С. 122 – 134.
3. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии /Г. Алмонд, С. Верба Политология: Хрестоматия /Сост. Б.А. Исаев, А.С Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006. – С. 274 – 285.
4. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие (Сокр. пер. с англ.) / Г. Алмонд, Дж. Пауэл, К. Строн, Р. Далтон. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
5. Алтухов, В. Компромисс – новое слово эпохи? / В. Алтухов // Свободная мысль. 1993. № 16. – С. 14 – 25.
6. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
7. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. М: Текст, 1993. – 303с.
8. Астаповский, В.Е. Политическая символика в нормативно-оценочной составляющей политической культуры белорусов /В.Е. Астаповский, Б.М. Соколов// Проблемы управления. – 2009. – №4. – С. 100 – 104.
9. Баталов, Э.Я. Политическая культура современного американского общества. /Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1990. – 256с.
10. Баталов, Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен /Э.Я. Баталов// Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII, ч. 2. – М.: ИНИОН АН СССР, Ин-т молодёжи, 1990. с. 101 – 144.
11. Бельков, О. Конфликтологический инструментарий политического менеджмента / О. Бельков // Власть. 2003. № 11. – С. 27 – 32.

12. Бенхабиб, С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. Пер. с англ. / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2005. – 289 с.
13. Биджиев, И. А. Ситуация неопределённости как фактор российского политического процесса. Автореферат дис-и на соискание учёной степени канд. полит. наук /И.А. Биджиев. – Ставрополь, 2009. – 22с.
14. Богданович, М. Белорусское возрождение /М. Багдановіч // Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 2. Маст. Проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – С. 257 – 285.
15. Бондар, А. Социокультурный раскол и развитие российской государственности / А. Бондар // Власть. – 2009. – № 3. – С. 9 – 12.
16. Бордовских, А.Н. Природа политического риска в условиях перехода от международного к глобальному мироустройству /А.Н. Бордовских// Власть. – 2008. – №11. – С. 37 – 41.
17. Быченков, Д.В. Политический риск: проблемы дефиниции и классификации /Д.В. Быченков// Общественные науки и современность. – 2008. – №3. – С. 123 – 132.
18. Варламова, Н. В. Общественный консенсус: подходы к проблеме / Н.В.Варламова, Н. Б. Пахоменко // Государство и право. 1992. № 9. – С. 3 – 10.
19. Вебер, М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения /М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
20. Вебер, М. К политической критике чиновничества и партийной жизни /М. Вебер// Политические работы (1895 – 1919): Пер. с нем. – М.: Праксис, 2003. – 424с., С. 107 – 199.
21. Герменчук, В. Управление по результатам, или новая жизнь старых идей /В. Герменчук// Беларуская думка. – 2010. – №1. С. 66 – 73.
22. Гирц, К. Интерпретация культур (Пер. с англ) /К. Гирц. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 560с.

23. Глебова, И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы / И.И. Глебова // Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 33 – 34.
24. Гусейнов, А.И. Соционормативная сфера культуры /А.И. Гусейнов// Вопросы философии. – 2008. – №8. – С. 35 – 50.
25. Дойч, М. Разрешение конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы / М. Дойч // Социально-политический журнал. 1997. № 1. – С. 199 – 217.
26. Драч, Г.В. Культурология /Г.В. Драч, О.М. Штомпель, Л.А. Штомпель, В.К. Королев. – СПб.: Питер, 2010. – 384с.
27. Зимина, В.Д. Политическое управление: Учебник /В.Д. Зимина, Н.А. Борисов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. – 367с.
28. Золотницкий А. Рубить надо не вершки, а под корень / А. Золотницкий //Снплюс. Свободные новости плюс. – 2008. – 19 – 26 ноября.
29. Ильин, А.Н. Массовая культура и субкультура /А.Н. Ильин// Социология культуры. – 2010. – №2. – С. 69 – 82.
30. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества /Р. Инглхарт// Политология: Хрестоматия Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб. : Питер, 2006. – С. 286 – 305.
31. Ирхин, Ю.В. К вопросу о кросскультурных исследованиях: Восток – Запад /Ю.В. Ирхин Социологические исследования. – 2005. – №2. – С. 131 – 134.
32. Ирхин, Ю.В. Политология: Учебник /Ю.В. Ирхин, В.Д. Зотов. Л.В. Зотов. – М.: Юристъ, 2001. – 511 с.
33. Ирхин, Ю.В. Социология культуры /Ю.В. Ирхин. – М.: Экзамен, 2006. – 525с.
34. Кармин, А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы /А. Кармин// Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 52 – 60.
35. Касумова, Г.К. Социально-философский аспект формирования

нового типа культуры /Г.К. Касумова// Философия и социальные науки. – 2009. – №5. – С. 22 – 26.

36. Кейзеров, Н.М. Политическая и правовая культура: Методологические проблемы) / Н.М. Кейзеров. – М.: Юрид. лит., 1983. – 232 с.

37. Керимова, Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы /Т.В. Керимова. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 208с.

38. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.

39. Костенко, В.И. Тенденции развития российской политической культуры в XXI в. / В.И. Костенко, В.Д. Перевалов // Российский юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 42 – 47.

40. Красиков, С.А. Современные политические риски: от теоретического осмысления к проблемам управления /С.А. Красиков// Социальная политика и социология. – 2008. – №4. – С. 168 – 176.

41. Красин, Ю.А. Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? / Ю.А. Красин // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 6. – М.: ИСРАН, 2007. – 405 с.

42. Кудишина, А.А. Политико-правовые аспекты современного гуманизма /А.А. Кудишина //Государство и право. – 2007. – №1. – С.18 – 27.

43. Купчинова, Т.В. Риск и рисковые коммуникации /Т.В. Купчинова// Философия и социальные науки. – 2009. – №1/2. – С. 48 – 51.

44. Кустовский, М. Н. Политические традиции и политическая культура: исторический опыт / М. Н. Кустовский, Б. М. Соколов // Проблемы управления. – 2009. – №2. – С. 113-115.

45. Ладатко, Л.В. Этика и культура управления: Учеб. пособие /Л.В. Ладатко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 317с.

46. Ланцов, С.П. Политическая история России /С.А. Ланцов. – СПб.: Питер, 2009. – 352с.

47. Лукашенко А.Г. Антикоррупционная атмосфера. Заключительное слово на совещании по вопросам эффективности принимаемых мер по борьбе с коррупцией /А.Г. Лукашенко //Советская Белоруссия. – 2008. – 14 ноября;
48. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия /Н. Макиавелли. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 461 с.
49. Мананникова, Е.Н. Психология управления: Учебное пособие /Е.Н. Мананникова. – 2-е изд. – Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰», 2009. – 320с.
50. Мейер, Г. Германия – одно государство, две политические культуры / Г. Мейер //Вестник МГУ. – Серия 12. – 1994. – № 4. – С. 66 – 79.
51. Мельников, А. П. К вопросу о сущности понятия «консенсус» / А. П. Мельников // Технология политики. Гражданское и национальное согласие – первооснова консолидации белорусского общества. Материалы Междунар. науч. конф. Минск, 9–11 февраля 1995 г. Минск, 1995. – Минск: Право и экономика, 1995. – С. 102 –107.
52. Мельников, А.П. К вопросу о понятии и сущности политического риска /А.П. Мельников// Общество, экономика, право. Сб. науч. трудов, 2002 – 2003. – Минск: БГУ, 2003. – С. 90 – 95.
53. Мельников, А.П. К вопросу о сущности политического управления /А.П. Мельников// Проблемы управления. – 2002. – 4. – С. 33 – 40.
54. Мельников, А.П. Национальный менталитет белорусов /А.П. Мельников. – Минск: Право и экономика, 2005. – 112с.
55. Мельников, А.П. Политическая культура /А.П. Мельников, С.Ф. Сокол – Минск: БИП – С Плюс, 2006. – 65 с.
56. Мельников, А.П. Политические конфликты: учеб.-метод. пособие /А.П. Мельников, С.Ф. Сокол. – Минск, БИП – С Плюс, 2010. – 92с.
57. Мельников, А.П. Целеполагание как фактор политического управления /А.П. Мельников// Управление в социальных и экономических системах. Материалы X Международной научно-практической конференции (2 – 6 июня 2008г., г. Минск) – Минск: Изд-во МИУ, 2008. – С. 110 – 111.

58. Митрошенков, О.А. Ответственность в политике и власти как проявление политической культуры / О.А. Митрошенков // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: материалы «круглого стола». – М.: МГУ, 2009. – С. 32 – 41.
59. Ненасилие: философия, этика, политика. – М.: Наука, 1998. – 188с.
60. Нещадин, А.А. Социально-экономическое развитие: национальные особенности и коллективное бессознательное /А.А. Нещадин// Философские науки. – 2009. – №3. – С. 7 – 11.
61. Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т.4. /Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов – Данильян и др. – М.: «Изд-во «Энциклопедия»: ИД «ИНФА – М», 2008. – 430с.
62. Оболонский, А.В. Бюрократия для XX века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия /А.В. Оболонский. – М.: Дело, 2002. – 168с.
63. Общая теория государства и права: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520с.
64. Общая теория государства и права: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1994. – 360с.
65. Орлов, Б. Особенности политической культуры социал-демократии /Б. Орлов// Свободная мысль. – 2009. – №3. – С. 98 – 108.
66. Осипова, Е.В. Социология политической культуры Великобритании // Социологические исследования. – 1992. – № 4. –С. 97 – 105.
67. Оффе, Клаус. Права человека обходятся недёшево /Клаус Оффе //Свободная мысль. – 2009. - №4. – С.5 – 16.
68. Панкевич, Н.В. Коррупционные риски в условиях глобализации /Н.В, Панкевич// Полития. – 2009. – №4. – С. 75 – 85.
69. Пикуль, В.С. Нечистая сила / В.С. Пикуль. – М.: АСТ: Веча, 2008. – 765 с.

70. Пожалов, А.А. Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития/ А.А. Пожалов// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2006 – №3. – С. 43 – 56.
71. Политика: Толковый словарь: Русско-английский. – М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь мир», 2001. – 768 с.
72. Политическое управление: Курс лекций /Под ред. В.И. Малиновского. – Минск: Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 214с.
73. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: (Пер. с англ.) /И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312с.
74. Ратина, М.Е. Гражданственность как общественно-политический феномен /М.Е. Ратина //Вестник Моск-го ун-та. Серия 12. – 2008. – №3. – С.102 – 103.
75. Решетников, С.В. Политическое управление в структуре государственной власти /С.В. Решетников, Н.А. Антонович// Проблемы управления. – 2007. – №2. – С. 59 – 64.
76. Решетников, С.В. Теория процесса принятия управленческих решений: Монография. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 152с.
77. Римский, В.Л. Политическая культура и коррупция / В.Л. Римский // Политическая культура в современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: материалы «круглого стола». – М.: МГУ, 2009. – С. 52 – 62.
78. Рогозин, Э.В. Традиционная политическая культура, её функции и роль в политических процессах современной России /Э.В. Рогозин// Право и политика. – 2009. - №1. – С. 133 – 138.
79. Ролз, Дж. Теория справедливости /Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
80. Рубинов, А. Белорусская модель /А. Рубинов// Белорусская думка. – 2010. – №3. – С. 3 – 9.

81. Сальников, В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства / П.В. Сальников // Демократия и законность. – Самара: Самарский университет. – 1991. – №5. – С. 3 – 11.
82. Салмин, А.М. Природа и роль базовых политических ориентаций (на примере Франции) / А.М. Салмин // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2005. – № 3. – С. 192 – 211.
83. Сивакова, В. Такие разные инфляции / В. Сивакова // Аргументы и факты. – 2006. – № 16. – С. 3.
84. Скок, Н.В. Национальные модели политической культуры // Н.В. Скок. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – 232 с.
85. Скок, Н.В. Политическая культура как субъективный фактор системной политической трансформации /Н.В. Скок// Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 3. – 2009. №2. – С. 53 – 56.
86. Скок, Н.В. Политическая культура: опыт типологизации /Н.В. Скок// Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – №1. – С. 47 – 57.
87. Скок, Н.В. Политическая культура: теория и методология: монография /Н.В. Скок. – Могилев: Беларус. – Российский ун-т, 2009. – 402с.
88. Сматрыцкі, М. Трэнас / М. Сматрыцкі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVII стагоддзя. – Мінск: Бел. навука, 2003. – С. 628 – 632.
89. Современная западная социология: Словарь. М: Политиздат, 1990. – 432 с.
90. Соловьев, А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. М: Аспект Пресс, 2004. – 559 с.
91. Сутор, Б. Политическая этика /Б.Сутор //Политические исследования. – 1993. - №1. – С.61 – 71.
92. Титаренко, Л.Г. Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития /Л.Г. Титаренко// Философия и

социальные науки. – 2009. – №13. – С. 9 – 13.

93. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке. Пер. с франц. / Алекс де Токвиль / М.: Изд-во «Весь мир», 2000. – 560 с.

94. Толерантность. [М.П. Мчедлов и др.]. – М.: Республика, 2004. – 416 с.

95. Толстой, Л.Н. Так что же нам делать? /Л.Н. Толстой. Собрание сочинений. В 22-х т. Т. 16. Публицистические произведения. 1855 – 1886. – М. : Худож. лит., 1983. – 447с.

96. Третий съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчет. – М.: ЦИК СССР, 1925. – 560с.

97. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.3. /М.Фасмер – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 832с.

98. Федорова, Е.В. Афроамериканский фактор в политической культуре США / Е.В. Федорова // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 11. – С. 106-118.

99. Фишер, Р. Путь к согласию, или Переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. М.: Наука, 1992. – 157 с.

100. Цыганков, П.А. Политическая культура и национальные школы социально-гуманитарного знания (пример французской теории международных отношений) / П.А. Цыганков // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: Материалы «круглого стола». – М.: КДУ, 2009. – С. 144 – 151.

101. Черняк, Ю.Г. Методологические аспекты анализа социальных рисков /Ю.Г. Черняк// Философия и социальные науки. – 2007. – №1. – С. 39 – 42.

102. Черняк, Ю.Г. Социальные риски: методологические особенности анализа /Ю.Г. Черняк. – Кафедра социологии БГУ – 20 лет: сб. науч. трудов/ под науч. ред. А.Н. Данилова, А.Н. Елсукова, Д.К. Безнюка; Белгосуниверситет, – Минск: Право и экономика, 2009. – 391с.

103. Шабров, О.Ф. Политическое управление: Проблема стабильности и

развития /О.Ф. Шабров. – М.: Интеллект, 1997. – 200с.

104. Шишкина, Е.А. Культура как источник цивилизационных и социоприродных трансформаций / Е.А. Шишкина // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – С. 58 – 67.

105. Эжиев, И.Б. Геополитический риск как политическая категория /И.Б. Эжиев// Власть. – 2009. – 12. – С. 140 – 143.

106. Электронный ресурс. – 2010. – Режим доступа: <http://orthodox.etel.ru/2006/26/kirill.htm>. – Дата доступа: 04.03.2010.

107. Britannica: настол. энцикл.: в 2 т. /гл. ред. Т. Папас. – М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2006. – Т.2. – 1168.

108. Shils, Edward. The virtue of civility: selected essays on liberalism, tradition, and civil society/ Edward Shils. – Edited by Steven Grosby. – Indianapolis: Liberty Fund, 1997. – 395 p.

109. Webster's Third New International Dictionary Of the English language unabridged/ ed. Ph. Babcock i Gove. – Springfield, 1981. – 2663p.